

ISSN 0132-1366

Издательство «Наука» РАН
195271, Москва, Ленинский просп., 32А
Тел. 938-01-20
e-mail: jurslav@rambler.ru

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Славяно- ведение

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

2007

МАЙ •

ИЮНЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Шевченко К.В.</i> (Прага). Попытка лужицких сербов выйти из состава Германии в 1945–1946 годах	3
<i>Улуян А.А.</i> (Москва). XX съезд КПСС: “Греческое измерение”	25
<i>Майорова О.Н.</i> (Москва). К вопросу о ходе переговоров власти и оппозиции за “круглым столом” 1989 года в Польше	39
<i>Кузнецов Д.В.</i> (Благовещенск). Общественное мнение в странах Запада и Косовский кризис	55
<i>Запрудский С.Н.</i> (Минск). Научный и политический аспекты реформы белорусского языка 1933 года	73

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Стыкалин А.С.</i> (Москва). О реакции В. Гомулки на снятие Н.С. Хрущева (октябрь 1964 года)	89
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Лаптева Л.П.</i> К.В. Шевченко. Лужицкий вопрос и Чехословакия (1945–1948)	105
<i>Никифоров К.В.</i> D. Jović. Jugoslavija. Država koja je odumrla. Uspon, kriza i pad Kardeļeve Jugoslavije (1974–1990)	111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Орехов А.М.</i> Польский Октябрь 1956 года в международной политике: международная научная конференция в Варшаве	115
<i>Вельмезова Е.В.</i> Международная конференция “Социологическое направление в советском языкознании 1917–1938 годов” (Шеффилд, 9–11 сентября 2006 г.)	117

ЮБИЛЕИ

К юбилею Сергея Васильевича Никольского	120
К юбилею Альбины Федоровны Носковой	121
<i>Волокитина Т.В.</i> К юбилею Галины Павловны Мурашко	122
<i>Николаева Т.М.</i> К юбилею Татьяны Владимировны Цивьян	124

НЕКРОЛОГИ

Памяти Михаила Владимировича Фридмана (1922–2006)	126
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (и.о. главного редактора),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРИЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков.
Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2007 г.
© Редакция журнала “Славяноведение”
(составитель), 2007 г.

© 2007 г. *К. В. ШЕВЧЕНКО*

ПОПЫТКА ЛУЖИЦКИХ СЕРБОВ ВЫЙТИ ИЗ СОСТАВА ГЕРМАНИИ В 1945–1946 ГОДАХ

Лужицкие сербы, наряду с другими полабскими славянами вовлеченные в орбиту германской государственности более тысячи лет назад¹, в отличие от своих северных славянских соседей сумели не только сохранить славянский язык, культуру и самосознание, но и дважды в течение XX в. предприняли попытку создать собственную государственность и выйти из состава Германии. Первые годы после окончания Второй мировой войны занимают особое место в истории серболужицкого народа, политическая и культурная жизнь которого в это время была полна драматических поворотов и протекала особенно насыщенно и интенсивно, преодолев свои традиционные культурно-языковые границы и перейдя в политическую плоскость. Шанс, появившийся у лужицких сербов в 1945 г. после капитуляции Германии, был намного реальнее, чем аналогичная возможность в 1918–1919 гг., возникшая вследствие поражения Германии в Первой мировой войне. Лужицкий вопрос в 1945–1946 гг. привлек внимание практически всех славянских государств и в определенной степени стал вопросом международным.

Только полный разгром нацистского рейха избавил сербов-лужичан от угрозы неминуемой национальной гибели. Один из лидеров серболужицкого национального движения П. Недо сказал 27 апреля 1947 г.: “Если бы не было русской оккупационной власти в Лужице, сегодня не существовало бы и серболужицкого народа” [2. С. 6–7. S. 71]). С разгромом Германии встал вопрос о будущем политическом устройстве Лужицы. Опираясь на опыт 1918–1919 гг., когда при поддержке некоторых кругов Чехословакии была предпринята попытка создания независимого лужицкого государства, серболужицкие лидеры выступили за радикальное изменение государственно-правового статуса лужицких земель, выдвинув план их отделения от Германии и присоединения к соседней Чехословакии. Причины прочехословацкой ориентации серболужицких лидеров коре-

---

Шевченко Кирилл Владимирович – канд. ист. наук (Прага).

¹ В раннее Средневековье серболужицкая языковая область на юге захватывала Йзерские и Лужицкие горы и граничила с чешскими диалектами, на севере достигала Кепеника в районе современного Берлина и на востоке доходила до рек Квиса и Бобр на территории современной юго-западной Польши. На западе серболужицкая языковая область распространялась до реки Солавы (нем. Заале). Хотя западнее Заале компактно проживавшего серболужицкого населения не было, отдельные поселения сербов-лужичан доходили до Майнца и северной Баварии (см. [1. S. 25–26]).

нились в давних культурно-исторических связях и этнической близости чехов и сербов-лужичан. Около трехсот лет Лужицы входили в состав земель Чешского королевства. Интенсивные культурные и научные контакты связывали чехов и лужицких сербов в эпоху национального возрождения в XIX в. Наконец, именно Чехословакия оказывала наибольшую помощь лужицким сербам в межвоенный период.

Сторонники радикального решения лужицкого вопроса как с чехословацкой, так и с серболужицкой стороны отдавали себе отчет в уникальности исторического момента, сложившегося сразу после капитуляции Германии. Сравнительное положение Германии после поражений в Первой и Второй мировых войнах, они подчеркивали, что Германия 1945 г., в отличие от 1918 г., наголову разгромлена, полностью лишена суверенитета и оккупирована армиями союзников. То обстоятельство, что именно Красная Армия заняла территорию Лужицы, вначале было источником особого энтузиазма среди серболужицких политиков и их сторонников в Чехословакии, считавших, что тем самым «Лужица впервые в своей истории оказалась под охраной “великого славянского союзника”» [3]. Вывод, который делали сторонники отделения Лужицы от Германии, сводился к тому, что все требования сербов-лужичан должны быть полностью удовлетворены и что опыт 1919 г., когда просьбы лужицких сербов были проигнорированы международным сообществом, повториться не должен.

В мае–июне 1945 г. политические лидеры лужицких сербов развернули активную деятельность, направленную на возрождение серболужицкой национальной жизни. Именно в это время, будучи уверенными в максимально сочувственном отношении к ним со стороны союзников, серболужицкие политики в полном объеме сформулировали свою внешнеполитическую программу и отразили в ней все свои представления о политическом будущем лужицких земель.

Уже 5 мая 1945 г. видный деятель серболужицкого национального движения католический священник Ян Цыж направил из концлагеря Дахау обращение президенту Бенешу, в котором объявлял о “переходе серболужицкого народа под защиту” чехословацкого президента и просил его “принять действенные меры для защиты интересов серболужицкого народа” перед союзными державами. В заключение, напомнив о том, что Верхняя и Нижняя Лужицы являлись историческими землями короны чешской и вошли в состав Саксонии в 1635 г. на определенных условиях², Цыж просил Бенеша о помощи и дальнейших “указаниях” [4. S. 6]. 9 мая Я. Цыж направил аналогичный документ правительству Чехословакии. Высказав просьбу изложить лужицкий вопрос на предстоящей мирной конференции и взять под свое покровительство лужицких сербов, Цыж подчеркнул, что лужицкие сербы могут освободиться от “немецкого ярма” только опираясь на помощь “братских славянских народов, в первую очередь чешского народа” и что сербам-лужичанам “остается единственная альтернатива – либо жить вечно в составе Чехословацкой республики, либо погибнуть навеки в море германства... Появляется уникальная историческая возможность, – обращался Цыж к чехословацкому правительству. – В нашу пользу ситуация, сильно отличающаяся от положения в 1918 году: Германия, наголову разбитая,

---

² Речь идет об условиях Пражского мира 1635 г., в соответствии с которым Лужицы передавались Саксонии лишь на время нахождения у престола правящей тогда династии. После революции 1918 г. в Германии некоторые чешские политики использовали данный пункт для юридического обоснования претензий Чехословакии на территорию Лужиц.

лежит в бессилии. Границы будут изменяться и исправляться. И мы хотим присоединиться к тем, кому мы принадлежим по праву кровного родства,... с кем мы связаны своими чаяниями и своей исторической миссией” [4. S. 7].

9 мая 1945 г. в Праге был образован Серболужицкий национальный комитет (позже Серболужицкий земский национальный комитет – СЗНК), в состав которого вошли находившиеся в Чехословакии серболужицкие деятели. 12 мая 1945 г. члены СЗНК обратились к Сталину и Бенешу с меморандумом, в котором, описав страдания лужицких сербов в нацистской Германии и подчеркнув традиционно близкие связи сербов-лужичан с Чехословакией, изложили ряд просьб. В частности, члены СЗНК призвали обеспечить возвращение в Лужицу всех лужицких сербов, включая военнопленных, которых они предлагали отделить от немцев. Кроме того, члены СЗНК просили дать им возможность переехать из Праги в Будишин (нем. Баутцен) для переноса своей деятельности непосредственно на лужицкие земли. Как явствует из документа, СЗНК планировал возобновить работу национальных комитетов на местах и приступить к политической, культурной и экономической деятельности для возрождения национальной жизни лужицких сербов. В заключение авторы меморандума подчеркивали, что лужицкие сербы получают вторую в своей истории возможность обрести свободу “под охраной победоносного Советского Союза и в тесном сотрудничестве с соседней Чехословакией” [5].

10 мая 1945 г. в историческом центре Верхней Лужицы Будишине возобновила свою работу основная национальная организация лужицких сербов “Домовина”, деятельность которой была запрещена властями нацистской Германии в 1937 г. Наряду с СЗНК “Домовина” стала важным центром национального движения сербов-лужичан. В июне 1945 г. ее деятельность как антифашистской организации, представляющей интересы серболужицкого населения и его культуру, была одобрена советскими оккупационными властями. 12 мая 1945 г. “Домовина” через газету “Правда” направила обращение Сталину, в котором от имени серболужицкого народа призвала руководителя СССР “предоставить помощь и охрану самому малому славянскому народу и освободить его от рабства, в котором он находился столетия”. Коротко остановившись на “мучительных и кровавых” страницах серболужицкой истории и подчеркнув постоянную борьбу сербов-лужичан с германцами, руководители “Домовины” заканчивали свое обращение просьбой “присоединить Лужицы к Чехословацкой республике в качестве национальной автономной единицы, поскольку они принадлежали к чешским землям столетия и поскольку у чехов наши... права были бы гарантированы лучше всего...” Таким образом, и СЗНК, и “Домовина” исходили в это время из необходимости присоединения Лужицы к Чехословакии, в чем они усматривали единственную возможность сохранения серболужицкого народа.

Логичным продолжением этой политики стало налаживание связей между двумя центрами национального движения лужицких сербов. 25 мая 1945 г. в Прагу прибыли Юрий Цыж и Ян Мешканк для установления контактов между “Домовиной” и СЗНК. После обмена мнениями представители двух центров серболужицкого национального движения констатировали, что их целью является “освобождение народа” и “присоединение Лужицы к Чехословакии”. Эта позиция нашла свое выражение во втором меморандуме СЗНК от 1 июня 1945 г. Суть этого документа, определившего основные контуры серболужицкого национального движения на ближайшие полгода, была удачно отражена в

его названии: “Меморандум лужицких сербов – славянского народа в Германии, который требует освобождения и присоединения к Чехословакии”.

Данный меморандум, обширная историческая часть которого подчеркивала близость культуры чехов и сербов-лужичан и их былую принадлежность к единым государственным образованиям, начиная с государства Само и Великой Моравии, не только выдвигал официальную просьбу о присоединении лужицких земель к Чехословакии, но и определял основные черты правового статуса Лужицы в составе чехословацкого государства. Предполагалась “как можно более тесная связь” Лужицы с Чехословакией, включая занятие территории Лужицы чехословацкими войсками, введение единого законодательства и административного управления, а также создание общей финансовой системы с открытием филиала Чехословацкого национального банка в Будишине. Вместе с тем, отношения Лужицы и Чехословакии должны были учитывать местное своеобразие. Авторы меморандума представляли эти отношения в форме “земского устройства по примеру Моравии и Силезии с некоторыми исключениями, касающимися культурной автономии” [4. S. 31]. Кроме того, меморандум содержал детальное экономико-географическое описание будущей единой Лужицы. Предлагая объединить области Верхней и Нижней Лужицы, входившие тогда в состав Пруссии и Саксонии³, в единую административную единицу, лидеры СЗНК указывали, что она будет включать районы Дрезден–Баутцен, Франкфурт-на-Одере и Легниц с территорией около 10000 кв.км. и общим населением 800000 человек, из которых около 500000, по мнению авторов меморандума, являлись лужицкими сербами. При этом отмечалось, что будущая лужицкая административная единица будет меньше территории исторической Лужицы, поскольку из ее состава предполагалось исключить чисто немецкие области и железную дорогу Дрезден–Берлин [4. S. 26].

Наряду с главным требованием присоединения Лужицы к Чехословакии, меморандум вновь указывал на необходимость отделения военнопленных серболужицкой национальности от немцев и их возвращения в Лужицу. Кроме того, призывал открыть начальные и средние школы с серболужицким языком обучения, разрешить создание серболужицких национальных комитетов по образцу Чехословакии и издание периодики и литературы на серболужицком языке. Примечательной была просьба вернуть лужицким сербам радиоприемники и разрешить им прослушивание радиостанций “демократических народов” до того времени, когда будет создана собственная серболужицкая радиостанция.

2 июня руководство “Домовины”, стремясь реализовать положения 2-го меморандума СЗНК, обратилось к главнокомандующему советскими войсками в Германии Г.К. Жукову с предложением объединить исторические лужицкие земли в одну административно-территориальную единицу и затем присоединить ее к Чехословакии [6. S. 273]. Как и в предыдущих случаях, эта инициатива серболужицких деятелей осталась без ответа.

Появлению этого меморандума предшествовали многочисленные контакты серболужицких политиков с представителями чехословацких властей. Уже 11 мая 1945 г. делегация лужицких сербов была принята заместителем главы правительства Чехословакии Й. Давидом. Днем позже они встретились с премьер-министром Чехословакии З. Фирлингером.

---

³ В состав Пруссии входила вся Нижняя и северная часть Верхней Лужицы, в состав Саксонии – южная часть Верхней Лужицы с историческим центром Лужицы г. Будишином.

Наиболее активным сторонником радикального варианта решения лужицкого вопроса в Чехословакии стало Общество друзей Лужицы, возобновившее свою деятельность 8 июня 1945 г. Председателем общества был избран один из лидеров пролужицкого движения в межвоенной Чехословакии В. Змешкал. Общество друзей Лужицы стало не только инициатором многочисленных культурных и политических акций в поддержку лужицких сербов, но и посредником между серболужицкими политиками и чехословацкими властями. Еще в межвоенной Чехословакии оно имело тесные контакты с представителями прославянской настроенной части чехословацкой элиты. После Второй мировой войны, в условиях резко возросшего общеславянского патриотизма, контакты Общества с чехословацкими властями стали еще теснее. Так, в его первом заседании 8 июня 1945 г. принял участие Й. Давид, активный участник пролужицкого движения в межвоенный период. В своем выступлении он заявил, что “справедливые требования лужицких сербов будут поддержаны чехословацким правительством” [7. С. 1–2. S. 20]. На этом же заседании избранный главой Общества друзей Лужицы В. Змешкал призвал чехословацкое правительство начать переговоры с союзниками о занятии Лужицы чехословацкими войсками. Участники заседания отправили приветственные телеграммы Сталину, Бенешу и чехословацкому правительству с просьбами поддержать требования лужицких сербов. В телеграмме правительству руководители Общества предлагали “по договоренности с Красной Армией” занять территорию Лужицы чехословацкими войсками, которые, по их мнению, могли бы обеспечивать безопасность и порядок. “Сообщения, поступающие к нам из Лужицы, – указывалось в телеграмме правительству, – свидетельствуют, что все население ждет прихода чехословацкой армии...” [4. S. 41].

Дипломатическая активность серболужицких лидеров в сочетании с деятельностью Общества друзей Лужицы побудили правительство Чехословакии уделить лужицкому вопросу пристальное внимание. Кроме национального социалиста Й. Давида требования сербов-лужичан энергично поддержали и несколько других членов кабинета министров. На заседании правительства Чехословакии 8 июня 1945 г. министр просвещения коммунист З. Неedly указал на историческое право Чехословакии на Лужицу. Другой член компартии Чехословакии, министр информации и культуры В. Копецки прямо заявил о том, что “мы должны стремиться к присоединению лужицких сербов” [8. S. 76–77]. Государственный секретарь В. Клементис сообщил, что представители лужицких сербов вручили ему меморандум, адресованный Бенешу и Сталину, который он неофициально передал послу СССР в Чехословакии Зорину. В свою очередь, Зорин переправил данный меморандум в Москву [8. S. 77].

Наиболее пристальное внимание лужицкому вопросу уделило в это время министерство обороны (МО) Чехословакии. Свидетельством практического интереса руководителей этого ведомства к перспективе присоединения Лужицы явилось совместное заседание генерала А. Рессела с представителями СЗНК и Общества друзей Лужицы Я. Цыжем, Б. Шолтой, Ю. Цыжем, М. Кречмаром и В. Змешкалом, которое состоялось 13 июня 1945 г. В ходе встречи представителя чехословацкого МО интересовал самый широкий круг вопросов, включая экономический потенциал и военное значение Лужицы, ее исторические и современные этнографические границы, а также особенности ландшафта, географического положения и этнического состава населения. Генерал Рессел отметил, что с военной точки зрения Лужица важна как выгодный опорный пункт

для возможного наступления на Берлин или Лейпциг, как прикрытие Чехословакии с севера и как территория, нейтрализующая область Дрездена как возможного плацдарма для наступления на Чехию с полабского направления. Кроме того, Рессел подчеркнул, что обладание территорией Лужицы позволит контролировать три из четырех главных железнодорожных магистралей, расположенных южнее линии Магдебург–Берлин–Познань и осуществлять наблюдение за территорией Германии на берлинском направлении. При этом представитель чехословацкого МО особо отметил, что северная этнографическая граница Лужицы находится лишь в 90 км от Берлина [9. С. j. 12362. К. 27].

Одним из самых важных вопросов, обсуждавшихся на встрече в МО, был вопрос о конкретных границах Лужицы. Подводя итог дискуссиям на эту тему, Рессел писал в своем донесении, что требование присоединения Лужицы в ее исторических границах является политически нереализуемым и его нельзя отстаивать на международной арене, поскольку в этом случае возникла бы необходимость дальнейших территориальных приобретений на Западе, включая присоединение Дрездена, что могло бы серьезно осложнить национальную проблему. Он подчеркивал, что целью чехословацких военных являются надежные и эффективно обороняемые границы. В этой связи он полагал необходимым исключить центр Нижней Лужицы Хотебус (нем. Коттбус) из той части Лужицы, которую планировалось присоединить к ЧСР, поскольку Хотебус “выступал далеко на север”. Установление новых границ в полном соответствии с этнографическим принципом Рессел также считал проблематичным, поскольку на чехословацком участке границы эта часть Лужицы являлась наиболее узкой и возникала необходимость расширения данного участка на запад и восток при одновременном отказе от выступавшего далеко на север Хотебуса. По мнению Рессела, “присоединение Лужицы в каком бы то ни было объеме не будет иметь смысла с военной точки зрения, если одновременно не будут присоединены на востоке: область Житавы (нем. Циттау) с городами Житава, Лебау и Згоржелец (нем. Герлиц), на западе: область Пирны и участок западнее г. Каменц. Только такое решение в полном объеме обеспечит важную для нас систему коммуникаций Верхней Лужицы и придаст лужицкому выступу необходимую в военном отношении ширину”. В заключение представитель чехословацкого МО отметил справедливость требования лужицких сербов о присоединении к Чехословакии и высказал уверенность в возможности отстаивать это требование на международном форуме в том случае, если оно будет сформулировано “в разумном объеме”. Рессел писал, что “в настоящее время в Лужице почти не осталось немцев” и что “наши требования в предложенном объеме не могут оспариваться поляками, поскольку учитывают их транспортные интересы”. Эти факторы, по мнению Рессела, объективно облегчали реализацию данного плана. Хотя представители лужицких сербов и высказали пожелание о присоединении Лужицы к Чехословакии в полном соответствии с этнографическими границами, они, тем не менее, согласились с доводами Рессела, допустив, что “их территориальные требования могут оказаться нереализуемыми в полном объеме” [9. С. j. 12363. К. 27].

Между тем, великие державы оставляли без ответа все меморандумы и обращения СЗНК. Стремление Праги добиться права участия в оккупации Германии, с чем пролужицкие политики в Чехословакии связывали свои надежды на занятие территории Лужицы чехословацкими войсками, успеха не приносило. Попытка З. Фирлингера поднять лужицкий вопрос на переговорах с советским

руководством в июне 1945 г. также оказалась неудачной. По свидетельству К. Каплана, в ответ на свой вопрос о политическом будущем Лужицы, который Фирлингер поставил перед Сталиным, он получил весьма расплывчатый ответ. Сталин назвал лужицкий вопрос “щекотливым” [8. S. 78]. Поскольку главной задачей чехословацкой делегации на советско-чехословацких переговорах в июне 1945 г. было обеспечение поддержки СССР в территориальных спорах Чехословакии с Польшей и Венгрией, лужицкий вопрос не стал тем сюжетом, на котором чехословацкая дипломатия стала заострять внимание. Гораздо более актуальной проблемой для Праги в то время было привлечение на свою сторону СССР в условиях резко обострившихся территориальных противоречий с Польшей в обмен на уже достигнутое соглашение о присоединении Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к Советскому Союзу (см. [10. S. 334]). Кроме того, чехословацкое руководство затрачивало колоссальные усилия на внутри- и внешнеполитическое обеспечение начавшегося выселения судетонемецкого меньшинства. Одновременно чехословацкая дипломатия энергично добивалась согласия союзников на выселение венгерского меньшинства из Словакии. В этих условиях стремление к присоединению Лужицы могло лишь осложнить решение и без того непростых внешнеполитических задач, которые Прага считала для себя приоритетными.

Несмотря на публичную поддержку СЗНК и Общества друзей Лужицы, официальная Прага в действительности занимала значительно более сдержанную позицию. Протокол заседания правительственной комиссии по вопросу о границах, состоявшегося 20 июня 1945 г., свидетельствует, что уже в то время идея о присоединении Лужицы к Чехословакии не пользовалась поддержкой чехословацкого руководства. В ходе заседания, в котором приняли участие и.о. министра иностранных дел В. Клементис, министр обороны Л. Свобода, министр внутренних дел В. Носек, министр внешней торговли Г. Рипка, министр финансов В. Шробар, а также министры транспорта и промышленности, обсуждался план изменения послевоенных границ Чехословакии, разработанный МО. Поддержав требование министерства включить в состав Чехословакии области Ратиборж, Кладско и Глучин, контролировавшихся к тому времени Польшей, комиссия в то же время высказалась против аналогичного предложения в отношении Лужицы. “Комиссия, – говорилось в протоколе, – единогласно высказалась против принятия того плана изменения границ, который включал бы территорию Лужицы. Комиссия рекомендует проведение границы таким образом, чтобы она проходила по северному склону пограничного хребта и включала окрестности города Вальденбурга, весь каменноугольный бассейн, города Готесберг, Ландесхут и прежде всего железнодорожный узел Гиршфельд. При этом необходимо учитывать имеющиеся коммуникации и проводить границу таким образом, чтобы как можно меньше немецкого населения оказалось в составе республики. Комиссия считает, что железная дорога Циттау – Нойпака должна перейти к Чехословакии” [11. К. 84].

Современный чешский сорабист Й. Шула, комментируя решение чехословацкой правительственной комиссии в отношении Лужицы, полагает, что оно “означало принципиальный перелом в серболужицкой истории... и в возможности присоединения Лужицы к Чехословакии”. Обвиняя чехословацких дипломатов в “лицемерии” и “отстраненности”, он обоснованно аргументирует это обвинение тем, что, отказавшись от Лужицы еще 20 июня 1945 г., чехословацкое руководство не информировало об этом лужицких сербов, продолжая дли-

тельное время “имитировать заинтересованность в благоприятном решении лужицкого вопроса и тем самым дезориентируя серболужицких политиков” [12. S. 50–51].

Основным критерием, определявшим целесообразность присоединения той или иной территории, были экономические и военно-политические соображения. Наряду с этим правительственная комиссия стремилась по возможности избежать присоединения территорий с большим количеством немецкого населения. Так, в принятом по окончании собрания “Обосновании требований по изменению границ” необходимость присоединения Житавы (Циттау) объяснялась исключительно транспортными причинами (необходимость улучшения коммуникации между фридлантским и румбуркским выступами) и экономическими соображениями (наличие завода по производству текстильных станков в Житаве и пр.). Упоминание о том, что в 1158–1635 гг. Лужица входила в состав Чешского королевства, выглядело явно второстепенным аргументом. Подобный подход был продемонстрирован и при обсуждении возможного изменения границ с Австрией и Венгрией (так, требование присоединить к Чехословакии город Банреве аргументировалось необходимостью обеспечить железнодорожное сообщение на данном участке) [11. К. 84].

Интерес чехословацкого руководства к житавской области Лужицы объяснялся и наличием в этой части Германии чешского меньшинства, которое образовало в мае 1945 г. свой национальный комитет, установивший контакты с советским командованием и обратившийся к чехословацкому правительству с петицией о присоединении житавского края к Чехословакии. В “Предложении по изменению границ в житавской области” претензии на Житаву аргументировались не только экономическими и оборонными соображениями, но и этническими причинами. В частности, указывалось на то, что после поражения чехов у Белой Горы в 1620 г. Житава стала местом массовой эмиграции чешских братьев и, несмотря на сильную германизацию, до сих пор сохранила чешский облик. Документ ссылался на многочисленные манифестации и петиции житавских чехов, требовавших присоединения этого региона к Чехословакии [11. К. 84]. О гораздо большем практическом интересе чехословацкого руководства к Житаве в сравнении с остальной частью Лужицы свидетельствует и тот факт, что два дня спустя после обсуждения лужицкого вопроса на заседании правительства ЧСР 24 июля 1945 г. и мощной пролужицкой демонстрации в Праге, состоявшейся в тот же день, министры В. Копецки и З. Неедлы посетили 26 июля именно Житаву. В обращении чешского национального комитета в Житаве к чехословацкому правительству от 12 февраля 1946 г. указывалось, что во время своего пребывания Копецки и Неедлы рекомендовали местным чехам “оставаться на местах вплоть до окончательной корректировки границ”, что было воспринято многими местными чехами как прозрачный намек на предстоящее присоединение к Чехословакии [13. К. 10]. Примечательно, что проблематика Житавы рассматривалась в качестве отдельного вопроса вне общелужицкого контекста как чехословацким руководством в Праге, так и представителями чешской общины в Житаве.

Руководители пролужицкого движения в Чехословакии имели тесные контакты с правительством и старались влиять на его позицию в лужицком вопросе. Накануне Потсдамской конференции эти попытки были особенно активными. В архиве МИДа Чехословакии сохранилось донесение одного из руководителей Общества друзей Лужицы профессора А. Фринты о встрече с

представителями лужицких сербов 7–8 июля 1945 г. в пограничном городке Румбурк на севере Чехии. Информировав чехословацкий МИД о встрече руководителей Общества друзей Лужицы со старостой Будишина доктором Я. Цыжом и главой “Домовины” П. Недо, Фринта указывал на критическое положение в Лужице. “Именно эта территория, – писал в донесении Фринта, – была в течение длительного времени полем боя и до сих пор страдает от множества немецких беженцев, которых поляки выгоняют из соседней Силезии. Ситуация с продовольствием крайне неудовлетворительная, поскольку для сельскохозяйственных работ не хватает мужчин. Добиться их освобождения из лагерей для военнопленных невозможно, а все запасы продовольствия разворованы. Этот хаос, угрожающий безопасности местного населения, вызвал большое разочарование у сербов-лужичан, которые вначале приветствовали Красную Армию как освободительницу. Сейчас лужицким сербам угрожают мародеры из рядов польской армии, которая стоит на реке Нисе и заняла Згоржелец. Слабые советские гарнизоны не в состоянии навести порядок, поскольку, например, в Будишине командир гарнизона имеет в своем распоряжении лишь 100 солдат...”. Аргументируя необходимость присоединения Лужицы к Чехословакии, Фринта подчеркивал, что “единственной надеждой лужицких сербов является помощь из Чехословакии, которая в соответствии с соглашениями имеет право принять участие в оккупации немецкой территории наряду с другими союзниками. Разочарование в этой надежде могло бы привести к моральной катастрофе этого самого малого славянского народа...” [11. К. 84].

Еще более резкая оценка положения в Лужице содержалась в обращении СЗНК к правительству Чехословакии от 14 июля 1945 г., автором которого был член СЗНК доктор М. Кречмар. Упомянув о том, что Лужица стала перекрестком, через который возвращаются домой не только угнанные на принудительные работы в Германию поляки, русские и украинцы, но и бежавшие перед наступавшей Красной Армией силезские немцы, Кречмар также отметил недостаточную численность советских гарнизонов для поддержания порядка и случаи грабежей и насилия в отношении мирного серболужицкого населения. “Советские власти, – писал М. Кречмар, – до сих пор не делают никаких различий между немцами и лужицкими сербами. Во многих местах наших людей увозят на работы в СССР. ...Поскольку в отношении Лужицы до сих пор не было принято политического решения, оккупационные власти вывозят с нашей территории, как с территории враждебного государства, все оборудование наших промышленных предприятий... Обостряют ситуацию и серболужицко-немецкие отношения. Немцы боятся выселения в том случае, если Лужица будет присоединена к Чехословакии. Немцы из Чехословакии, которые находятся в Лужице, распространяют информацию о том, что происходит в Чехословакии и как осуществляется выселение” [14. К. 10].

Напомнив чехословацкому руководству обо всех обращениях лужицких сербов и подчеркнув, что их главным требованием было присоединение Лужицы к Чехословакии, автор констатировал, что единственным ответом на них было лишь сообщение президиума правительства ЧСР от 8 июня 1945 г. о том, что серболужицкий меморандум был передан в МИД Чехословакии для дальнейшего рассмотрения. Кречмар обращал внимание чехов на то, что отсутствие у Праги четкой политики в лужицком вопросе приводит к росту беспокойства в Лужице. Сообщив чехословацкому правительству о предстоящем 26 июля заседании СЗНК в Будишине, посвященном политической ситуации в Лужице,

Кречмар просил дать до 24 июля ясные ответы на ряд вопросов. Представителя СЗНК интересовало, был ли серболужицкий меморандум предметом обсуждения чехословацкого правительства и собирается ли Прага отстаивать интересы лужицких сербов в духе представленных меморандумов. Кречмар поставил и прямой вопрос о том, “намерено ли чехословацкое правительство ввести свои войска на территорию обеих Лужиц”. При этом Кречмар обращал внимание чехов на то, что “польское правительство использовало свое союзническое право, и польское войско уже стоит на левом берегу Нисы Лужицкой. Наш народ, – подчеркивал автор обращения, – не может понять, почему Чехословакия до сих пор не поступила таким же образом, тем более, что наш народ приветствовал бы подобный шаг. Об этом желании чехословацкое правительство было проинформировано еще в начале июня...” [14. К. 10].

Критическое положение в Лужице и наплыв туда немецких беженцев, о чем с тревогой сообщали активисты серболужицкого движения, было результатом не только исхода немцев из Силезии, но и массового выселения судетских немцев из Чехословакии. В отличие от западных союзников, СССР с самого начала относился с большим пониманием к плану массового выселения судетских немцев, который Прага начала воплощать в жизнь сразу после освобождения. Именно в советскую оккупационную зону в Германии первоначально направлялся основной поток судетских немцев, изгоняемых из Чехословакии. Сюда выселялись не только немцы из приграничных с Германией северных областей Чехии, но и часть немецкого населения из Моравии и Силезии. Особое значение в организации выселения имели договоренности между чехословацкими силовыми структурами, осуществлявшими выселение, и советским командованием, которое в основном шло навстречу просьбам чехословацких властей, принимая эшелоны с депортируемыми судетскими немцами на протяжении всего участка соприкосновения советской оккупационной зоны с Чехословакией от Градканад-Нисой до г. Божидар. Наибольшему наплыву судетонемецких переселенцев в это время подверглась область Житавы на юго-востоке Верхней Лужицы неподалеку от чехословацкой границы (см. [15. S. 31]).

Активность чехов в выселении судетских немцев еще более возросла после того, как на своих заседаниях 2 и 10 июля 1945 г. чехословацкое правительство было проинформировано о положительном отношении советского командования и лично маршала Жукова к дальнейшему выселению судетских немцев. В то же время, в ответ на обращение чехословацкого правительства от 3 июля 1945 г. с просьбой о поддержке начавшегося выселения немцев, представители США и Великобритании сослались на необходимость обсудить эту проблему на предстоящей встрече союзников. 24–25 июля 1945 г. начальник главного штаба чехословацкого МО генерал Бочек встретился в Вене с маршалом И.С. Коневым, которому он передал просьбу чехословацкой стороны ускорить процесс выселения судетских немцев. Министр обороны Чехословакии Л. Свобода настаивал в это время на ускорении выселения немцев “любой ценой”, что нашло свое выражение в секретном приказе 1-го отделения главного штаба министерства обороны от 27 июля 1945 г. [15. S. 32]. На совещании в главном штабе 28 июля 1945 г. констатировалось позитивное отношение СССР и более сдержанное отношение западных союзников к проводившемуся выселению. В ходе совещания прозвучало откровенное высказывание о том, что хотя чехословацкое правительство с уважением относится к позиции союзников, оно в то же время не желает терять время и намерено поэтому “поставить сверхдержавы

перед свершившимся фактом” в вопросе выселения судетских немцев [15. S. 32–33]. С приближением конференции в Потсдаме чехословацкие власти, пользуясь лояльным отношением со стороны СССР, стремились избавиться от максимально большего числа судетских немцев. По приблизительным данным, количество немцев, выселенных из Чехословакии с мая по конец июля 1945 г., составило около 448 397 человек [15. S. 32–33]. Подавляющее большинство из этого почти полумиллиона человек оказались в советской зоне оккупации, включая территорию Лужицы. При этом нет никаких свидетельств о том, чтобы чехословацкие представители стремились учитывать интересы лужицких сербов в процессе переселения немцев в советскую зону оккупации. Словесная поддержка лужицких сербов, которую демонстрировали чехословацкие руководители, контрастировала с их практической политикой. Желание Праги выселить как можно большее количество немцев в максимально сжатые сроки объективно вело к увеличению числа озлобленных судетонемецких переселенцев в Лужице, усилению напряженности в серболужицко-немецких отношениях на местах и в конечном счете способствовало дальнейшей германизации Лужицы.

Так, 13 июля 1945 г. представитель администрации г. Житавы в беседе с руководителями г. Либерец в Северной Чехии высказал пожелание замедлить и упорядочить процесс переселения судетских немцев в Житаву, предложив, чтобы в будущем группы переселяемых не превышали 20 человек и чтобы все переселенцы прошли политическую проверку. Наличие среди переселяемых членов СС или нацистской партии должно было быть отдельно зафиксировано в прилагаемых списках. Примечательно, что представитель Житавы передал чехословацкой стороне “удивление” командира советского гарнизона в Житаве тем фактом, что “Чехословакия стремится так быстро избавиться от немцев вместо того, чтобы использовать их в качестве рабочей силы хотя бы в течение переходного периода” [9. С. j. 1616. К. 9].

Сигналы, поступавшие из Лужицы, вновь привлекли внимание правительства Чехословакии к лужицкой проблеме. Другим фактором, обусловившим этот интерес, был рост пролужицких настроений среди чехословацкой общественности, пик которого пришелся на лето 1945 г. 24 июля 1945 г. состоялось заседание чехословацкого кабинета министров, на котором проявились противоречия между отдельными членами правительства в вопросе о Лужице. Й. Давид озвучил меморандум СЗНК и потребовал, чтобы правительство заняло ясную позицию в лужицком вопросе. Он выступил с критикой пассивного, по его мнению, поведения правительства Чехословакии в отношении к Лужице. Фирлингер был против какой-либо активности в этом вопросе и выражал сомнения в правильности требования об аннексии Лужицы. В то же время Неедлы подчеркивал, что лужицкие сербы являются “самостоятельным народом, имеющим право на собственное существование. В этом мы должны их поддерживать...” Клементис также высказался по поводу ситуации в Лужице. Его предложение, согласованное ранее с президентом Чехословакии и представителями лужицких сербов, исходило из необходимости участия Чехословакии в оккупации Германии. По его мнению, в рамках этого участия Чехословакия могла бы добиться согласия союзников на занятие Лужицы своими войсками. В то же время, Клементис подчеркивал, что правительство не будет говорить о присоединении Лужицы, поскольку “в нынешней ситуации это было бы невозможно” [8. S. 79]. Л. Свобода предложил направить делегацию к маршалу Жукову и просить разрешение у советского командования на занятие территории Верхней

Лужицы с одновременным округлением границ в пользу Чехословакии. Правительство одобрило план Клементиса, который, оставляя открытым вопрос о присоединении Лужицы, обеспечивал предпосылки для корректировки границ Чехословакии с Германией в соответствии с решениями правительственной комиссии по вопросу о границах.

В тот же день, 24 июля 1945 г. в Праге на Староместской площади состоялась массовая демонстрация в поддержку лужицких сербов и за присоединение Лужицы к Чехословакии. Общее количество участников демонстрации, среди которых была большая делегация лужицких сербов, составило около ста тысяч человек [7. С. 5–6. S. 38]. В демонстрации приняли участие два наиболее пролужицки настроенных члена правительства – Й. Давид и З. Неядлы. Давид от имени правительства заявил, что оно с “огромным сочувствием” следит за борьбой сербов-лужичан с немецкими угнетателями и поддерживает серболужицкие требования [8. S. 79–80]. На манифестации также выступили глава СЗНК священник Я. Цыж, руководитель Общества друзей Лужицы В.Змешкал и мэр Праги В. Вацек. В своем выступлении Я. Цыж подчеркнул, что Лужица с нетерпением ждет прихода чехословацких войск.

Между тем, попытки СЗНК вынести лужицкий вопрос на обсуждение Потсдамской конференции оказались безрезультатными. Меморандум СЗНК и обращение к Сталину с просьбой предложить конференции план присоединения Лужицы к Чехословакии остались без ответа. Чехословацкому руководству также не удалось добиться согласия великих держав на участие Чехословакии в оккупации Германии.

Неудача в Потсдаме стала одной из главных причин нараставшего разочарования серболужицких лидеров в чехословацком руководстве, с поддержкой которого на международной арене они первоначально связывали возможность реализации своих внешнеполитических замыслов. После Потсдама серболужицкие политики стали уделять все большее внимание отношениям с советскими властями, что во многом объяснялось надеждами на намеченную на декабрь 1945 г. конференцию министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве. Поворот во внешнеполитических приоритетах серболужицких политиков окончательно оформился к декабрю 1945 г., когда глава СЗНК Я. Цыж в письме главе Советской военной администрации в Германии (СВАГ) маршалу Г.К. Жукову поставил вопрос об образовании отдельного Лужицкого государства под протекторатом СССР и других славянских государств. Более подробно эта идея была изложена в новом, третьем по счету меморандуме лужицких сербов от 7 января 1946 г., адресованном главам союзных держав.

Основные пункты январского меморандума СЗНК предусматривали предоставление лужицким сербам статуса союзного народа, признание Серболужицкой народной рады правительством независимого лужицкого государства, изложение представителями лужицких сербов своих требований на мирной конференции, а также выведение Лужицы из-под юрисдикции Союзной контрольной комиссии в Берлине, распространившейся на побежденную Германию. Я. Цыж писал в обращении к союзникам: “Мы, лужицкие сербы, живем в сердце Европы, как самый малый славянский народ, лишенный свободы. В течение 1500 лет мы боремся с немцами за сохранение нашего родного языка, нашей собственной культуры, нашей столетней традиции... Немцам удалось уменьшить количество нашего населения, но окончательно нас не уничтожили даже

во времена Гитлера. Мы сохранили свою жизнь без школ, только благодаря преданности своей народной традиции...” [16. С. 1].

Цыж подчеркивал, что лужицкие сербы остаются единственным народом в Европе, “национальное существование которого до сих пор находится под угрозой немцев. Мы требуем политическую, культурную, национальную и экономическую самостоятельность, – отмечалось в документе. – ...Мы верим вам, свободные и миролюбивые народы, что вы предоставите и нам то, что вы цените выше собственной жизни – свободу”. В отличие от двух предыдущих меморандумов, Я. Цыж не упоминал на этот раз о тесных связях Лужицы с Чехословакией, сделав вместо этого ударение на социально-экономической самодостаточности лужицких земель: “Мы хотим... подчеркнуть, что природные богатства наших лесов, рек, полей и наша промышленность вполне обеспечат наше существование. В хозяйственном отношении мы являемся самодовлеющей единицей” [16. С. 1].

Между тем, радикальные планы серболужицких лидеров, настаивавших на выходе Лужицы из состава Германии, все сильнее выпадали из контекста внутривнутриполитической ситуации в советской оккупационной зоне в Германии и международной обстановки. Противоречия между СССР и западными союзниками все более явно проявлялись в их германской политике. Со второй половины 1945 г. эти противоречия усилились в связи с планами объединения КПГ и СДПГ, что поддерживалось СССР, но вызывало противодействие западных держав. В этих условиях советская военная администрация в Германии предпринимала активные усилия для поддержки КПГ и роста ее популярности в восточной Германии. Хотя в соответствии с приказом № 2 маршала Жукова от 10 июня 1945 г. в советской зоне была разрешена деятельность четырех антифашистских партий – КПГ, СДПГ, ХДС и ЛДПГ – тем не менее, руководство СВАГ “было убеждено, что ведущую роль среди других политических партий могут сыграть только коммунисты. ...Слияние деятельности компартии (позднее СЕПГ) и советской военной администрации было настолько тесным, – замечал М.И. Семиряга, – что работники СВАГ нередко идентифицировали себя с немецкими коммунистами” [17. С. 45, 56]. Поскольку радикализм серболужицких деятелей крайне негативно воспринимался всеми спектрами немецкого общественного мнения, которое и без того болезненно переживало колоссальные территориальные потери Германии и на которое оказывали большое влияние немецкие переселенцы из Судет и Силезии, КПГ и поддерживавшая ее СВАГ не могли не учитывать этого фактора в своей политике.

Поворот в позиции лидеров серболужицкого национального движения совпал по времени с принципиальным изменением внутривнутриполитической ситуации в Восточной Германии. С начала 1946 г. советская военная администрация передала управление гражданскими и административными делами представителям немецкого населения. Комментируя данное событие, орган чехословацкого Общества друзей Лужицы “Lužickosrbský věstník” с тревогой отмечал, что это решение означает передачу серболужицкого национального движения под немецкий контроль. “Věstník” приводил в этой связи многочисленные примеры произвола немецких властей в отношении лужицких сербов. Так, немецкая администрация в Дрездене сняла с должности старосты будишинского района лужицкого серба доктора Я. Цыжа, который был восстановлен в должности лишь после многочисленных протестов и жалоб лужицких сербов советским оккупационным властям. “Известны случаи, – писал “Věstník”, – когда немцы

отказываются признать права и выгоды, которыми наделены так называемые жертвы нацизма, лужицкие сербы, стремящиеся к свободной жизни своего народа. Немцы очень быстро стали вновь поднимать голову. Можно легко себе представить, какова будет ситуация в Лужице... после ухода Красной Армии..." [7. С. 7–8. S. 56]. Чехи обращали внимание на многочисленные препоны и откровенный саботаж, к которым прибегали немецкие власти для противодействия лужицким сербам. Одним из ярких примеров этого стали затянувшиеся правовые споры вокруг "Сербского Дома" в Будишине, который был конфискован у лужицких сербов нацистами, передан ими в распоряжение местного отделения немецкой полиции и в итоге сожжен эсэсовцами незадолго до окончания войны. «"Домовина" пытается добиться компенсации, – сообщал "Věstník" в начале 1946 г. – но переговоры идут тяжело, поскольку и руководство города, и земельные власти, и немецкие корпорации отказываются взять на себя ответственность за нацистские бесчинства. Злые и жестокие немцы исчезли, – иронизировал по этому поводу "Věstník", – остались только хорошие и ни в чем невиновные» [7. С. 1–2. S. 14]. С начала 1946 г. чехи стали давать более критические оценки и деятельности советской военной администрации в Германии, которую они упрекали за "чрезмерную снисходительность" по отношению ко "вновь поднимающим голову немцам" [7. С. 3–4. S. 32].

В этих условиях со 2 по 20 января 1946 г. по инициативе серболужицких политиков в Лужице были объявлены выборы в местные национальные комитеты и выборы делегатов на общелужицкий съезд. 27 января 1946 г. 800 представителей серболужицкого населения на съезде в Будишине избрали расширенный состав СЗНК в составе 22 человек и переизбрали Я. Цыжа на посту председателя. В свою очередь, глава СЗНК, в соответствии с принятым уставом ставший одновременно и главой Серболужицкой народной рады, определил ее руководящий состав, в который вошли староста Будишина доктор Я. Цыж, представитель СЗНК в Праге Ю. Цыж, глава "Домовины" П. Недо, а также председатель серболужицкого кооперативного союза "Луко" А. Черник [2. С. 2. S. 18]. На съезде были приняты очередные обращения к Сталину и Жукову с просьбой поддержать стремление лужицких сербов к созданию своего собственного государства и обеспечить ему международные гарантии. Проведение съезда и принятые на нем решения можно считать кульминационным пунктом национального движения лужицких сербов после 1945 г.

Свидетельством продолжавшейся ориентации серболужицких лидеров на поддержку извне стало назначение Серболужицкой народной радой своих официальных представителей в Чехословакию, Польшу, Югославию и Францию, т.е. в те страны, позиция которых, по мнению серболужицких политиков, могла оказать влияние на решение лужицкого вопроса. Представителем Серболужицкой народной рады и СЗНК в Праге продолжал оставаться Ю. Цыж, представителем в Польше был назначен В. Кучка, представителем в Югославии стал Ю. Ренч. Их задачи заключались в пропаганде идеи лужицкой независимости среди союзников, а также в поиске и освобождении военнопленных серболужицкой национальности.

Самой успешной оказалась миссия Ю. Ренча в Югославии, общественность и официальные круги которой оказали серболужицкому представителю очень теплый прием. Весной 1946 г. Ренчу удалось встретиться с ведущими политиками Югославии и изложить им взгляды СЗНК на решение лужицкого вопроса. 14 марта 1946 г. Ренч был принят министром иностранных дел Югославии Си-

мичем. По свидетельству Ренча, встречу с ним югославский министр иностранных дел закончил фразой: "...Мы, южные сербы, и наше государство не может не поддержать ваших требований, поскольку вы – тоже сербы". 15 марта 1946 г. Ренч встретился с Карделем, занимавшим в то время пост заместителя главы правительства и министра по репарациям. В своем донесении Ренч сообщал об интересе Карделя к лужицкому вопросу и о его обещании освободить военнопленных серболужицкой национальности, находившихся на территории Югославии [18. L. 20]. 2 апреля 1946 г. Ренч был принят главой Югославии маршалом Тито. "Обо всем сказанном, – писал Ренч в своем донесении, – у маршала было верное представление, и ко всему он демонстрировал доброжелательное отношение. Маршал пообещал поддерживать наши требования и попросил передать поздравление серболужицкому народу" [18. L. 17]. 8 апреля ТАНИУГ официально объявил о том, что Ю. Ренчу была предоставлена аккредитация в качестве полномочного представителя Серболужицкой народной рады. В ходе пребывания в Югославии Ренчу удалось встретиться и с советским дипломатом Кожевниковым, в разговоре с которым 28 марта Ренч рассказал о цели своей миссии и прозондировал почву по поводу возможности приезда серболужицкой делегации в Москву. Советский дипломат, по словам Ренча, все выслушал с "большим интересом" и обещал сразу же информировать обо всем Москву [18. L. 17].

Обещания югославских руководителей о поддержке Серболужицкой народной рады не были пустым звуком. В последующем именно Югославия активнее всего поддержала радикальные планы СЗНК и Рады, привлекая внимание СССР к проблемам лужицких сербов. Югославская дипломатия длительное время пыталась содействовать в организации визита серболужицкой делегации в Москву, чего безуспешно добивались серболужицкие лидеры. В августе 1946 г. посольство Югославии в Москве обратилось в МИД СССР с официальной нотой, в которой ставился вопрос о целесообразности объединения всех лужицких земель в одну административную единицу с элементами автономии. Незначительная численность лужицких сербов была использована советским руководством для отклонения просьб не только о независимости, но и автономии Лужицы. Москва пришла к выводу, что лужицкие сербы имеют право на удовлетворение национальных и культурных потребностей, но вопрос государственного устройства Лужицы относится к конституционным вопросам Германии [19. С. 57].

После того, как с начала 1946 г. советские оккупационные власти передали управление гражданскими делами представителям немецкого населения, зависимость серболужицкого движения от внутрисполитической ситуации в Германии значительно возросла. Немецкие органы власти резко активизировали борьбу с серболужицким национальным движением, которое воспринималось всеми немецкими политическими силами, и социал-демократами, и коммунистами, как недопустимое проявление сепаратизма, угрожающее территориальной целостности Германии. Партии, боровшиеся за симпатии избирателей, были вынуждены балансировать между учетом послевоенных реалий побежденной Германии, лишившейся обширных восточных территорий, и настроениями в немецком обществе, значительную часть которого составляли переселенцы из Судет, Силезии, Восточной Померании и Восточной Пруссии. В октябре 1946 г. численность переселенцев и беженцев составляла 22% от общего количества населения советской оккупационной зоны. К марту 1949 г. их доля в общей чис-

ленности населения возросла до 25% [17. С. 188]. Вспоминая первые послевоенные годы, Эрих Хонеккер писал в своих мемуарах, что "...нам, коммунистам, было нелегко после 1945 г. признать, что Гитлер в результате своей... преступной войны утратил территории по ту сторону от Одера и Нейсе. Мы также должны были считаться с непониманием избирателей, среди которых было почти 4.3 миллиона переселенцев" [20. S. 45–46].

На отношении немецких левых партий к серболужицкому движению влияли не только текущие политические соображения, вызванные территориальными потерями Германии и приливом немецких переселенцев из славянских сгран. Формирование позиции немецких партий в лужицком вопросе было затруднено недостатком теоретических и практических наработок в этой сфере. По словам Л. Элле, "немецкое коммунистическое и социал-демократическое движение не выработало в этой области какой-либо заслуживающей внимания политической традиции, не считая двух законодательных инициатив саксонской КПП в 1927 и 1928 гг.", направленных на защиту культурно-языковых прав серболужицкого населения. Взаимные отношения осложняла и... идеологическая отчужденность между немецкими левыми партиями и серболужицким движением, которое "в значительной степени имело крестьянские корни и отличалось приверженностью к религиозно-консервативной идеологии" [21. S. 11].

Контроль немецких властей над серболужицкой национальной жизнью с января 1946 г. резко усилился. О любых массовых мероприятиях и собраниях, вплоть до занятий певческих кружков, необходимо было заранее информировать не только советские комендатуры, но и местные отделения немецкой полиции. Программы общественных мероприятий должны были представляться для одобрения в местные органы власти за три недели до их проведения. Уже сточение серболужицкой политики немецких властей было связано с эволюцией внутривластной ситуации в Германии и международной обстановкой. С начала 1946 г. конфронтационность в отношениях между СССР и западными союзниками усилилась. Это проявилось в отрицательном отношении западных держав к плану СВАГ и КПП по объединению социал-демократов и коммунистов. Западные власти запретили проведение кампании по объединению КПП и СДПГ в своих оккупационных зонах. В феврале 1946 г. после визита лидера социал-демократической партии в западных зонах К. Шумахера в Берлин в местной городской организации СДПГ произошел раскол, поскольку социал-демократы западных секторов Берлина отвергли объединение с КПП. Социал-демократы – сторонники объединения с коммунистами возглавил О. Гротеволь [17. С. 51–55]. Органы СВАГ поддерживали усилия КПП по подготовке объединительного съезда. Главнначальствующий СВАГ маршал Г.К. Жуков считал целесообразным встретиться с лидерами коммунистов и социал-демократов В. Пиком и О. Гротеволем и выразить им официальную поддержку.

Второй важной проблемой были репарации, вызывавшие недовольство населения советской оккупационной зоны. Немецкая компартия старалась обосновать справедливость репарационных платежей Советскому Союзу, но эта проблема постоянно сохраняла свою актуальность. Бремя репараций, приходившихся на население Восточной Германии, усиливалось вследствие саботажа репарационных выплат СССР в западных областях Германии. В первой половине 1946 г. произошло обострение отношений между СССР и западными странами в вопросе о репарациях. Западные оккупационные власти «делали все, чтобы вообще сорвать репарационные поставки Советскому Союзу. Они пере-

давали устаревшее... оборудование..., а ценные станки изымали сами... Американские и английские власти путем... проволочек по существу срывали репарационные поставки. Так, к августу 1946 г. они были выполнены: из американской зоны – на 20 процентов, из британской – на 4.5 процентов и из французской – ноль процентов. ...Руководители западных держав хорошо осознавали, что в условиях отказа от выплаты соответствующей доли репараций в пользу Советского Союза из западных зон намного большая материальная ответственность будет возложена на население советской зоны оккупации. Создавалось такое впечатление, как позднее писал В. Брандт, “будто тамошние жители проиграли войну в большей степени, чем их земляки на западе. Федеративной Республике было легче”» [17. С. 132–133]. Весь этот самый сложный комплекс политических и социально-экономических проблем рождал у СВАГ потребность в консолидации политической ситуации в Восточной Германии под контролем коммунистов, которые в наибольшей степени учитывали интересы СССР. Нейтрализация серболужицкого радикализма и его переориентация в конструктивное русло стали одной из задач, которую предстояло решить для стабилизации политического положения в Восточной Германии.

Наряду с политикой “кнута” по отношению к самым радикальным проявлениям серболужицкого национального движения, немецкие власти стали активнее прибегать и к политике “пряника”, стремясь привлечь на свою сторону более умеренный и прагматичный спектр серболужицкого движения. После объединения немецких коммунистов и социал-демократов и образования 21–22 апреля 1946 г. Социалистической Единой Партии Германии (СЕПГ), активизировались усилия немецких властей по нейтрализации радикальных элементов серболужицкого движения и интеграцию лужицких сербов в формирующуюся политическую систему Восточной Германии. В населенных пунктах на территории Лужицы активисты СЕПГ организовывали собрания, на которых критиковались планы отделения Лужицы от Германии. Главным объектом внимания со стороны руководства СЕПГ являлась “Домовина”. Подобный выбор объяснялся не только ярко выраженной антифашистской платформой, которую разделяли обе организации, но и определенной идеологической близостью, а также тем обстоятельством, что “Домовина” выглядела менее радикальной и более склонной к компромиссам, чем СЗНК. Немаловажным было и то, что “Домовина” имела четкую организационную структуру, широкую членскую базу⁴ и реальное влияние на серболужицкое население на местах, что выгодно отличало ее от СЗНК, вовлеченного в международные проекты.

Переход “Домовины” на рельсы конструктивного сотрудничества с немецкими антифашистскими партиями был постепенным и во многом противоречивым. Этот процесс был ускорен, с одной стороны, банкротством планов на присоединение к Чехословакии, а с другой стороны, осознанием лидерами “Домовины” позиции СССР в лужицком вопросе и развитием событий в советской оккупационной зоне. 25 марта 1946 г. руководство “Домовины” издало циркуляр, в котором рекомендовалось сотрудничество с немецкими антифашистскими партиями. Этот шаг был ответом на инициативу руководства немецкой ком-

---

⁴ О широкой популярности “Домовины” среди серболужицкого населения свидетельствует тот факт, что уже в первые месяцы после возобновления ее деятельности количество официально зарегистрированных членов “Домовины” только в будишинском районе Верхней Лужицы составило около 8 000 человек (см. [22. S. 180]).

партии, призвавшего всех членов партии серболужицкой национальности принять участие в возрождении серболужицкой культурной жизни.

Пропагандистская активность немецких коммунистов пользовалась демонстративной поддержкой со стороны советских властей, что не оставляло лидерам серболужицкого движения никаких иллюзий в вопросе об истинном отношении СССР к планам лужицкой независимости. Это обостряло противостояние между “Домовиной” и СЗНК, руководство которого по-прежнему выступало категорически против любого взаимодействия с немецкими политическими партиями, считая это предательством, и продолжало развивать свои радикальные внешнеполитические планы, направленные на отделение Лужицы от Германии. 16 мая 1946 г. СЗНК направил секретариату конференции министров иностранных дел четырех стран-победительниц очередной, четвертый меморандум с просьбой выслушать серболужицкую делегацию при обсуждении немецкой проблемы и заключении мирного договора с Германией. Ссылаясь на Атлантическую Хартию, на решения Ялтинской конференции и на Хартию Объединенных Наций, в которых союзники выразили решимость дать свободу всем угнетенным фашизмом народам, меморандум завершался просьбой “обеспечить наше свободное развитие путем установления международного контроля или посредством мандата одной из четырех сверхдержав” [7. С. 7–8. S. 57]. Комментируя этот документ, представители Общества друзей Лужицы отмечали, что его содержание “...вновь переводит Лужицу в иную правовую плоскость, отличающуюся от предыдущих требований. Речь идет уже ни о присоединении к Чехословакии, ни о предоставлении независимости. До этого общественность ценила последовательную единую линию лужицких сербов на присоединение к Чехословакии, которая продолжалась до октября 1945 г. С того времени, однако, лужицкие сербы не имеют твердой линии поведения...” [7. С. 7–8. S. 57]. Данный комментарий отражал нараставшее разочарование Общества друзей Лужицы непоследовательностью руководителей СЗНК.

После объединения немецких коммунистов и социал-демократов руководство СЕПГ при поддержке СВАГ приступило к проведению радикальных социально-экономических преобразований. Власти Саксонии приняли решение о проведении до 30 июня 1946 г. всенародного референдума по вопросу о конфискации предприятий нацистов и военных преступников без компенсации. И СЕПГ, и органы СВАГ придавали референдуму огромное значение, поскольку он проводился только в Саксонии и от его результатов зависело осуществление аналогичных реформ в других землях Восточной Германии. Референдум стал «первым форумом в истории советской оккупационной зоны и позднее ГДР, в котором немецкий народ принял непосредственное участие в управлении страной. Саксония была традиционно “красной”, здесь был многочисленный рабочий класс, активное рабочее движение... Она считалась одной из наиболее густонаселенных районов Европы, где промышленность составляла 48% от экономики всей советской зоны оккупации. Кампания в пользу референдума проводилась силами СЕПГ... при активном участии органов СВАГ...» [17. С. 104]. В процессе подготовки референдума представители СЕПГ в верхнелужицком избирательном округе обратились к руководству “Домовины” с предложением объединить усилия и выступить совместно. Учитывая настроения подавляющего большинства серболужицкого населения, “Домовина” высказалась в поддержку референдума и за объединение усилий с СЕПГ.

Итоги референдума в Саксонии, состоявшегося 30 июня 1946 г., оказались весьма благоприятны для СЕПГ. Более того, в серболужицких районах число принявших участие в голосовании и количество тех, кто высказался за конфискацию предприятий нацистов и военных преступников без компенсации, было выше, чем в среднем по Саксонии, где в референдуме приняло участие 93.7% имеющих право голоса, из которых 77.6% высказались за конфискацию без компенсации [22. S. 190]. Впрочем, политсоветник СВАГ В.С. Семенов, выражая удовлетворение итогами референдума, тем не менее признавал: "...Было бы ошибочно утверждать, что успех референдума есть результат только возросшего сознания населения Саксонии. Наличие оккупационных войск, боязнь населения осложнить отношения с советскими властями..., страх перед возможностью каких-либо репрессий за неучастие в выборах... в известной мере оказали влияние на положительный исход референдума" [17. С. 106]. Выборы в местные органы власти, состоявшиеся 1 сентября 1946 г. в Саксонии и 15 сентября в Бранденбурге, а также выборы в земельные ландтаги, прошедшие во всех землях Восточной Германии 20 октября 1946 г., закрепили наметившееся ранее сотрудничество "Домовины" с СЕПГ. Совместные действия с "Домовиной" позволили СЕПГ добиться лучших результатов в серболужицких избирательных округах, чем в среднем по Саксонии (63.5% и 53.6% соответственно). Несмотря на традиционно сильные позиции церкви в Лужице, христианские демократы получили лишь около 10% голосов серболужицких избирателей.

Параллельно с интеграцией "Домовины" в политическую систему Восточной Германии предпринимались определенные меры для удовлетворения национально-культурных потребностей серболужицкого населения. Важным шагом в этом направлении стала организация подготовительных курсов для учителей серболужицких школ. Учительские курсы, организованные в серболужицком селе Радвор у Будишина в январе 1946 г., подготовили к августу 1947 г. около 120 учителей, однако этого количества серболужицких педагогов было явно недостаточно. Ситуация с образованием на серболужицком языке осложнялась тем, что, как отмечал "Lužickosrbský věstník", "вопреки приказу оккупационных органов о введении серболужицкого языка обучения в тех местах, где серболужицкие дети составляют 50% и более, немецкие власти сознательно занижают численность лужицких сербов. Сейчас в Лужице не осталось чисто серболужицких деревень, так как повсюду расселились немецкие переселенцы из Чехословакии и Польши, дети которых искусственно занижают процент серболужицких детей... Еще одной проблемой является крайний недостаток серболужицких детей... Даже то незначительное число учителей, которых ранее имели лужицкие сербы, было лишено работы, поскольку выяснилось, что они были членами нацистской партии. Хотя общеизвестно, что все учителя, врачи, адвокаты и пр. были обязаны вступать в нацистскую партию, это обстоятельство не принимается во внимание" [2. Č. 1. S. 113].

Представители советской администрации стремились переориентировать деятельность лидеров серболужицкого движения из внешнеполитической сферы в русло решения конкретных национально-культурных вопросов. В августе 1946 г. Лужицу посетили представители Всеславянского комитета из Москвы, которые передали в дар серболужицкому Славянскому комитету в Будишине многочисленные книги и вручили письмо председателя Всеславянского комитета генерала Гундорова главе серболужицкого Славянского комитета М. Навке. Делегация посетила серболужицкую деревню Радвор, где в это время проходил

третий учительский курс. В ходе пребывания в Лужице особое внимание уделялось изучению конкретных проблем и пожеланий лужицких сербов на местах. “Это проявление дружбы Всеславянского комитета в Москве к Лужице было воспринято с радостью и надеждой на то, что и в СССР, после решения послевоенных проблем, будет уделяться больше внимания Лужице”, – писал “*Lužicko-srbský věstník*” [7. С. 9–10. S. 70]. С формированием восточногерманской политической системы активность советских властей в серболужицком вопросе действительно возросла, однако цель их заключалась в нейтрализации серболужицкого национального радикализма и переориентации серболужицкого движения на решение культурных проблем в рамках формирующегося восточногерманского государства.

К осени 1946 г. отношения между СЗНК и “Домовиной” заметно обострились. Руководство СЗНК было вынуждено одобрить участие лужицких сербов в июньском референдуме о конфискации предприятий нацистов и с пониманием отнестись к их участию в местных выборах. Однако участие “Домовины” в выборах в земельные ландтаги в октябре 1946 г. вызвали резко отрицательную реакцию СЗНК. Я. Цыж считал участие лужицких сербов в выборах в земельный ландтаг Саксонии полностью неприемлемым. “Мы, лужицкие сербы, – аргументировал свою позицию Цыж в письме от 12 сентября 1946 г., – не можем участвовать в этих выборах по принципиальным соображениям. Мы... хотим свободу. Поэтому мы не можем признать над собой власть какого-либо немецкого сейма, что произошло бы в том случае, если бы мы избрали в него своих представителей” [23].

Рост противоречий между СЗНК и “Домовиной” привел к тому, что 3 октября 1946 г. руководители “Домовины” официально вышли из состава СЗНК и Народной рады. Попытка лидеров СЗНК сменить руководство “Домовины” и тем самым поставить ее под свой контроль оказалась неудачной. 30 ноября 1946 г. съезд “Домовины” переизбрал прежнее руководство во главе с П. Недо. Более того, в состав руководства “Домовины” вошел и коммунист К. Янак, занимавший в то время должность председателя окружной организации СЕПГ. Усиление позиций прежнего руководства “Домовины” резко ослабило положение СЗНК и 26 февраля 1947 г. привело к отставке Я. Цыжа. С конца 1946 г., когда СЗНК окончательно утратил влияние в Лужице, “Домовина” стала единственным выразителем интересов серболужицкого населения. В отличие от СЗНК, руководство “Домовины” выступало с более умеренных позиций, стремясь найти решение лужицкого вопроса в рамках Германии. Программа “Домовины” была сформулирована в ее обращении к участникам Славянского съезда, состоявшегося в декабре 1946 г. в Белграде.

В этом документе серболужицкая делегация указала на необходимость объединения обеих Лужиц в одну провинцию и обеспечения равных прав для серболужицкого и немецкого населения. “...Нашему народу, который столетиями... подвергался давлению со стороны антиславянского империализма, грозит сейчас окончательное уничтожение, – говорилось в обращении лужицких сербов Славянскому съезду. – Поэтому мы просим все славянские народы поддержать наши просьбы к оккупационным властям в Германии, выполнение которых позволило бы нам восстановить нашу национальную жизнь. 1. Территории, населенные лужицкими сербами, входят сейчас в состав двух административных единиц, что препятствует развитию культурной жизни. Поэтому мы просим объединить Верхнюю и Нижнюю Лужицы в единую административную едини-

цу, где серболужицкий и немецкий языки имели бы равные права... 2. Просим разрешить создание серболужицких школ, культурных и образовательных учреждений. 3. Просим разрешить создание... серболужицких молодежных организаций, где наша молодежь воспитывалась бы в демократическом и славянском духе. 4. Серболужицкий народ вынужден сейчас выражать свои политические интересы с помощью немецких политических партий. Поэтому мы просим разрешить создание серболужицкой социалистической партии. 5. Просим обеспечить равные права с немецким населением во всех сферах культурной жизни..." [2. С. 2. S. 30].

Это был очередной, наиболее умеренный вариант решения серболужицкого вопроса, уделявший основное внимание национальным правам лужицких сербов и равноправию в культурной сфере. В отличие от предыдущих меморандумов, обращение не требовало отделения Лужицы от Германии, ограничиваясь предложением объединить Верхнюю и Нижнюю Лужицы в единую административную единицу, что фактически подразумевало создание в составе Германии лужицкой автономной области. Однако и этот более реалистичный план лидеров "Домовины" также потерпел неудачу.

Планы серболужицких политиков, направленные на радикальное изменение политического статуса Лужицы путем ее присоединения к Чехословакии или образования независимого Лужицкого государства с самого начала имели минимальные шансы на успех. Во-первых, серболужицкое национальное движение, ограниченное рамками малочисленного народа, имело крайне ограниченный потенциал и не располагало необходимыми демографическими, социально-экономическими и организационными ресурсами для успешной реализации своих внешнеполитических замыслов. Во-вторых, роковую роль для серболужицких политиков сыграла незаинтересованность в их проектах великих держав, прежде всего СССР. Политические требования серболужицких лидеров объективно противоречили интересам Москвы, поскольку могли осложнить процесс взимания репарационных платежей и дестабилизировать и без того сложное положение в юго-восточной Саксонии, где осела значительная часть немецких переселенцев из Судет и Силезии. В-третьих, Чехословакия и Польша, на поддержку которых рассчитывали лужицкие сербы, отдавали приоритет реализации собственных национальных интересов, зачастую не совпадавших с интересами лужицких сербов. Более того, в ряде случаев интересы лужицких сербов, которые на словах поддерживались официальной Прагой, на деле приносились в жертву практическим целям чехословацкой политики. Одним из примеров этого является инициированное Прагой ускоренное выселение судетских немцев в советскую зону оккупации, что резко осложнило положение славянского населения Лужицы и в итоге привело к усилению германизации лужицких сербов.

Единственным важным результатом серболужицкого национального движения после 1945 г. стало принятие 23 марта 1948 г. ландтагом Саксонии "Закона о защите прав серболужицкого населения", который юридически закреплял права лужицких сербов на свободное развитие своего языка и культуры при поддержке со стороны государства. Однако, несмотря на широкую государственную поддержку лужицких сербов со стороны ГДР, германизация серболужицкого населения продолжалась, что было вызвано не только периодическими рецидивами ассимиляторской политики со стороны восточногерманских властей, но и естественными социально-экономическими, демографическими и социокультурными причинами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Stawizny Serbow*. Budyšin, 1977. Zwjazk I. Wot spočatkow hač do lěta 1789.
2. Lužickosrbský wěstnik, 1947. Ročnik XXII.
3. *Zmeškal V.* O swobodu Lužice // Svobodné noviny. 1945. 19 VI.
4. Za swobodu Lužických Srbů. Sběrka dokumentů z května–června 1945. Praha, 1945, Č. 26, I.
5. Serbski Kulturny Archiw. MZb YI, 8 H.
6. *Pronjewič A.* Stejšco ZSSR při rozrisanju serbskeho narodneho prašenja po 2. swětowej wojnje // Rozhlad 45 (1995). Č. 7–8.
7. Lužickosrbský wěstnik. 1946. Ročnik XXI.
8. *Kaplan K.* Pravda o československu 1945–1948. Praha, 1990.
9. Vojenský Historický Archiv. Fond Hlavní Štáb – 1.oddělení 1945.
10. Vladimír Clementis. Život a dielo v dokumentoch. Osveta, Martin, 1993.
11. Archiv Ministerstva Zahraničních Věcí. Fond Generální Sekretariát 1945–1954 (GS).
12. *Šůla J.* Z dějin bojů o lužickosrbský národní stát: interpelace Jana Cyže a dr. Miklaše Krječmara ze dne 14 července 1945 // Česko-lužický wěstnik, 2005. Ročnik XV. Č. 7–8
13. Vojenský Historický Archiv. Fond Politický kabinet ministra národní obrány –1946. Č.j. 3741.
14. Vojenský Historický Archiv. Fond úřad státního tajemníka–1945. Č.j.105180.
15. *Staněk T.* Perzekuce 1945. Praha, 1996.
16. Лужица. Будишин, 1946.
17. *Семиряга М.* Как мы управляли Германией. Москва, 1995.
18. Serbski Kulturny Archiw. MS. XIX. 15 G.
19. Лужицькі серби. Посібник з народознавства. Львів; Будишин, 1997.
20. *Honecker E.* Poslední zpověď. Praha, 1994.
21. *Elle L.* Sprachenpolitik in der Lausitz. Eine Dokumentation 1949–1989. Bautzen, 1995.
22. *Šořta J.* Zarys serbskich stawiznow. Budyšin, 1976.
23. Zprávy LZNV. 3 I 1947.

© 2007 г. А. А. УЛУНЯН

XX СЪЕЗД КПСС: “ГРЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ”

Весна 1953 г. стала определенным рубежом для мировой политики. Смерть 5 марта 1953 г. И. Сталина и последовавшие за ней в Советском Союзе события, главным из которых являлась ожесточенная борьба в Кремле за власть, заставили политических аналитиков на Западе серьезно заняться изучением возможного вектора развития международной ситуации. Для большинства руководителей компартий, включая Коммунистическую партию Греции (КПГ), вопрос о перспективах советского режима и его взаимоотношений с коммунистическим движением был тесно связан с персональным составом высшего эшелона партийно-государственного руководства в Москве. Постепенное выдвигание на первые роли первого секретаря ЦК КПСС Н. Хрущева и его группы, закат политической карьеры Л. Берии, В. Молотова, Г. Маленкова, Н. Булганина, Л. Кагановича и других ветеранов сталинской гвардии представляли собой противоречивый процесс [1. С. 759–845].

Несмотря на инерционность политической системы, ближе к лету 1953 г. начинают обнаруживаться некоторые элементы новой атмосферы в ЦК КПСС, чиновники которого, отличаясь врожденной конъюнктурностью убеждений и верностью очередному начальнику, чутко улавливали тенденции в верхних эшелонах. Одним из первых, хотя и кажущимся незначительным, симптомов, относящихся непосредственно к КПГ, стала критика ее политических установок исполнявшим обязанности начальника канцелярии Коминформа А. Котеленцом. Она была изложена в его служебной записке заместителю заведующего Международным отделом ЦК КПСС И. Виноградову. Автор обращал внимание в ней на “неясные и нелогичные формулировки” в приветствии ЦК КП Чехословакии (КПЧ) в адрес ЦК КПГ по случаю 50-летия ее генерального секретаря Николаоса Захариадиса. Так, Котеленец критиковал положение о том, что «“только коварный удар в спину” со стороны “фашистской банды Тито заставил отступить... греческий народ”. Такое положение позволяет утверждать, что правительство клики Тито–Ранковича являлось единственной причиной поражения освободительного движения в Греции. Однако известно, что поражение греческого освободительного движения в период англо-американской оккупации связано с другими причинами, в частности, с серьезными ошибками, допущенными руководством ЦК КПГ» [2. Д. 267. Л. 14]. Одновременно внимание советских партаппаратчиков привлекали любые нестандартные (с точки зрения

традиционного партийного языка) идейно-теоретические формулировки, в которых уже изначально они видели угрозу общепринятым установкам. А. Котеленец отмечал в своей записке: “В приветствии ЦК компартии Греции говорится о каком-то особом новогреческом марксистском пути развития страны” [2. Д. 267. Л. 14]. Подозрительность и стандартизация аппаратного мышления в данном случае проявилась в трактовке слова νεοελληνικός (новогреческий) как отход от доктрины марксизма-ленинизма, хотя в действительности это лишь свидетельствовало о слабом знакомстве автора записки с принятыми в греческом языке характеристиками периода истории Греции после 1821 г. (см. [3. С. 8]).

В самой Греции ситуация характеризовалась усилением пришедшего к власти 19 ноября 1952 г. однопартийного правительства А. Папагоса. Мероприятия, проводившиеся им, отличались принятием жестких решений в социальной области, а также касались усиления присутствия США в стране. Это вызывало резкие протесты. К лету 1953 г. расширилось забастовочное движение. Главным требованием бастовавших были повышение заработной платы на 100%, прекращение увольнения рабочих и служащих, отставка министра труда, запрет ликвидации отраслевых страховых касс и введение социального страхования [2. Д. 362. Л. 1]. Ситуация в Греции и проблемы внутрипартийной жизни рассматривались в руководстве КПГ в тесной связи. Активизация деятельности греческой компартии внутри страны требовало развитие ее организационных структур, способных, с одной стороны, действовать в глубоком подполье, а с другой, – влиять на организационное оформление легальных оппозиционных правительству Папагоса сил. Используя складывавшуюся ситуацию, Н. Захариadis постарался стабилизировать положение в КПГ и отдельных партийных организациях греческих эмигрантов в Восточной Европе и СССР, в которых начали, хотя и не отчетливо, проявляться недовольство внутрипартийным режимом, арестами и ссылками, в том числе с помощью местных органов безопасности, известных деятелей партии, несогласных членов КПГ, высказывавшихся против официальных оценок отдельных периодов истории греческой компартии, роли в ее развитии тех или иных руководителей. Эти обстоятельства во многом определили и характер предпринятых руководством КПГ шагов. В целях решения политических и организационных проблем, стоявших перед греческой компартией, с 12 по 14 декабря 1953 г. в Бухаресте в штаб-квартире ЦК КПГ собрался очередной форум ЦК и ЦКК КПГ, вошедший в историю греческой партии как IV расширенный пленум. На нем присутствовали 50 человек, из которых лишь 20 являлись членами ЦК и ЦКК. Остальные приглашенные на этот форум руководством компартии были руководителями греческих парторганизаций в странах Восточной Европы и нелегалы из самой Греции. Как сообщили заместителю заведующего Международным отделом ЦК КПСС Баранову заведующий Международным отделом ЦК Румынской Рабочей Партии (РПП) А. Рогожинский и завотделом ЦК РРП Г. Ваш, “на Пленум не были приглашены работники Комитета организации КПГ в Румынии [что объясняется] тем, что за последнее время Н. Захариadis и В. Бардзотас не доверяют этим работникам” [2. Д. 267. Л. 116]. Помимо них, под благовидным предлогом болезни, а в действительности – из-за нежелания Н. Захариadis и его ближайшего окружения, не присутствовали представители “старой гвардии” – Я. Иоаннидис, К. Тэос и М. Синакос, способные нарушить отрететированный сценарий.

Прошедший пленум стал своего рода символом попыток Н. Захариadis, В. Бардзиотаса и ряда других ближайших сподвижников генерального секретаря

ря усилить контроль над партийным аппаратом и сделать его недоступным для сторонников лишенных власти оппозиционеров – К. Карагеоргиса, М. Вафьядиса, Л. Апостолу и др. В политической резолюции пленума, называвшейся “Ход и перспективы развития патриотического движения в Греции и задачи Коммунистической партии Греции”, выдвигались две актуальные задачи, реализация которых обуславливалась либо мирным, либо немирным развитием событий. И хотя в самом тексте документа слова о вооруженных методах борьбы за власть были завуалированы, анализ содержания резолюции позволяет говорить об этом. В первом случае, предусматривалось ведение борьбы “за немедленные свободные выборы на основе пропорциональной избирательной системы с тем, чтобы парламентским путем наш народ самостоятельно решил о своей судьбе” (так в тексте. – *Ар.У.*). Эта борьба должна была вестись в целях создания “демократического коалиционного правительства, которое будет поставлено у власти”. Одновременно руководство греческой компартии не исключало возможности того, что в случае “любой внезапной авантюры”, под которой подразумевался военно-политический конфликт на Балканах, КПГ должна была быть готова “повернуть оружие в обратную сторону” и “превратить эту войну в их (правящего класса. – *Ар. У.*) могилу” [2. Д. 291. Л. 15]. Тезис превращения “войны империалистической в войну гражданскую”, сформулированный В. Лениным в начале XX в., продолжал оставаться на вооружении идеологов КПГ и в середине столетия. В идейно-теоретическом арсенале представителей верхнего эшелона греческой компартии, несмотря на поражение в Гражданской войне 1946–1949 гг. и изменение ситуации, продолжала сохраняться ставка на силовое решение политических проблем, либо в форме массового “патриотическо-демократического фронта”, оказывающего давление на власти, разрозненных партизанских вооруженных групп, проводящих террористические акции, либо трансформации международного военного конфликта в Гражданскую войну. Откровенно эмигрантский характер носил и проект программы КПГ, являвшийся попыткой совместить политические реалии и революционные перспективы. В нем, в частности, декларировалось: “Нет сомнений в том, что грядущая революция в Греции будет народно-демократической, а наша программа – программа социалистического строительства страны, что государственной формой, которую создадим, будет народная демократия, выполняющая функции диктатуры пролетариата” [2. Д. 291. Л. 126].

В Москве внимательно следили за процессами, протекавшими внутри зарубежных компартий, включая КПГ. Идейно-политические установки и конкретная деятельность компартии Греции находились под строгим контролем ЦК КПСС, стремившимся получать как можно более полную информацию не только от руководства КПГ, но и компартий стран Восточной Европы, в которых она действовала. Поэтому сведения о IV расширенном пленуме ЦК и ЦКК КПГ были получены в международном отделе ЦК КПСС и от ЦК РРП. Проект новой программы греческой компартии подвергся тщательному разбору и анализу в Секретариате Информбюро и в ЦК КПСС. Вывод, содержащийся в записке А. Котеленца в адрес ЦК КПСС, был неутешительным. В частности, заявлялось, что проект неудачен для “программы политической партии рабочего класса. Значительная его часть напоминает больше очерк по истории Греции, чем боевой программный документ Коммунистической партии... во введении имеется много путаницы и ошибок, свидетельствующих о

том, что среди руководящих деятелей КПГ нет ясности по некоторым вопросам истории Греции” [2. Д. 292. Л. 16].

Жесткой критике подверглась не только историческая часть документа, в которой его авторы пытались, используя традиционные марксистско-ленинские трактовки причинно-следственных связей, подчеркнуть историческую национальную обусловленность как самого факта появления и существования КПГ, так и ее политики. Внимание советских функционеров привлекли такие моменты как “нечеткость” в формулировании прогноза перспектив и характера будущей (!) революции, роли в ней отдельных слоев, установление определенной формы власти после революции и т. д. К тому же у самих экспертов из ЦК КПСС было свое видение ситуации в Греции и собственная (далекая от реальности) характеристика “текущего момента”. Это особенно отчетливо проявилось в формулировке уже упоминавшейся служебной записки А. Котеленца, в которой говорилось: “Современная Греция является конституционной монархией, государством фашистского типа с наличием феодальных пережитков, государством, в котором безраздельно господствуют американские империалисты...” [2. Д. 292. Л. 20].

Работа над Проектом программы продолжалась в ЦК КПГ вплоть до начала сентября 1954 г., когда ЦК КПСС официально сообщил руководству греческой компартии свои замечания по этому документу. 13 октября 1954 г. ЦК КПГ принял резолюцию “О современном политическом положении в Греции и некоторых непосредственных задачах политики партии”. В ней заявлялось о том, что ЦК КПГ принял решение о выработке нового Проекта, что, во многом было обусловлено критикой со стороны ЦК КПСС предыдущего документа. Уже начиная с октября 1954 г., центральный орган КПГ журнал “Νέος Κόσμος” перестал публиковать материалы, связанные с работой по подготовке Проекта программы. 23 октября, на заседании ЦК КПГ было принято решение вообще снять с повестки дня обсуждение Проекта, так как содержащиеся в этом документе заявления о необходимости социалистических преобразований в Греции и создании народно-демократической республики в ближайшее время как основной задачи КПГ способны серьезно подорвать курс компартии на объединение левых сил внутри страны.

В самой КПГ ситуация продолжала характеризоваться ужесточением внутрипартийного режима, с одной стороны, и, с другой, – увеличением числа тех, кто так или иначе оказывался несогласным с диктатурой Н. Захариадиса и его ближайшего окружения. Процессы либерализации (хотя и крайне противоречивые) в советской компартии и в целом СССР, автоматически накладывали свой отпечаток на ситуацию в коммунистическом движении и его греческой “секции”. Все чаще зарубежные аналитики высказывали предположение о скорой смене руководства КПГ, тем более, что уже не были тайной массовые внутрипартийные чистки в греческой компартии и заключение в тюрьмы стран Восточной Европы или отправка в ссылку несогласных с Н. Захариадисом членов КПГ. Робкие шаги хрущевского руководства по прекращению репрессий в СССР, отозвавшиеся и в других странах коммунистического блока аналогичными действиями местных властей, давали повод для предположений о судьбе верхнего эшелона КПГ и самой греческой компартии. Советско-югославская декларация 2 июня 1955 г., подписанная в Белграде Председателем Совета министров СССР Н. А. Булганиным и Президентом ФНРЮ И. Броз Тито, а также начавшаяся после этого нормализация советско-югославских отношений расце-

нивались в Греции как пролог к подобным действиям со стороны Москвы и в отношении Афин. Прежде всего, это касалось отказа от поддержки антиправительственных организаций со стороны СССР. Проправительственная газета “Απογευματινή” опубликовала 4 июня 1954 г. передовую статью, в которой недвусмысленно заявлялось о так называемых возможных (читай: желательных) шагах Кремля в новой ситуации “замирения” на Балканах: «1. Руководство компартии Греции будет заменено с устранением Захариадиса и большинства его ближайших сподвижников в ЦК, а также кадров, сыгравших большую роль в период восстания [имелась в виду Гражданская война в Греции в 1946–1949 гг.] Вероятно, что другое руководство компартии Греции избрано не будет, она останется бездеятельной, что и явится ее фактическим роспуском. 2. Будет запрещена (хотя бы на какой-то период) деятельность компартии, связанная с посылкой в Грецию диверсантов, шпионских групп и стремлением обеспечить кадрами подпольный аппарат компартии. 3. Будут прекращены радиопередачи коммунистов [имелась в виду радиостанция “Свободная Греция”]» [4]. Разумеется, этот анализ-пожелание не мог реализоваться на практике в столь радикальной форме. Но, что касалось положения в руководстве КПГ, оно могло резко измениться в случае каких-либо кадровых перетрясок в аппарате компартии и особенно его высших эшелонах.

Резкий конфронтационный, характерный для сталинского периода тон идейно-политических установок греческой компартии, приходил во все большее противоречие с новыми веяниями в политике советского партийно-государственного руководства. Все чаще во внутривнутрипартийных документах КПСС обращалось внимание на отказ от прежних жестких по форме (но не по содержанию) формулировок и тезисов. В отношении идейно-политических установок греческой компартии в советском партаппарате уже неоднократно, начиная с осени 1953 г., высказывались замечания. К осени 1954 г. эта критика стала нарастать. От идеологов КПГ ждали “элегантной” формы и корректных формулировок, так как Москва уже не хотела выглядеть на внешнеполитической арене союзником откровенных экстремистов-радикалов. Одновременно Кремль не собирался отказываться от традиционных марксистско-ленинских идеологических установок и сущностных характеристик, основанных на них. Именно такую двойственность – государственные интересы и идеологические тезисы марксистской доктрины – предстояло сохранять советскому руководству. Это, в свою очередь, делало подходы и оценки Москвы к внешне- и внутривнутриполитическим проблемам противоречивыми и непоследовательными. В этой связи новая “генеральная линия” КПСС с трудом воспринималась в руководстве большинства компартий, включая КПГ.

Внешнеполитические эксперты КПСС в своей информационно-аналитической записке, представлявшей обзор передач радиостанции “Свободная Греция” отмечали, цитируя пропагандистские пассажи КПГ: “ликвидация полицейского государства и установление демократического правительства” равносильны революционному перевороту, что едва ли можно добиться путем избирательной кампании. Считаю такую постановку этого вопроса политически поверхностной, тем более, что в связи с выборами заключается единый фронт с буржуазией и деятелями различных реакционных партий... Не пропагандировать союз рабочего класса с крестьянством и рассматривать этот вопрос в соответствии со вкусами “спутников” является политической ошибкой. Следует отме-

тить, что кричащий тон в пропаганде радиостанции давно уже не применяется в прогрессивной пропаганде" [2. Д. 362. Л. 183, 185].

Победа на муниципальных выборах, одержанная в ноябре 1954 г. противниками Греческого сбора¹, когда оппозиция получила 60% голосов, а правящая партия всего 20%, оживление профсоюзного движения, внутри которого усиливались позиции левых и левоцентристских сил, противостоявших руководству официальной Всеобщей конференции греческих трудящихся (ВКГГ) – все это способствовало появлению в греческой компартии уверенности в своих силах. Ситуация в стране продолжала рассматриваться в контексте ранее избранных руководством КПГ идейно-политических установок. Так, в частности, заявлялось, что “наш народ на коммунальных выборах 21 и 28 ноября осудил политику, которую проводит Папагос и его Сбор, выразив желание изменить внутреннюю и внешнюю политику Греции...” Сама партия А. Папагоса характеризовалась компартией как “порождение американских завоевателей и местной плутократической олигархии”, при “поддержке которых он (А. Папагос. – *Ар. У.*) пришел к власти” [5. Σ. 1]. Вновь, как и прежде, греческая компартия упрощала ситуацию, делая акцент на проамериканском курсе Папагоса и не говоря о социальной базе Греческого сбора, среди сторонников которого на предыдущих парламентских выборах были не только малочисленные “плутократы”, но и широкий спектр других социальных групп, включая представителей нижних и средних слоев. Оформление оппозиционных режиму сил рассматривалось идеологом КПГ и “вторым человеком” в партии В. Бардзиотасом как “первые шаги в осуществлении патриотического демократического единства” [6. Σ. 8], причем греческая компартия характеризовалась им как сила, которая “сражается первой среди первых в народной национальной борьбе за улучшение жизни, демократию, мир, национальную независимость” [6. Σ. 9].

В тесной связи с идейно-теоретическими установками КПГ и ее политическим курсом находился вопрос партийного строительства греческой компартии, ее нелегального аппарата внутри Греции и положение в парторганизациях в странах Восточной Европы.

Внутрипартийное положение в КПГ характеризовалось доминированием узкого круга, состоявшего из Н. Захариадиса, В. Бардзиотаса, Г. Водициоса-Гусиса и тщательно отобранных кадров высшего партруководства, прежде всего в Политбюро, ЦК и ЦКК, массовыми чистками, физической расправой с неудобными из числа представителей греческой политической эмиграции. Особенно это касалось тех из несогласных, кто занимал в 1941–1949 гг. высшие посты в партии, ЭАМ/ЭЛАС, ДАГ² и имел определенное влияние в этих организациях. К середине 1955 г. перед Н. Захариадисом и его ближайшим окружением стоял

¹ Греческий сбор – греческая правоцентристская партия, руководителем которой являлся А. Папагос.

² ЭАМ – Национально-освободительный фронт Греции, был создан под руководством греческой компартии осенью 1941 г. как общественно-политическая коалиция различных партий и организаций, ставивших целью борьбу против оккупантов и выступавших за развитие Движения Сопротивления. ЭЛАС – Народно-освободительная армия Греции была создана из партизанских отрядов при активной роли КПГ. На протяжении 1941–1944 гг. ЭАМ/ЭЛАС фактически были доминирующей политической силой греческого национального Сопротивления. ДАГ – Демократическая армия Греции была создана из партизанских отрядов, которые были организованы греческой компартией в годы Гражданской войны 1946–1949 гг. Прекратила свое существование в августе 1949 г. после поражения КПГ.

ряд проблем. В некоторых парторганизациях (число которых было к середине 1950-х годов больше чем после поражения в 1949 г., но меньше, чем в 1944 г.) сформировалось так называемое антилидерское движение, направленное против руководства КПГ и выступавшее за смену конкретных представителей высшего эшелона компартии, в число которых входило все Политбюро, бульшая часть членов ЦК и ЦКК, которых считали виновниками поражения 1941–1949 гг. Параллельно осенью 1954 г. – весной 1955 г. служба государственной безопасности Греции нанесла сильный удар по подпольному механизму в стране – было арестовано свыше 100 кадровых сотрудников партии, многие из которых являлись членами ее высших органов.

Кризисные явления тем временем нарастали и в партийных организациях КПГ в странах Восточной Европы. Отчетливо просматривалось стремление представителей среднего звена аппарата греческой компартии определить степень виновности (или невиновности) исключенных из КПГ деятелей из числа ее руководителей, а также известных военных кадров ЭЛАС и ДАГ. В свою очередь, в верхних эшелонах компартий стран Восточной Европы и прежде всего в ЦК КПСС внимательно следили за готовностью проводить “новый курс”, провозглашенный советским партийно-государственным руководством. Таким образом, от Н. Захариадиса и его ближайших сподвижников требовалось “уловить” характер изменений в мировом коммунистическом движении, сохранить свои позиции и не допустить сплочения исключенных из КПГ в 1949–1954 гг. бывших высших работников партии, которые имели личные связи и влияние в парторганизациях КПГ в странах “народных демократий” и могли возглавить оппозицию. Наиболее активными в этой связи были М. Вафьядис, М. Парцалидис, Я. Иоаннидис. В ЦК КПСС к середине лета 1955 г. все чаще стали поступать письма из Ташкентской парторганизации КПГ. В них содержались как конкретные жалобы на Н. Захариадиса и его ближайших сподвижников, так и ставились вопросы, связанные с ответственностью отдельных деятелей компартии в период 1941–1949 гг. Письма аналогичного содержания направлялись и в ЦК компартии Узбекистана, который осуществлял непосредственное кураторство над греческими эмигрантами и их парторганизацией в этой республике, ставшей центром политической жизни греческих эмигрантов (подробнее об этом см. [7]). В силу сложившейся ситуации ташкентская парторганизация греческой компартии стала второй после румынской, руководство которой так же перестало пользоваться доверием Н. Захариадиса и его окружения. В органы государственной безопасности СССР усилился поток информации об отношении генерального секретаря КПГ к официальному курсу Москвы. В этих сообщениях доминировали сведения о недовольстве Н. Захариадиса контролем партийных органов в странах Восточной Европы и СССР над его действиями в КПГ, где он хотел быть полновластным хозяином. Естественно, эта конфиденциальная информация настораживала высших чиновников аппарата ЦК КПСС. Стремясь не допустить внутривнутрипартийного конфликта в греческой компартии и в целом в греческой политической эмиграции, они внимательно отслеживали ситуацию. В это время между сторонниками и противниками Н. Хрущева в высших эшелонах советской компартии обострилась борьба за власть, что имело свой отклик и в других восточноевропейских компартиях. Желая переломить развитие ситуации в свою пользу, Н. Захариадис направил в Ташкент одного из своих ближайших сподвижников, члена Политбюро ЦК КПГ Д. Вландаса с тем, чтобы на планировавшейся IV конференции ташкентской парторганизации

КПГ фактически разгромить складывавшуюся, но еще не оформившуюся организационно оппозицию, враждебно настроенную в отношении методов политического руководства Н. Захариадиса и его сподвижников, а также многих из данных им оценок политического курса КПГ в 1941–1949 г. и деятельности отдаленных ее руководителей, исключенных генеральным секретарем из партии.

Прибыв 9 июля 1955 г. в столицу Узбекистана, Д. Владас обнаружил, что значительная часть парторганизации КПГ выходит из “повиновения”. Созыв конференции планировался на 15 августа, но она начала свою работу лишь 18 августа. Однако уже с самого ее начала выявился резко антизахариадисовский дух собрания, и конференция фактически была распущена Владасом по указанию Захариадиса, наблюдавшего за происходившим из предместий Ташкента. Через радиоузел, к которому были подключены точки трансляции в жилгородках, где компактно проживали греческие политэмигранты, было передано сообщение об отстранении всего состава парткомитета Ташкентской организации КПГ. Это вызвало возмущение сторонников комитета. Владас и группа доверенных лиц из числа членов “групп порядка” – своего рода “партийной милиции” КПГ захватили здание Ташкентского обкома КПГ. В ночь с 18 на 19 августа начались беспорядки, а 20 числа они переросли в стычки между сторонниками Н. Захариадиса и теми, кто поддержал руководство Ташкентской парторганизации. Четыре члена ЦК КПГ – Акритидис, Вайнас, Пападопулос (Фокас) и Зигурис безуспешно пытались мобилизовать как можно больше сторонников Захариадиса. Толпа в количестве 500 человек скандировала у здания обкома КПГ лозунг “Смерть Владасу!” Вмешательство советских партийных и государственных органов помешало трансформации беспорядков в массовые столкновения. Однако уже на этой стадии выявилась вовлеченность советской стороны в кажущейся на первый взгляд внутривнутрипартийный конфликт.

Основными каналами влияния на ситуацию стали ЦК КП Узбекистана – Первый секретарь Абдуразаков и второй секретарь Мельников, ЦК КПСС – в лице заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Б. Пономарев и референт того же отдела П. Манчха (известного в руководстве КПГ как Петров).

Тем временем события развивались стремительно, чему в немалой степени способствовала активизация втянутых в конфликт сторон, включая и советскую. К моменту, когда они достигли своего апогея – массовых беспорядков 9, 10 и 11 сентября 1955 г., в них уже принимало участие по несколько тысяч человек с каждой стороны.

“Ташкентское восстание” (под таким названием вошли эти события в историю КПГ) послужило катализатором развития внутривнутрипартийных процессов, главной чертой которых стал усиливавшийся конфликт между сторонниками и противниками Н. Захариадиса. Президиум ЦК КПСС, в свою очередь, стремясь, с одной стороны, не допустить раскола греческой компартии и политэмиграции, а с другой, – повлиять на исход внутривнутрипартийной борьбы в пользу тех, кто видел в СССР своего союзника в деле обновления компартии, образовал собственную комиссию по расследованию событий. Активизировались контакты Отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями с исключенными из КПГ бывшими членами ее руководства – Д. Парцалидисом, М. Вафьядисом, Л. Апостолу и др. Понимая, что в создавшейся ситуации важно как можно быстрее добиться управляемости партийного аппарата и поставить под свой контроль ситуацию, наказав виновных, Н. Захариадис прибег к испытанному ору-

жю – массовым чисткам в ташкентской организации. В расчет генерального секретаря входило поставить дело таким образом, чтобы Комиссия ЦК КПСС, увидев его силу, отказалась от любой критики руководства КПГ и обрушила всю силу своего административно-идеологического могущества на противников Захариадиса. К тому же, зная о существовании в верхних партийных эшелонах КПСС противоречий между группой Хрущева и представителями сталинской фракции – Молотовым, Кагановичем и др., генеральный секретарь КПГ надеялся на поддержку последних. Уже на этом этапе выявилась резкая противоположность как в оценке событий 9–11 сентября, так и в механизме ее оглашения.

11 декабря 1955 г. ЦК КПСС принял специальное постановление “О положении в коллективе греческих политических эмигрантов в Ташкенте”. Его смысл сводился к осуждению “непартийных форм” решения проблем, а сами события 9–10 сентября характеризовались как антисоветская провокация. При этом комиссия Президиума ЦК КПСС, называвшаяся неофициально в партийных кругах КПГ как “Комиссия Комарова” (по фамилии ее руководителя), пришла к выводу, что в Ташкентской парторганизации отсутствовала какая-либо фракция или антипартийная платформа. Таким образом, фактически не учитывалась и даже более того – отвергалась точка зрения Н. Захариадиса на причины и характер происшедшего. Естественно, что руководитель греческой компартии, стремясь довести дело “до конца”, т.е. до полного разгрома своих противников (как реальных, так и мнимых), созвав в Ташкенте пленум парторганизации КПГ, на котором главную роль было суждено сыграть привезенным им из Бухареста функционерам греческой партии, пользовавшимся его доверием. Пленум Ташкентского обкома КПГ в действительности являлся не пленумом в строгом смысле этого слова, а “собранием активистов”, большинство из которых состояло из верных Захариадису людей, принял резолюцию-обращение в адрес ЦК КПСС.

На собравшемся в декабре 1955 г. V пленуме ЦК КПГ ответственность за события Н. Захариадис возложил на “движение против руководства” и “фракционеров”. При этом, понимая, что в создавшейся ситуации бесполезно будет использовать и внутривнутрипартийные разногласия в КПСС, а также показать степень осведомленности о действиях советской стороны, руководитель греческой компартии при поддержке своего ближайшего окружения сформулировал 6-й пункт резолюции пленума следующим образом: “Фракция в партийной организации Ташкента не смогла бы ничего добиться, если бы не пользовалась поддержкой определенных советских товарищей”. Такой отчаянный на первый взгляд акт, как критика кого-либо из советского руководства, был обусловлен серьезностью положения, в котором находился сам Н. Захариадис, понимавший, что решается его судьба как руководителя КПГ. Накануне начала работы пленума в его оргкомитет было передано письмо члена Политбюро ЦК КПГ К. Коляянниса, пользовавшегося негласной поддержкой как советской стороны, так и греческих противников Н. Захариадиса в КПГ. Объемный документ, копия которого была послана для ознакомления в ЦК КПСС, представлял собой обвинительный приговор как самому генеральному секретарю, так и его ближайшему окружению. Коляяннис жестко критиковал сложившуюся в высших эшелонах партии атмосферу единоличного командования и отсутствие коллективного руководства. Более того, он коснулся и политических вопросов, выразив несогласие с тезисом Н. Захариадиса, ставшим общепартийной точкой зрения, что поражение ДАГ во многом было обусловлено “внешним факто-

ром” [8. № 11. С. 65–66, 68]. По требованию Н. Захариадиса К. Колияннис здесь же, на пленуме, был исключен из Политбюро и ему было запрещено заниматься партийной работой. Этот “организационный вопрос” был усилен руководством греческой компартии еще одним решением – принятием в “принципе” Проекта программы КПГ [8. № 1. С. 2], которую ранее отвергли внешнеполитические эксперты ЦК КПСС (о чем Н. Захариадис был поставлен в известность руководством советской компартии). Все это свидетельствовало, что генеральный секретарь ЦК КПГ, не принявший оценок и критики советской стороны в отношении деятельности руководства КПГ в период “ташкентского восстания”, решил подчеркнуть свою самостоятельность. В политической резолюции пленума, названной “Единство во имя перемен”, вновь, как и прежде, ставка делалась на силовые методы решения внутривластных проблем в Греции в форме оказания нажима на находящиеся у власти политические круги.

Не оставляя без внимания развитие ситуации внутри КПГ, Захариадис постарался провести очередную акцию по разгрому оппозиции. В соответствии с решением V пленума предстояло провести IV конференцию парторганизации ташкентского обкома КПГ. В ее работе обязали участвовать и Колиянниса. Столь неожиданный шаг руководства греческой компартии был рассчитан на достижение двух целей. Во-первых, нейтрализовать союзников Колиянниса в КПГ в случае, если они попытаются активизироваться на предстоящей конференции, обвинив их во фракционности и раскольничестве. Во-вторых, Н. Захариадис не был заинтересован в демонстративном разрыве с ЦК КПСС. Поэтому в ответ на просьбу В. Бардзиотаса – ближайшего сподвижника руководителя КПГ – предоставить возможность К. Колияннису прибыть в Ташкент из Бухареста на IV конференцию заведующий Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Б. Пономарев в записке от 25 января 1956 г. в ЦК КПСС, весьма недвусмысленно отмечая последовательность фактов, писал о мотивации советского партийного руководства: “На Пленуме ЦК КП Греции в декабре 1955 г. т. Колияннис осудил действия т. Захариадиса и других представителей ЦК КПГ в Ташкенте и подверг их резкой критике. Пленум вывел т. Колиянниса из Политбюро ЦК и отстранил от партийной работы. Считал бы целесообразным разрешить приезд т. Колиянниса в СССР...”

Время с V пленума ЦК КПГ и вплоть до весны 1956 г. стало периодом поляризации сил внутри греческой компартии. Важной вехой в развитии коммунистического движения, и прежде всего его “главной партии” – КПСС, стал XX съезд, проходивший 14–25 февраля 1956 г. Два события этого съезда стали определяющими как в идеологии, так и в практике коммунизма: официальный доклад первого секретаря ЦК КПСС Н. Хрущева и его секретная речь, посвященная разоблачению сталинизма. Новая догматика предусматривала и новую интерпретацию. В период работы XX съезда советское партийное руководство решило предпринять усилия, направленные на решение “греческого” вопроса. В ходе переговоров между руководителями делегаций компартий стран, в которых находились греческие эмигранты, была достигнута договоренность сформировать Международную комиссию в составе представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии. Председателем комиссии стал генеральный секретарь РРП Г. Георгиу-Деж. 21 февраля комиссия официально приступила к работе.

В основу тезисов и выводов Международной комиссии были положены материалы “Комиссии Комарова”, а также постановление ЦК КПСС от 11 декаб-

ря 1955 г. К марту 1956 г. стало ясно, что конфликт в греческой компартии будет решен радикально и в том же стиле, как это было 25 лет назад в Коминтерне, когда в 1931 г. руководить партией и Политбюро был назначен Н. Захариадис. Предшествовавшие месяцы, наполненные подготовкой к “разрешению проблемы”, дают основания считать, что в ЦК КПСС не собирались брать на себя ответственность по такому щепетильному вопросу как кадровые перемены. Многократные заявления Н. Захариадиса во время его встреч с членом Президиума ЦК КПСС О. Куусиненом, секретарем ЦК КПСС М. Суслым о готовности уйти с поста генерального секретаря и его просьбы “освободить” были во многом рассчитаны на собеседников, а не на решение вопроса. К весне 1956 г. стало уже очевидно, что ситуация складывается не в пользу Н. Захариадиса.

В марте 1956 г. состоялся VI расширенный пленум ЦК и ЦКК КПГ, в работе которого были приглашены участвовать Международной комиссией большинства из тех, кто являлся ранее членом высшего руководства греческой компартии, но был изгнан отсюда по инициативе Захариадиса: М. Вафьядис, Д. Парцалидис, П. Мавроматис, З. Зографу, Д. Ватусьянос, Ф. Веттас, М. Цантис и многие другие. Сам руководитель КПГ отказался участвовать в VI пленуме, понимая, что, присутствуя на этом форуме, он лишит себя возможности не согласиться с его решениями или обвинить Международную комиссию в их навязывании. Приглашение на заседание противников Захариадиса было недобрый знаком для руководителя греческой компартии.

На первом же заседании VI расширенного пленума от имени Международной комиссии выступил с докладом ее председатель – Г. Георгиу-Деж. Главные положения этого достаточно объемного документа легли в основу решений пленума и сформировали саму атмосферу его работы. Фактически доклад Международной комиссии, основными авторами которого являлись представители советской стороны, определил на будущее схему недавней истории КПГ (1940–1955 гг.) и форму внутрипартийных отношений в контексте идейных и политических установок послесталинского периода.

Интерпретация событий, данная на VI пленуме Г. Георгиу-Дежом, существовала практически без изменений в идейном наследии КПГ на протяжении последовавших 50-ти лет. Жесткая характеристика сложившейся в КПГ ситуации была сформулирована в докладе уже в первых его абзацах, когда оратор заявил о “ненормальном положении в Центральном Комитете КПГ и грубейших нарушениях принципов внутрипартийной демократии со стороны т. Захариадиса” [8. Т. 2. С. 557]. Смысл оценок и выводов сводился к тому, что Н. Захариадис и его ближайшее окружение (прежде всего В. Бардзиотас) не сделали анализа ошибок политики КПГ в период 1941–1949 гг. и, базируясь на неверных постулатах, уменьшили свою личную ответственность за те или иные политические решения руководства партии. Главными из них назывались письмо Н. Захариадиса в октябре 1940 г., в котором он говорил о безраздельной поддержке коммунистами Метаксаса в борьбе против итальянцев³; XIII пленум ЦК КПГ (1945 г.),

---

³ 2 ноября 1940 г. афинские газеты опубликовали текст “Открытого письма к народу Греции”, автором которого был Н. Захариадис, написавший его 31 октября 1940 г. в тюрьме, куда он был заключен в период диктатуры генерала И. Метаксаса. В этом послании заявлялось, что “народ Греции ведет ныне национально-освободительную войну против фашизма Муссолини... В войне, которую ведет правительство Метаксаса, мы должны отдать все наши силы без остатка” [10. С. 16] (подробнее см. [11. С. 413–420]).

на котором Н. Захариадис поддержал политику руководства КПГ в 1941–1945 г. (отвергнутую полностью на III конференции КПГ в октябре 1950 г.); теория “греческой оси”⁴; поддержка “эпирских” требований официальных Афин⁵; отказ от участия в выборах весной 1946 г.; неподготовленность перехода к вооруженной борьбе в 1946 г.; отсутствие широкого фронта поддержки КПГ/ЭАМ в 1947–1948 гг.; ошибочная оценка перспектив борьбы в 1946–1948 г. как борьбы за диктатуру пролетариата; создание правительства из коммунистов; неправильная характеристика борьбы КПГ 1940–1944 гг. и в 1946–1949 г. как двух революций; неправильная трактовка причин поражения в Гражданской войне как исключительно имеющих внешнеполитический характер; ошибки в Проекте программы КПГ в 1954 г. и поддержка содержащихся в ней тезисов уже после критики со стороны ЦК КПСС. Анализ политических аспектов деятельности КПГ сочетался в докладе с разбором внутривнутрипартийных условий. Так, в частности, отмечалось, что на протяжении 10 лет (с 1945 г. по 1956 г.) не проводились съезды партии, а из 44 членов и кандидатов в члены ЦК, выбранных на VII съезде КПГ в 1945 г., выбыло 29 человек, в то время как с 1950 г. по 1956 г. было кооптировано 19 человек; из семи членов ЦКК 1945 г. осталось лишь три; руководство партией осуществлялось узким кругом лиц, а чаще – только Н. Захариадисом и В. Бардзиотасом; что с 1945 г. 15 членов и кандидатов в члены ЦК были поставлены Н. Захариадисом “вне партии”, а он сам способствовал аресту многих, обращаясь в соответствующие органы безопасности стран социалистического лагеря, в которых проживала греческая политическая эмиграция.

Решение, принятое на пленуме, сводилось к реализации трех взаимосвязанных задач. Во-первых, создавалось Бюро ЦК КПГ, которое должно было до ближайшего съезда руководить компартией (так рекомендовала сделать Международная комиссия). В состав этого органа вошли А. Грозос (председатель), К. Колияннис (секретарь). Л. Стрингос, К. Теос, П. Русос, С. Касиматис и П. Ифандис. Во-вторых, с поста генерального секретаря снимался Н. Захариадис, который исключался из Политбюро вместе с В. Бардзиотасом. В-третьих, в партии и ее центральных органах восстанавливались те, кто был оттуда изгнан.

---

⁴ На собравшемся в Афинах 25 июня 1945 г. нелегально XII пленуме ЦК КПГ Н. Захариадис, стремясь смягчить отношения с Англией, которая поддерживала греческое правительство, оказывавшего жесткий нажим на КПГ и ЭАМ, открыто выступил за тесное сотрудничество с британскими союзниками, заявив, что “... в общем... мы должны признать, что и линия ЭАМ и его борьба показывают, что он понимает Англию и помогает ей преодолеть ее большие трудности и переживаемый ею кризис в Средиземном море”. Исходя из этой оценки, он выдвинул тезис о том, что “реалистическая внешняя политика ЭАМ и ПЭА [Политический Комитет Национального Освобождения – фактически временное правительство, созданное ЭАМ в годы Сопротивления] должна находиться между двумя главными полюсами: европейско-балканским полюсом с центром в Советской России и средиземноморским с центром в Англии. Правильной внешней политикой будет такая, которая составит греческую ось, связывающую эти два полюса” [12. С. 32] (подробнее см. [13]).

⁵ 29 мая 1945 г. Н. Захариадис прибыл из концлагеря Дахау, где находился с 1941 г., в Грецию. Спустя три дня он принял участие в заседании Политбюро ЦК КПГ. Среди вопросов, обсуждавшихся участниками, было отношение греческой компартии к внешнеполитическим планам афинского правительства, особенно греко-албанским отношениям. Под влиянием Захариадиса было принято явное негативное по отношению к Албании и албанской компартии решение о том, что, “если демократическое большинство согласится на вступление греческой армии в Северный Эпир, то КПГ выразит свое несогласие, но подчинится”. Позже сам Н. Захариадис назвал это “чудовищной ошибкой”. [12. С. 32].

Сообщение о работе Пленума было опубликовано в открытой печати в журнале “Νέος Κόσμος” [8. № 4/5] и являлось квинтэссенцией выводов Комиссии. Но наиболее важным был другой документ, носивший название “Закрытое письмо ЦК КПГ”. В нем, следуя практически построчно за докладом Г. Георгиу-Дежа, авторы рассматривали все основные положения, затронутые в выступлении председателя Международной комиссии. “Письмо” предназначалось для зачитания на партийных собраниях организаций КПГ и не подлежало опубликованию. Организационно-политические задачи, как они определялись в этом документе, заключались, прежде всего, в выработке программы партии, причем руководством в этом должны были служить основные тезисы, высказанные на XX съезде КПСС. Ориентирами процесса организационной и идейно-политической десталинизации греческой компартии, таким образом, отныне становились общие для коммунистического движения советские установки: возможность мирного сосуществования стран с различным общественно-политическим строем, возможность предотвращения войны и мирного перехода к социализму [9. Т. 1. Σ. 62]. Задача КПГ в условиях Греции заключалась, в соответствии с положениями документа, в “сплочении всех прогрессивных патриотических сил в стране в борьбе за независимую, демократическую Грецию, за мир” [9. Т. 1. Σ. 63]. Элементами этой общей программы были “восстановление демократического порядка”, законности и проведение всеобщей амнистии [9. Т. 1. Σ. 65]. Сама же ситуация рассматривалась авторами документа в положительном для КПГ свете, в связи с чем заявлялось, что “внутриполитические и внешнеполитические условия сейчас намного лучше, чем когда-либо. Народ настойчиво требует демократических изменений во внутренней и внешней политике, потому что без них Греция не может жить и твердо стоять на ногах” [9. Т. 1. Σ. 64]. Таким образом, не отказавшись от социального и политического переворота в принципе, новое руководство КПГ начало использовать более мирную лексику, избегая конфронтационных по форме установок, оскорбления тех или иных политических деятелей из “буржуазного лагеря” и “буржуазных партий”.

В самой Греции как изменения в руководстве КПГ, так и XX съезд КПСС серьезно повлияли на позиции коммунистов и членов близкой к компартии “Единой демократической левой партии” (ЭДА). В мае 1956 г. на афинской конференции ЭДА группа ее высших функционеров, в которую входили Папаяннис (являвшийся в 1940–1941 гг. членом “Старого ЦК”), Папахристу и Симендзис, выступила с резкой критикой руководства ЭДА, обвинив его в слепом повиновении указаниям Захариадиса и проведя аналогию между его методами партийного руководства и действиями лидеров ЭДА. На смену традиционным воззрениям коминтерновско-сталинской школы шли новые, еще не оформленные отчетливо и переживавшие процесс дробления целостной доктрины на ее составные части и элементы (подробнее см. [14]). Для КПГ кризисное состояние должно было разрешиться или в пользу создания коммунистической партии европейского типа, или в пользу превращения КПГ в греческое подобие КПСС (но без тех властных административных полномочий, которыми обладала советская компартия). Естественно, в середине 50-х годов XX в. эти перспективы еще не просматривались отчетливо, но тенденция уже была намечена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шаниро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. Лондон, 1990.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 575. Оп. 1.
3. *Улунян Ар.А.* Политическая история современной Греции. (Конец XVIII в. – 90-е гг. XX в.). Курс лекций. М., 1998.
4. Απογευματινή. Αθήνα. 1954. 4 VI.
5. Η εξέλιξη της πολιτικής κατάστασης μετά τις δομοτικές εκλογές // Νέος Κόσμος. 1955. № 1.
6. *Μπαρτζιάτα Β.* Η πάλη των έγχρων του λαού ενάντια στην πραγματοποίηση της πατριотικής αγωνιστικής του ενότητας και οι προσπάθειες τους για υποσκάψη και αποσύνθεση, απ' τα μέσα του ΚΚΕ // Νέος Κόσμος. 1955. № 1.
7. *Αφινιάν Β., Κόντης Β., Παπουλίδης Κ., Σμιρνόβα Ν., Τομίλινα Ν.* σχέσεις ΚΚΕ και ΚΚ Σοβιετικής Ένωσης στο Διάστημα 1953–1977. (Σύμφωνα με τα έγγραφα του Αρχείου της ΚΕ του ΚΚΣΕ). Θεσσαλονίκη, 1999; *Λαμπάτος Γ.* Έλληνες πολιτικοί πρόσφυγες στην Τασκένδη (1949–1957). Αθήνα, 2001.
8. Νέος Κόσμος, 1956.
9. Η Διάσπαση του ΚΚΕ. Επιμέλεια του Π. Δημητρίου. Αθήνα, 1978. Τ. 2.
10. Το Κομμουνιστικό Κομμά Ελλάδας στον πόλεμο και στην Αντίσταση. Επίσημα κείμενα. S. L., 1973. Τ. 5. 1940–1945.
11. *Улунян Ар.А.* Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии и внутренней истории. (От социалистических кружков к партии Коминтерновского типа. 60-е г. XIX в. – 1941 г.) М., 1992. Ч. 2.
12. *Ζαχαριάδη Ν.* Δέκα χρόνια πάλης. S. L., 1950. Σ. 32.
13. *Улунян Ар.А.* Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. КПГ в Национальном Сопротивлении, Гражданской и “холодной” войнах 1941–1956 гг. М., 1994.
14. *Бухармедова Л., Улунян Ар.* Еврокоммунисты и КПСС о перспективах коммунистического движения в Европе // Единая Европа: идея и практика. М., 1994; *Бухармедова Л., Улунян Ар.* Еврокоммунизм: между коммунистическим императивом и демократическим идеалом // Левые в Европе XX века: люди и идеи. М, 2001.

© 2007 г. О. Н. МАЙОРОВА

К ВОПРОСУ О ХОДЕ ПЕРЕГОВОРОВ ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ ЗА “КРУГЛЫМ СТОЛОМ” 1989 ГОДА В ПОЛЬШЕ

Своеобразие Польши состоит в том, что за много лет до революционного перелома 1989 г. в стране возникла сильная оппозиция, а репрессии против нее были не слишком жесткими, и стало быть, не слишком эффективными. Революция не явилась непосредственным следствием развития в 1988–1989 гг. массового общественного протеста: это была революция “переговорная” – между реформаторским крылом ПОРП и умеренной частью политической оппозиции, вышедшей из общественно-политического движения “Солидарность”, сформировавшегося задолго до этого, в 1980–1981 гг. на почве протеста против коммунистического режима. С самого начала оно преследовало не только экономические, но и политические цели. Это оказалось возможным в силу того, что во главе движения наряду с рабочими лидерами стояли интеллигенты, которые до этого вели широкую – как открытую, так и полуподпольную – правозащитную и просветительскую деятельность. Нигде самиздат не распространялся так широко, как в Польше: произведения запрещенной художественной литературы и публицистики, неподцензурные газеты и журналы выходили многотысячными тиражами. Поэтому, когда на волне забастовок лета 1980 г. стала формироваться “Солидарность”, у нового движения были почти готовые кадры и организационные структуры. Под его натиском власть капитулировала, “Солидарность” легализовалась. Вскоре она насчитывала около 10 млн членов. Власть вынуждена была считаться с “Солидарностью”, тем более что в ее ряды вступили даже многие члены ПОРП.

После введения военного положения (декабрь 1981 г.) все организации, кроме ПОРП, были запрещены, лидеры оппозиции интернированы, многие из ушедших в подполье – приговорены к тюремному заключению. Однако на массовый террор власти все же не решились – отчасти из-за того, что в конце концов начали понимать: рано или поздно придется наладить какой-то вид сосуществования с оппозицией. Тем более, что она продолжала свою профсоюзную, издательскую и другую деятельность в подполье. После введения военного положения власть не прекратила диалога с обществом. Были созданы Патриотическое движение национального возрождения, Консультационный совет при главе Государственного совета, Консультационный экономический совет при

Совете министров и другие, что позволило польскому историку А. Пачковскому назвать меры военного положения и последующую политику властей “самоограничивающимся террором” по аналогии с тактикой “самоограничивающейся революции”, используемой оппозицией [1. S. 136]. В 1982–1985 гг. командой главы правительства, а потом председателя Госсовета В. Ярузельского с целью “улучшения”, реформирования социализма в Польше были предприняты попытки проведения ограниченной экономической реформы с введением элементов рынка, политические реформы, направленные на либерализацию коммунистического режима в рамках “развития социалистической демократии”.

После амнистии политических заключенных в 1986 г. с обеих сторон все чаще раздавались слова о необходимости проведения “круглого стола”, чтобы обсудить судьбы страны. Переломным моментом для команды Ярузельского стало ее поражение на референдуме в ноябре 1987 г., когда предлагавшиеся ею меры по радикальному оздоровлению экономики и политической жизни не получили необходимой поддержки. Следствие – падение престижа властей, а также вызванная этим необходимость идти на дальнейшие уступки, расширять социальную базу власти и реформы. В февральском номере ежемесячника “Konfrontacje”, то есть органе, контролируемом властью, представитель оппозиции Б. Геремек сделал официальное предложение о заключении антикризисного пакта, которое уже раньше появлялось в документах “Солидарности” [2. S. 59]. Летом 1988 г., после масштабных забастовок апреля–мая, коммунисты выступили с предложением провести встречу за “круглым столом” с “представителями различных общественных и рабочих кругов”, что фактически открывало путь к предварительным переговорам. Требование оппозиции о легализации “Солидарности” отклонялось, однако взамен предлагалась реформа политической системы, более глубокая, чем ожидала оппозиция. Следует отметить, что в связи с переменами в СССР свобода действий руководства ПОРП, без сомнения, увеличивалась. Во время визита в Варшаву в июле 1988 г. М.С. Горбачев положительно оценил умеренный реформаторский курс ПОРП, что придавало В. Ярузельскому уверенность. Политический перелом, которого с нетерпением ожидали в обществе, принес состоявшийся в декабре 1988 – январе 1989 г. X пленум ЦК ПОРП. Партийные реформаторы с большим трудом, но все же сумели провести резолюции о политическом и профсоюзном плюрализме, фактически означавшем повторное вхождение “Солидарности” в политическую систему. Это было равнозначно принципиальной переориентации политики ПОРП в направлении демократизации, давало шанс на мирный, лишенный элементов насилия, переход к принципиально новой фазе общественного развития. Решения пленума были восприняты в широких кругах партии неоднозначно. Уже сам способ их принятия, отсутствие широкой дискуссии, своеобразный “шантаж” руководства, грозившего подать в отставку, свидетельствовал о том, что руководящая группа отдавала себе отчет в отсутствии поддержки со стороны большинства членов партии. Что касается оппозиции, то решения пленума вызвали возрастание радикализма той ее части, которая выступала против соглашения с коммунистической властью. Таким образом, более двух лет шла трудная подготовительная работа представителей партийных реформаторов и умеренного крыла оппозиции прежде чем “круглый стол” состоялся.

Официальные переговоры между сторонами политического конфликта, проходившие с 6 февраля по 5 апреля 1989 г., стали первыми после введения военного положения. В течение двух месяцев Польша смотрела по вечерам поли-

тический сериал, не известный ей ранее. За “круглым столом” заседали 56 человек, в том числе 14 – от коалиции (ПОРП, Объединенная крестьянская партия (ОКП), Демократическая партия (ДП), “Пакс” и др.), 20 – от оппозиции, шесть от Всепольского соглашения профсоюзов, 14 – “независимых авторитетов” (пять из них делегировал Гражданский комитет) и два – представителя католической церкви. Главные участники с партийно-правительственной стороны – Ч. Кищак, Ст. Чёсек, А. Квасьневский и Л. Миллер, а также на втором плане – Н. Козакевич (ОКП), Я. Яновский (ДП), А. Мёдович и Р. Сосновский (ВСПС); с оппозиционной – Л. Валенса, Б. Геремек, Т. Мазовецкий, А. Михник и Я. Куронь. Транслировавшееся по телевидению и радио торжественное открытие заседаний носило характер шоу, поскольку стратегические решения были приняты несколькими днями ранее в Магдаленке, резиденции Министерства внутренних дел под Варшавой, где с августа 1988 г. проходили подготовительные переговоры.

Выступавший первым глава МВД Ч. Кищак предложил, чтобы предметом переговоров стал пакет реформ политической, общественной и экономической жизни. Для будущего функционирования государства ключевое значение имел, по мнению генерала, проект “неконфронтационных” выборов в Сейм, учитывающий представительство более широких, чем прежде политических ориентаций. “В результате новый парламент имел бы более плюралистичный характер” [3. 7 II]. Второй составляющей соглашения стала бы экономическая модель, делавшая возможным сдерживание инфляции, решение вопроса внешней задолженности, преобразование структуры экономики и ее развитие. Однако это требовало общественной поддержки и принятия оппозицией части ответственности за реформы. Третьим элементом предлагавшегося соглашения являлся профсоюзный плюрализм. “Если за “круглым столом” мы выработаем и официально подтвердим консенсус в отношении идеи неконфронтационных выборов, а также поддержки проектируемых политических и экономических реформ, то станет возможным безотлагательное обращение в Государственный совет с предложением принять закон, отменяющий блокаду профсоюзного плюрализма на предприятии” [3. 7 II]. Выступая с этой декларацией, Кищак предлагал компромисс как основу проектируемого соглашения: что-то, за что-то.

“Сторона, которую я представляю, принимает все выдвинутые генералом предложения как программного, так и организационного характера”, – отвечал Л. Валенса. Таким образом, договор, заключенный в Магдаленке, получил публичное одобрение. “Время политической и общественной монополии подходит к концу. Необходима такая перестройка, которая государство одной партии делает государством народа и общества”, – говорил далее лидер “Солидарности”. Он требовал легализации не только его профсоюза, но также “Солидарности земледельцев” и Независимого союза студентов, законодательных гарантий для свободы объединения, независимости судов, плюрализма мнений в средствах массовой информации, местного самоуправления. Этот комплекс требований составлял официальную программу оппозиции, которую она намеревалась реализовать за “круглым столом”. В экономических вопросах Валенса высказался за глубокие реформы, которые освободят экономику от “политической монополии номенклатуры, предоставят равные права всем видам собственности, вернут права рынку” [3. 7, II].

Первое и последнее заседания действительно прошли за круглым столом. Кроме этого работа проходила в комиссиях, подкомиссиях и рабочих группах. Сопредседателями главных комиссий были – Я. Рейковский и Б. Геремек (по вопросам политических реформ), А. Квасьневский и Т. Мазовецкий (по вопросам профсоюзного плюрализма), В. Бака и В. Тшечаковский (по вопросам экономики и социальной политики); в роли наблюдателей участвовали представители католической церкви. В целом в разных формах работы “круглого стола” приняли участие 452 человека.

Переговоры проходили нелегко, ведь это был политический торг за окончательные контуры реформ, и в их успешном финале немаловажна роль совещаний в Магдаленке, ставших своеобразным “подпольем” “круглого стола”. Здесь согласовывались спорные вопросы, выяснялись намерения сторон, находились способы избежать возможные трудности. Конфиденциальность заседаний и постепенно преодолеваемое взаимное недоверие создавали атмосферу поиска соглашения как высшей ценности для блага страны. Всего за время заседаний пять раз собирался ее полный состав, столько же заседали сопредседатели рабочих комиссий, один раз состоялось заседание группы, редактировавшей “общественное соглашение” и один раз – группы, готовившей совещания в Магдаленке. Если к этому добавить постоянные организационные контакты и технические переговоры, то следует признать, что конфиденциальное течение переговоров “круглого стола” было столь же широко и интенсивно, как и сами переговоры [4. S. 12–13].

С точки зрения дальнейшего хода событий наиболее существенное значение имели политические реформы. Что касается экономической сферы, то многих коренных вопросов решить не удалось, и это, возможно, один из парадоксов “круглого стола”: ведь в годы, предшествовавшие соглашению, лидеры оппозиции постоянно повторяли, что его основой должны стать экономические вопросы, так как именно в этой области существует реальная общность интересов. Обе стороны пришли к согласованному решению – не выходить за рамки реформы социалистической экономики.

Первое заседание Комиссии по вопросам политических реформ состоялось 10 февраля. “Речь идет о том, – заявлял ее сопредседатель Я. Рейковский, – чтобы отойти от моноцентричной системы и создать условия для развития самоорганизующегося гражданского общества” [3. 11/12 II]. При желании можно было бы найти в этой формулировке сходство с оппозиционной концепцией “демократической динамики”, т.е. безотлагательные перемены, создающие условия для дальнейших реформ. Состав органов представительной власти должно определить свободное волеизъявление избирателей, продолжал Рейковский, однако так, чтобы не угрожать “основным конструктивным принципам системы”, которые выражают интересы “очень важных общественных групп”. Перемены, которые можно было бы достичь сразу же, – это модификация состава парламента: отказ ПОРП от большинства мандатов и присутствие “в значительном количестве” оппозиционных представителей. Гарантом стабильности системы должен был быть институт президентства.

В ответ Б. Геремек подчеркнул, что исходным пунктом “круглого стола”, наряду с общим кризисом коммунистической системы (распад “гулаговской модели правления”), был лозунг «Нет свободы без “Солидарности”». Следовательно, перемены должны начинаться с легализации “Солидарности”. Чтобы ее возвращение на политическую сцену не вызвало конфликтов, следует рефор-

мировать государство. Представитель оппозиции назвал четыре условия демократизации: реформа законодательства и судопроизводства (прежде всего независимость судей); отказ от монополии власти в средствах массовой информации и, значит, доступ к радио и телевидению и основание ежедневной газеты оппозиции; свобода создания объединений; формирование территориального самоуправления. Конечная цель – "страна полностью демократическая, живущая со своими ближними и дальними соседями в дружбе, управляемая в соответствии с волей народа, выраженной в демократических выборах, модель...полной политической свободы" [3. 11/12 II]. Эта принципиальная перестройка должна происходить постепенно и не создавать национальной угрозы. Ключевым вопросом были гарантии безопасности для "очень важных общественных групп", о которых говорили Я. Рейковский и К. Ципрыняк. Успокоению номенклатуры много времени посвятили Я. Куронь и особенно А. Михник. Его концепция испанского пути представляла приглашение "либерального" крыла партии к компромиссу, подобно тому, который франкистский режим достиг с испанской демократической оппозицией.

14 февраля пресс-секретарь правительства Е. Урбан заявил, что партия стремится к "полной представительской демократии и плюрализму с легальным участием оппозиции в политической и государственной жизни" [3. 15 II]. Он не скрывал, что причиной этого является холодный расчет. Власти хотели избежать синдрома 1981 г., когда "Солидарность" объединила все общественные устремления, став "конфронтационной политической силой". Помешать этому призвана была легализация оппозиции, проведенная одновременно с профсоюзным плюрализмом. Оппозиции, разумеется, конструктивной, т.е. принимавшей в принципе власть ПОРП и склонной к сотрудничеству. Пресс-секретарь правительства подчеркивал неделимость составных частей предложений. "Если будет заключено рамочное соглашение о совместной деятельности по выходу Польши из экономических трудностей и о постепенном характере политических перемен, в том числе о неконфронтационных выборах, то только тогда легализованный профсоюзный плюрализм и развитый политический плюрализм смогли бы сыграть конструктивную роль" [3. 15 II]. В этой декларации не было ничего нового, но ее форма показывала, что в кругах политической элиты прокладывает себе путь прагматичное мышление.

В высказываниях пресс-секретаря вообще не было слова "социализм", и это также было свидетельством происходящих перемен. Но не следует их переоценивать. Так, например, выступление Я. Рейковского прозвучало в совершенно ином тоне. В интервью газете "Polityka" сопредседатель Комиссии по вопросам политических реформ акцентировал внимание на стабильности строя, которая не может ставиться под сомнение. "Принципы строя определяются не на выборах. Судьба капитализма ни на каких выборах не решалась", – заявил он. Стабильность строя в Польше гарантирует марксистская партия. "Не забывайте, – подчеркивал профессор, – что ПОРП не является партией в традиционном смысле этого слова... Партией, которая должна править до выборов и передавать власть в зависимости от их результатов. Она является (так исторически сложилось) главным гарантом политического порядка – основой стабильности государства". Представитель ПОРП определил приоритеты действий: "социалистический демократический порядок", развитие территориального самоуправления, новый, плюралистический закон о политических партиях. [5. 25 II] Сутью его высказываний, опубликованных спустя несколько дней после начала

заседаний “круглого стола”, стало предостережение: тот факт, что партия согласилась на легализацию оппозиции, не означает отказа от гегемонии ПОРП в политической жизни. На эту тему ясно высказывалась “Trybuna Ludu”, напоминая участникам “круглого стола” о необходимости соответствия очередных реформаторских шагов общественно-политическим реалиям ПНР. “Выборы в Польше могут происходить между конкурентными программами, но находящимися в рамках существующего строя, – писал комментатор органа партии. – Выборы, угрожающие его свержением, были бы угрозой стабилизации в нашей стране” [3. 1 Ш].

Власти хотели склонить оппозицию к участию в так называемых неконфронтационных парламентских выборах, что являлось бы прелюдией ее встраивания в политическую систему ПНР, не нарушавшего фундаментального принципа – руководящей роли ПОРП в государстве. Наиболее острые споры велись по трем вопросам: закон о выборах, компетенции президента и соотношение полномочий Сейма и Сената. Солидаристская сторона априори согласилась на недемократический характер выборов (т.е. на предварительное разделение мест в парламенте), требуя однако, чтобы этот закон касался только четырехлетнего периода деятельности данного парламента. Власть в свою очередь придавала значение не только соответствующему разделению мест в парламенте, но и тому, кто будет представлять оппозицию в парламенте. Неконфронтационный характер выборов призван был обеспечить Всепольский список, включавший наиболее влиятельных представителей обеих сторон. Из-за решительного отпора со стороны “Солидарности” эти планы не были реализованы, но власти оставили в законе положение о списке, составленном только из кандидатов коалиции. И, как будет показано ниже, это оказалось фатальной ошибкой.

Еще более негативные последствия для ПОРП и ее союзников имело предложение, с которым выступил 2 марта в ходе заседаний в Магдаленке А. Квасьневский. Желая преодолеть тупиковую ситуацию, сложившуюся при обсуждении разделения мандатов в Сейм, а также порядка выборов и сферы власти президента, которого коалиционная сторона хотела наделить широкими полномочиями, Квасьневский предложил проведение полностью свободных выборов в Сенат. “Расстановка была бы такой – вторая палата избирается на полностью демократических выборах, Сейм – в соответствии с договоренностью. И вместе они выбирают президента?” – уточнил Б. Геремек [4. S. 76]. Эту идею, не согласованную ранее с В. Ярузельским и другими членами руководства ПОРП, моментально подхватила другая сторона, которая увидела в этом шанс на создание – несмотря на сильно ограниченную роль Сената – полностью представительного органа власти. После некоторых колебаний правительственная сторона поддержала предложение Квасьневского. Согласие основывалось на выраженном, в частности Ст. Чёсеком и Е. Урбаном, убеждении, что кандидаты, представлявшие проправительственные группировки, завоюют около половины мест в Сенате [4. S. 81]. Этот расчет опирался на то, что “Солидарность” получит поддержку только в больших городах, а в менее урбанизированных районах победят кандидаты правящего лагеря. Шансы коалиции должно было увеличить предложенное ею непропорциональное разделение мандатов: от каждого воеводства, независимо от количества жителей, избирались по два сенатора. Это отдавало предпочтение малым, аграрным воеводствам, где власти надеялись на победу. Несмотря на многочисленные попытки “Солидарности”

не удалось увязать количество мандатов с количеством жителей воеводства. Единственная уступка со стороны властей – согласие на компромиссное предложение Т. Мазовецкого о выделении для Варшавского и Катовицкого воеводств трех мест в Сенате [4. S. 116]. Общее количество сенаторов составило 100 человек.

Согласие властей на свободные выборы в Сенат склонило представителей оппозиции к одобрению компромиссного разделения мандатов в Сейме. Вместо прежде предлагавшейся “Солидарностью” формулы 60:40 было выражено согласие на пропорцию 65: 35. Это означало, что 65% мест в Сейме (299 мандатов) гарантировались для членов ПОРП, ОКП, ДП и трех проправительственных католических организаций (Объединения “Пакс”, Польского общественно-католического союза и Христианско-общественного союза), а за оставшиеся 35% (161 мандат) развернулась бы борьба беспартийных кандидатов. Стороны обязывались не проводить негативной избирательной кампании. Вот как это сформулировал Я. Куронь на заседании в Магдаленке 8 марта: “Есть два элемента негативной избирательной кампании, от которых стороны отказываются: расчет с прошлым и персональные атаки на кандидата” [4. S. 118].

Серьезные противоречия проявились в тот же день, когда была поднята тема Согласительной комиссии. Квасьневский предложил, чтобы это был институт, гарантирующий соблюдение договора, заключенного за “круглым столом”, с необходимостью внепарламентского форума разрешения конфликтов и “соглашения сил, участвующих в реформах”. Оппозиция была склонна согласиться с этим на переходный период. В то же время резкое сопротивление вызвало предложение Чёсека, чтобы Комиссия официально определила политический раздел мандатов в Сейме. “Мы признаем, что теряем невинность, а вы хотите сказать об этом, и мы должны быть вам за это благодарны”, – красочно описал возражения своей стороны Куронь [4. S. 125]. Таких шуток было в тот день много, но спор касался важного вопроса. Речь шла о том, что участие в недемократических выборах – это цена, которую “Солидарность” платит, причем неохотно, за свое легальное существование. Принятие формального решения о разделе мандатов только Согласительной комиссией нивелировало связь между вопросом выборов и легализацией “Солидарности”, представляло вынужденное согласие оппозиции как акт свободного выбора. Коммунисты именно этого и добивались, но оппозиция не могла себе такого позволить. Ее облик в глазах общественности – единственный капитал, которым она обладала – уже поблек из-за самого факта начала переговоров с партнером, лишенным доверия. Чем дольше велись дебаты во дворце в Краковском предместье, чем чаще на экранах телевизоров появлялись руководители “Солидарности” в обществе своих партийных собеседников, тем более стирались различия между обеими сторонами. Оппозиция опасалась, как бы компромисс незаметно не превратился в компрометацию. По вопросу разделения мандатов в Сейме ей удалось избежать политических сетей. Было решено, что это сделает Госсовет на основе соглашений “круглого стола”, что определит приложение к Закону о выборах [4. S. 126]. Очередную преграду на пути к соглашению удалось преодолеть. “Тайная дипломатия” выполнила свою задачу.

Одним из важнейших был вопрос о введении поста президента. Для ПОРП, и это не скрывалось, облаченный широкими полномочиями президент представлялся главным гарантом сохранения влияния коммунистов, и единственным возможным кандидатом на этот пост мог быть только В. Ярузельский. Об этом

открытым текстом говорил Ч. Кищак в Магдаленке 2 марта. Он предлагал, чтобы президент был избран Сеймом еще прежнего состава, возможно, с участием представителей воеводских народных советов. “Установление и создание уже сейчас поста президента предоставило бы гарантии того, что дальнейшие демократические перемены в функционировании социалистического государства не приведут к его дестабилизации”, – объяснял намерения своей стороны Ч. Кищак [4. S. 61]. Оппозиция холодно встретила предложение властей. “Такой президент, о котором мы слышали от господина генерала, был бы, очевидно, пожизненным, – отреагировал Л. Валенса. – Он мог бы уйти только под угрозой расстрела”. Б. Геремек выступал за всеобщие выборы президента и ограничение его права роспуска парламента, а также за приостановление президентом партийной принадлежности на срок его полномочий [4. S. 64–65, 78–88]. Это, разумеется, было неприемлемо для правительственной стороны. В связи со столь решительной позицией коалиции, противоположной стороне оставалась единственная возможность использовать вопрос президентуры при обсуждении наиболее спорных вопросов. Отсюда появилось предложение оппозиции избирать президента на всеобщих выборах. Это было неприемлемо для власти, но сам факт его выдвижения поставил “Солидарность” в выгодное положение. В конце концов было установлено, что Президент ПНР будет избираться на шестилетний срок Национальным собранием (объединявшим обе палаты парламента). “Им важно было... создать такой институт, который станет прямым продолжением власти партии”, – подчеркивал Б. Геремек впоследствии [2. S. 222]. Оппозиции пришлось согласиться, так как она считала это все же переменной к лучшему. Шансы определенного выравнивания сил в новой системе виделись ею в наиболее широких прерогативах Сената – избранного в результате полностью свободных демократических выборов. “Солидарность” выступала категорически против кандидатуры В. Ярузельского. “Согласиться с кандидатурой Ярузельского на посту президента означало бы одобрение военного положения, а это для “Солидарности” неприемлемо... Дело не в самой личности генерала, а в символе. Люди скажут, что мы продались коммунистам”, – заявлял А. Михник. “Личность генерала – это ключ к успеху, – парировал А. Квасьневский. – Только он может убедить партийные кадры” [4. S. 80].

Разногласия в Комиссии по делам политических реформ касались и очередности перемен. Как констатировалось в итоговом документе, коммунисты намеревались реформировать систему “сверху”: “срочный характер носят решения, касающиеся высших государственных властей, а только от нового парламента следует ожидать перемен в других сферах общественной жизни”. Оппозиция же считала, что начинать надо “снизу”: “самое важное значение имеет введение механизмов демократизации наиболее широкого размаха, и достичь этого можно немедленными решениями, касающимися судопроизводства, средств массовой информации, территориального самоуправления” [4. S. 6].

Ход мысли оппозиционной стороны и изменение ее философии в ходе переговоров подробно изложил Я. Куронь 8 марта в “Tygodnik Mazowsze”. Главный его тезис содержался в заглавии: “Вместо революции”. Автор считал, что причиной, склонявшей коммунистов к соглашению, является поражение прежней системы, попытка спасти собственные позиции в реформируемой системе и страх перед “вторжением народа во дворец”. Последнее автор считал нежелательным: “Задача людей, действующих в политике, – сделать все, чтобы переворот заменить процессом”. Участие оппозиции в парламенте является для пра-

вящего лагеря гарантией спокойного хода перемен, а для его партнеров – шансом влияния на направление перемен. Для усиления своей позиции, ослабленной отступлением от абсолютного большинства ПОРП в Сейме, коммунисты потребовали для себя президента с сильными полномочиями. Взамен власти предложили свободные выборы в Сенат, отказавшись от одной из догм. Показывая таким образом динамику переговоров, Куронь признавал, что наступило изменение хода мышления представителей “Солидарности” – от простого возврата утраченного (т.е. релегализации “Солидарности”) к вовлечению в процесс демократизации и формированию нового порядка. Представитель оппозиции признавал, что проправительственная коалиция вышла со значительно более широким проектом реформ, чем он ожидал: “Мы поняли, что в этих переговорах речь идет не о том, чтобы добиться чего-нибудь для себя, а о том, чтобы привести в движение весь процесс” [2. S. 222–223; 6. S. 40]. Каковы же горизонты экономических перемен? Следует, по его мнению, бороться с инфляцией, но еще важнее – постепенное введение элементов рынка и уравнивание экономики. “Даже если бы экономисты смогли доказать, что быстрый путь к равновесию – единственный, это путь, который может вызвать общественный взрыв”. Подобным образом тогда мыслило большинство оппозиционной элиты. Проект “шоковой терапии”, введенный в жизнь спустя год Л. Бальцеревичем, еще в начале 1989 г. в идейном и политическом отношении был неприемлем не только для рядовых членов профсоюза, но и для их лидеров. Примечательна следующая мысль Куроня: “Мы должны следить за тем, чтобы в процессе приближения экономики к рынку ... номенклатура не трансформировалась в класс капиталистов, чтобы смена форм собственности в экономике была наиболее справедливой в социальном отношении. Поэтому столь большое значение мы придаем самоуправлению”. Лозунг социальной справедливости успокаивал его совесть, но имел небольшое влияние на действительность. Однако эти вопросы, как известно, не обсуждались ни за “круглым столом”, ни в Магдаленке. Политические торги без остатка занимали повестку дня – в идейной дискуссии не была заинтересована ни одна из сторон.

Существенный элемент переговоров за “круглым столом” – вопрос времени его окончания и соответственно срока проведения ближайших выборов в Сейм. “Нас беспокоит поспешность, которую навязывает правительственная сторона, – говорил А. Михник на заседании в Магдаленке 17 марта. – Не вижу возможности все завершить к началу апреля. Ситуация не созрела для контракта”. В ответ Ст. Чёсек заметил: “Я знаю одно, что шанс не повторится, а ситуация, в которой возможно достижение соглашения, становится все более хрупкой. До осени нам не хватит сил ее удержать”. Секретарь ЦК ПОРП объяснил, что соглашение с оппозицией вызывает все большее возражение в руководстве партии; посвященное этому вопросу заседание Политбюро длилось целых 12 часов. “Торможение в отношении пакета политических вопросов будет означать отбрасывание той линии в руководстве, которая делает ставку на соглашение”, – вторил ему Вл. Бака. Правительство, находившееся под давлением ухудшавшейся экономической ситуации и общественных настроений, считало, что следует спешить с завершением работы, если выборы должны состояться в июне. “У меня тоже есть свое Политбюро”, – отпарировал Б. Геремек, противясь форсированию работ [4. S. 129–132]. Таким образом, проведение выборов в ближайшее время было скорее выгодно власти, располагавшей сильным аппаратом. В более трудной ситуации оказывалась оппозиция, вынужденная вести

избирательную кампанию в сжатые сроки, располагая ограниченными средствами. Если коммунисты стремились к быстрому соглашению, увенчанному голосованием, то оппозиция явно нацеливалась на затягивание всего процесса, но не до бесконечности. Обе стороны боялись нетерпения собственной политической базы, которая могла отказать в поддержке диалога и шаткой готовности к соглашению.

Острые споры велись по политическим вопросам вплоть до последнего дня работы “круглого стола”. Так, 1 апреля опять была вынуждена состояться очередная встреча в Магдаленке. Коммунисты по-прежнему не соглашались ни на аннулирование статьи 52А (позволявшей применять репрессии за независимую деятельность, не восстанавливать на работе уволенных после введения военного положения) Кодекса правонарушений, ни на предлагавшееся оппозицией большинство в 2/3 голосов, необходимое для отклонения вето Сената. “Мы не уступим в вопросе 2/3, – объяснял А. Михник. – Для нас не идет речь о принятии власти, мы хотим, чтобы правительство хотя бы немного считалось с общественным мнением” [4. S. 170]. Действительно, речь шла о сохранении равновесия, правда, хрупкого, между Сеймом, Сенатом и президентом. В такой расстановке только Сенат мог представлять, по мнению переговорщиков с оппозиционной стороны, интересы общества, и следовательно, их цель заключалась в максимальном увеличении полномочий Сената и ограничении власти президента. Опасения лагеря власти выразил А. Гдула, указывая на непрочность союза с ОКП и ДП. “Ситуация может сложиться так, что ПОРП будет опираться в парламенте на собственные силы”, – говорил Ст. Чёсек [4. S. 173].

В ходе дискуссии о политическом плюрализме один из членов руководства ПОРП Я. Рейковский выступил с требованием выработать “закон о партиях”, что позволило бы законодательно урегулировать роль и принципы деятельности ПОРП, но вместе с тем стать важным шагом в процессе демократизации системы. Среди факторов, определяющих новую роль ПОРП, он выделил следующие: 1) возрастание значения коалиционных партнеров как самостоятельных субъектов политики; 2) новые принципы выборов представительских органов (хотя напоминал, что предстоящие выборы еще будут полудемократические. Как пример сознательного самоограничения ПОРП приводил конкурентность кандидатов в области предоставленных ей мандатов); 3) ПОРП не будет иметь большинства, что должно вызвать необходимость поиска союзников и обучения “парламентской игре”. [5. 25 П. 4. S. 148]. Л Миллер, тогда новоизбранный секретарь ЦК ПОРП, также понимая необходимость отхода от гегемонии партии, выразился следующим образом: “Мы должны присутствовать, но с этой целью не следует постоянно занимать сцену – достаточно на ней время от времени появляться” [5. 28 П]. Но были и такие представители ПОРП, которые вовсе не считали этот вопрос “деликатным” и призывали к сохранению особой роли ПОРП. Например, Я. Рыхлевский напомнил, что все решает устав партии, утвержденный съездом, и никакие элиты не имеют права его менять. По мнению К. Ожеховского, не следует в конституции отменять пункт о руководящей роли ПОРП, а только “как-нибудь интерпретировать, чтобы перестал мешать”. Наиболее активный представитель Демократической партии за “круглым столом” П. Винчорек считал, что шагом на пути к “вожделенной модели демократии” должен стать отказ от монополии ПОРП, чтобы коалиция в целом была гарантом строя” [6. S. 46]. В отличие от представителей ПОРП деятели “Солидарности” не сомневались, что политический плюрализм необходим, и в пер-

спективе нет иного пути, чем многопартийная система. Однако это не означало необходимости интенсификации действий. Как А. Стельмаховский, так и Л. Валенса рекомендовали осторожность. Основной задачей они считали борьбу за сильный профсоюз, способный контролировать власть. По мнению Валенсы, рекламирование Чиреком концепции отделения “Солидарности” от людей, для которых важнейшим является политика (например, путем предоставления возможности для деятельности политических партий, клубов и т.п.), – это намерение отобрать у профсоюза “ум”. О политическом плюрализме он говорил следующим образом: “Мы дойдем до этого, но с другой стороны” [5. 7 I].

В результате дискуссии о политическом плюрализме на “круглом столе” правительственная сторона согласилась на: 1) практическую реализацию этого принципа, “выражающегося прежде всего в праве свободно объединяться – в рамках демократического конституционного порядка в политических, общественных и профессиональных организациях”. Это означало институционализацию политической оппозиции в Польше, неконфронтационные выборы в Сейм ПНР в ближайшем будущем (не позднее июня), участие оппозиции в представительских структурах, переоценку отношений в сфере правящей коалиции; 2) реализацию принципа профсоюзного и общественного плюрализма, т.е. легализацию новых союзов, в том числе НСПС “Солидарность”, что составляло одну из основных проблем, для обсуждения и решения которых собрался “круглый стол”, создание условий для свободной организации общества [5. 7 I].

“Солидарность” была легализована 17 апреля 1989 г. решением воеводского суда в Варшаве. Следует подчеркнуть, что и здесь не обошлось без уступок с оппозиционной стороны. Устав “Солидарности” был дополнен приложением, приостанавливавшим статьи, противоречившие закону о профсоюзах 1982 г., в частности право на забастовки. Такое решение впоследствии резко критиковалось радикальными деятелями профсоюза и легло в основу создания в феврале 1990 г. конкурентной “Солидарности 80”, решительно отбрасывавшей закон времен военного положения и заключенные в нем ограничения права на забастовки. Через три дня после регистрации “Солидарности”, 20 апреля 1989 г. был легализован также Независимый профсоюз индивидуальных земледельцев “Солидарности”.

В торжественной обстановке 5 апреля 1989 г. состоялось заключительное пленарное заседание “круглого стола”. В том же зале, где два месяца назад начинались заседания, собралось 57 человек, в том числе 25 представителей “Солидарности”. Первым выступил Ч. Кищак. “Мы представили совместное видение реформированной общественно-политической системы, основой которой является гражданское общество, государство социалистической парламентарной демократии... – отметил он. – Мы заявляем о желании добросовестно выполнять соглашение, которое сегодня символически заключаем”. Выступавший вторым Л. Валенса напомнил, что в послевоенной истории звучало много красивых слов, “за которыми скрывалось вероломство, насилие и беспомощность народа”. Поэтому оппозиция стремилась к конкретным требованиям: легализации “Солидарности”, Солидарности земледельцев и Независимого союза студентов. «Тем самым, – заявил Валенса, – мы достигли необходимый минимум для вступления на путь демократических перемен... Мы хотим нормальной жизни. Этому должны служить реформы... Считаю, что заседания “круглого стола” могут стать началом пути к демократической и свободной Польше» [3. 6 IV]. Таким образом, в выступлениях сторон проявлялись различные ожи-

дания, касавшиеся будущего. Ч. Кицак делал акцент на точном соблюдении заключенного соглашения; “социалистический” контур парламентаризма, достигнутый в ходе переговоров “круглого стола”, являлся, согласно пониманию генерала, прочной перспективой для Польши. А Л. Валенса не скрывал, что амбиции оппозиции идут дальше, что эти контуры строя – лишь переходное состояние между коммунистической системой и демократией без оговорок. Если для коммунистов подписываемое соглашение – предел перемен, то для оппозиции – их начало.

К главным итогам “круглого стола” можно отнести следующие: “Солидарность” признавалась в качестве независимого профсоюза; оппозиция принимала участие в выборах, но 65% мест в Сейме резервировалось за ПОРП и ее союзниками (ОКП и ДП); полностью свободные выборы проводились во вновь учрежденную высшую палату парламента – Сенат; как дополнительная гарантия для правящего лагеря вводился предусматривавшийся для коммунистов пост президента, обладавшего широкими полномочиями; оппозиция обязывалась отказаться от призывов к забастовкам и поддерживать правительственный курс на реформы; договоренности принимались на четыре года, после чего планировалось проведение полностью свободных выборов в парламент.

Обе стороны, как отмечается в итоговом документе, пришли к соглашению, что: 1) целью заключенного компромисса является “независимая, ... демократическая и экономически сильная Польша”; 2) реформы будут проводиться эволюционно; 3) будущая политическая система должна осуществлять “принцип суверенности народа, что означает политический плюрализм, свободу слова, демократический порядок формирования всех представительских органов государственной власти, независимость судов, территориальное самоуправление”; 4) “основой демократизации структур на всех уровнях станет разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную” [3. 6 IV].

Таким образом, в «Соглашениях “круглого стола”» предусматривалось присутствие оппозиции на общественной сцене и связанное с этим разделение ее ответственности с властью. Создание Сената явилось уступкой оппозиции, так как при благоприятном для нее исходе выборов она могла получить большинство в Сенате и тем самым использовать возможность блокировать законы и поправки к ним. Пост президента должен был уравновесить эту уступку. Президент принимал компетенции Госсовета и получал новые, в частности возможность распускать парламент, отказывать в подписи закона, используя право вето. Основной успех оппозиции заключался, разумеется, в легализации “Солидарности”, а также Солидарности земледельцев и – после долгих колебаний – Независимого союза студентов. “Солидарность” и объединенные вокруг нее деятели получили частичный доступ к радио и телевидению, стали издавать официальные печатные органы. Первый номер “Gazeta Wyborcza”, ежедневника, редактируемого А. Михником, вышел в свет 8 мая 1989 г. И хотя цензуру полностью не отменили, поле ее деятельности не только существенно сужалось, но сама цензура становилась значительно менее жесткой. Это было меньше, чем требовал Л. Валенса во время первого пленарного заседания “круглого стола”, но значительно больше, чем профсоюз добился в 1981 г. Уступки властей католической церкви были не меньше, чем оппозиционной стороне: законодательно признавалась ее независимость, что являлось свидетельством отказа от коммунистических принципов деятельности государства, не признававшего прав независимых субъектов.

Если с точки зрения ортодоксальных коммунистов это была настоящая революция, то для оппозиции – первое приближение к демократии, оплаченное идейными упреками совести. Колебания до начала переговоров касались прежде всего вопроса политической цены, которую необходимо было заплатить за легализацию “Солидарности”, т.е. участие в недемократических выборах. В ходе переговоров это отношение изменилось – цена соглашения в глазах оппозиции трансформировалась в неожиданное вознаграждение. В перестройке системы они увидели шанс для себя; масштаб успеха выборов в июне доказал правильность расчета. Вероятно, это крупнейший парадокс “круглого стола”.

Часть оппозиции, которую не допустили к участию в “круглом столе”, громко протестовала против его решений, заявляя, что без него коммунисты сами бы отдали власть спустя несколько месяцев. Деятели “Борющейся Солидарности”, Конфедерации независимой Польши, Демократической фракции Польской социалистической партии (ППС), движения “Свобода и мир”, собравшиеся в начале марта 1989 г. на Конгресс антисистемной оппозиции в Ястшембе, утверждали, что их цель – “ликвидировать монопольную власть ПОРП и привести к полной политической и экономической демократии, к свободным выборам”. Эта часть оппозиции уверяла, что именно она ближе идеалам “Солидарности” 1980–1981 годов, чем поглощенная политикой группа Валенсы и его советников. По словам одного из лидеров Конгресса П. Иконовича, он выражал интересы той части общества, которая не видела возможности реформирования системы, желая построить совершенно новую – не с коммунистами, а вопреки им. По его мнению, следовало дождаться социального взрыва и только тогда приступить к переговорам с властью, вынуждая ее на реальные уступки. Конфедерация независимой Польши (КНП) отрицательно относилась к “круглому столу” по двум причинам: во-первых, из-за того, что команда Ярузельского несла ответственность за введение военного положения, а во-вторых, (и это главное) КНП считала, что “Солидарность” не имела права представлять всю оппозицию. “Сейчас мы имеем в своем распоряжении улицу, – заявлял ее лидер Лешек Мочульский. – Давайте организуем серию манифестаций под лозунгом свободных выборов... Мы не можем согласиться на то, чтобы кто-то за спиной общества решал, кому и сколько достанется мандатов в Сейме” [2. S. 220–230; 7. S. 251].

В любом случае “круглый стол” не являлся широким общественным соглашением. Критику вызывало покровительство церкви, которую упрекали в том, что она оказывала посредничество в переговорах двух фракций коммунистов: “догматиков” и “ревизионистов”. Одним из наиболее прочных негативных стереотипов является мнение о заключении секретного соглашения, включавшего, в частности, положение о безнаказанности руководящих исполнителей преступлений, совершенных в период ПНР, особенно в 1981–1989 гг. Однако, по свидетельству обеих сторон, в Магдаленке не было заключено ни одного дополнительного, тайного, соглашения, а заседания, проходившие там, способствовали преодолению тупиковых ситуаций, возникавших в ходе переговоров. Вместе с тем следует отметить благоприятный психологический климат, складывавшийся по мере продвижения переговоров. Не так страшен черт, как его малюют, – думали по обе стороны “круглого стола”. К примеру, Е. Урбан подчеркивал своеобразное психологическое озарение: “Ранее демонизированный противник оказался рассудительным и не таким далеким от нас в своих стремлениях и образе мышления”. Впечатления другой стороны представил Я. Куронь: “Люди,

севшие с нами за стол переговоров, не только не были сталинистами, но даже и идейными коммунистами. Они оказались прагматиками, реалистами, понимавшими, что система централизованного управления развалилась, и теперь нужно как можно быстрее и лучше перейти к новой” [2. S. 227]. Важнее симпатий или антипатий был политический реализм и растущее осознание общности интересов. Тот же Куронь очень образно вспоминал позднее о психологических последствиях “круглого стола”: “Мы стали партнерами правительственной стороны, а партнера, даже после победы, люди уже не могут повесить” [7. S. 252; 8. S. 104; 9. S. 112].

Таким образом, «Соглашения “круглого стола”» были достигнуты в результате переговорного процесса реформаторов из ПОРП и умеренного течения “Солидарности”. Значение “Соглашений” в первую очередь в том, что они предусматривали политические и экономические преобразования в рамках демократического социализма, проводимые эволюционным мирным путем. Они положили начало необратимой демократизации политической системы.

Как отмечалось выше, важным достижением стало решение о проведении неконфронтационных *парламентских выборов*. Вскоре Госсовет назначил день выборов – 4 июня 1989 г. Началась почти двухмесячная полоса открытой и довольно жесткой борьбы различных политических сил за голоса избирателей. Стратегия предвыборной кампании правительственной коалиции, разработанная одним из участников “круглого стола”, специалистом в области социальной психологии профессором Я. Рейковским, основывалась на усилении агитации в последнюю перед выборами неделю с расчетом на не определившуюся в своих предпочтениях часть электората. “Солидарности” же, только что получившей возможность для легальной деятельности, удалось уже в первые недели грамотно проводившейся кампании прочно утвердиться на информационном поле, что предвещало ей шансы на успех.

Выборы проходили в два тура (4 и 18 июня). Примечательно, что явка избирателей была довольно низкой: 62% в первом туре и 25% – во втором. Объяснить это растущее безразличие можно отчасти тем, что общество не доверяло договоренностям “круглого стола”, все более явно трактовало это событие как соглашение элит, как бесцветную, “переговорную революцию”, все большей обеспокоенностью постоянно ухудшавшимися условиями жизни [7. S. 263]. Окончательно мандаты в Сейме распределились следующим образом: ПОРП – 173, ОКП – 76, ДП – 27, “ПАКС” – 10, Христианская общественная ассоциация – 8, Польский социальный католический союз – 5, так называемые беспартийные (т.е. “Солидарность” и другие представители оппозиции) – 161, т.е. все выделенные им по контракту. В Сенат же, в который проводились полностью свободные выборы, ни один представитель правительственной коалиции не вошел. Особым ударом для властей стало голосование по Всепольскому избирательному списку (а в нем, как отмечалось выше при анализе договоренностей “круглого стола”, были выдвинуты только кандидаты от коалиции – наиболее известные деятели-реформаторы из ПОРП и союзнических партий), по которому из 35 кандидатов прошли только два.

Парламентские выборы сыграли роль неформального плебисцита “за” или “против” прежнего режима. ПОРП потерпела поражение. На Политбюро ЦК КПСС в сентябре 1989 г. рассматривался вопрос об обстановке в Польше, возможных вариантах ее развития и перспективах советско-польских отношений. “Сделав ставку на достижение национального согласия путем сотрудниче-

ства с оппозицией, – заявили советские лидеры, – ПОРП не удержала развитие событий под контролем. Сложилась беспрецедентная для социалистической страны ситуация – правящая коммунистическая партия не сумела убедительно выиграть парламентские выборы и вынуждена была уступить право на формирование правительства оппозиции” [10. С. 175].

Анализируя причины таких результатов, следует учитывать один немаловажный факт: это был первый опыт проведения выборов с участием оппозиции в коммунистической стране после более чем сорока лет авторитарного правления. Власти пришлось с опозданием осознать неспособность партийных структур, созданных для функционирования в условиях авторитарной системы, сгруппироваться и подготовиться к участию в свободных выборах и к столкновению с полноценным противником [11. С. 163].

Последствия выборов стали сказываться сразу же после созыва нового Сейма. “Солидарность” с отвоєванным на выборах меньшинством выглядела триумфатором, который мог диктовать новые условия игры. В этой ситуации депутаты от “союзных” партий – ОКП и ДП – заявили о “самостоятельной” позиции и переметнулись в лагерь победителя, а ПОРП, оставшись в одиночестве, уже не располагала в Сейме большинством (а только 38% в соответствии с «Соглашениями “круглого стола”»). Сложившееся в парламенте соотношение сил предвещало скорую трансформацию политического ландшафта страны.

19 июля 1989 г. на совместном заседании двух палат парламента *большинством всего в один голос* В. Ярузельский был избран президентом ПНР. Тем самым представители “Солидарности” не удержались от демонстрации своего преимущества: закрепление высшего поста за Ярузельским, являвшимся несколько недель назад безусловным и никем не оспаривавшимся лидером ПНР, представлялось в качестве дара со стороны победителей. Президентский пост для Ярузельского стал фактически единственным реализованным в полной мере пунктом соглашения. 21 августа, следуя выдвинутой А. Михником формуле “Ваш президент – наш премьер”, В. Ярузельский предложил в качестве кандидата на пост премьер-министра известного католического деятеля и одного из видных представителей “Солидарности” Т. Мазовецкого.

Пожалуй, единственным, что в итоге смогли обеспечить переговоры “круглого стола” и все многолетние попытки команды Ярузельского наладить диалог с обществом, стало сохранение эволюционного характера перемен. Как отмечалось на заседании Политбюро ЦК КПСС в сентябре 1989 г., на котором один из вопросов посвящался анализу положения в Польше, «представители целого ряда социальных групп, включая и некоторую часть членов ПОРП, связывают надежды по выводу страны из кризиса с разрабатываемой в “Солидарности” концепцией эволюционного переустройства Польши примерно по шведскому образцу с использованием социал-демократических положений католической социальной доктрины. Такая эволюция подразумевает, видимо, также изменения в базисе, включая денационализацию государственной собственности и всемерное поощрение частного предпринимательства... Свою роль сыграет и тот факт, что в конкретно-политическом плане руководство ПОРП ставит сейчас на первое место общегосударственные интересы, выражая готовность своим взаимодействием с правительством Т. Мазовецкого способствовать его успеху» [10. С. 175].

Итак, в результате поражения коммунистических элит на выборах 1989 г. власть на четыре года раньше, чем это предусматривалось соглашениями

“круглого стола”, перешла в руки оппозиционных элит. Это в свою очередь свидетельствовало о том, что соглашение с властью не имело серьезного значения в перспективе, а “общественные соглашения в Польше стали инструментом политической борьбы за власть” [12. С. 321–322; 13. С. 29–32].

29 декабря 1989 г. Сейм принял закон, вносивший ряд кардинальных поправок в текст Конституции. Государству было возвращено название Республика Польша, оно определялось как “демократическое и правовое”, “осуществляющее принципы социальной справедливости”. Вместо статьи о ПОРП как руководящей силе польского общества вводилось положение о свободе формирования политических партий. Появились статьи о свободе предпринимательской деятельности и защите частной собственности. Восстанавливался герб Второй Республики (орел с короной). Принятые поправки выносили окончательный приговор авторитарной командно-административной системе, гарантировали углубление процесса формирования новых политических, социально-экономических и идеологических структур.

Уже в январе 1990 г. на своем XI съезде ПОРП заявила о прекращении деятельности. Таким образом, с политической арены сошла массовая партия, более четырех десятилетий обладавшая монополией на власть.

Летом Л. Валенса объявил о намерении претендовать на пост главы государства. Не имея достаточной опоры в обществе и не желая обострять ситуацию, В. Ярузельский 19 сентября попросил Сейм сократить срок его президентства. В два тура – 25 ноября и 9 декабря 1990 г. – прошли всеобщие свободные президентские выборы. Сенсацией первого тура стал неожиданно высокий результат (23.1% голосов) С. Тыминьского, малоизвестного бизнесмена из Канады, который опередил премьера Т. Мазовецкого (18.1%). Во втором туре президентом стал Л. Валенса, получивший 74.25% голосов (С. Тыминьский, независимый кандидат, “темная лошадка” – 25.75%). Президентские выборы 1990 г. следует признать концом политической модели, установленной за “круглым столом”. После этого Польша полностью сменила государственный строй и вступила в новый этап исторического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Paczkowski A.* Od sfalszowanego zwyczajstwa do prawdziwej klęski: Szkice do portretu PRL. Kraków, 1999.
2. *Skórzyński J.* Uгода i rewolucja. Władza i opozycja. 1985–1989. Warszawa, 1995.
3. *Trybuna Ludu.* 1989.
4. *Dubiński K.* *Magdalenka.* Transakcja epoki. Notatki z poufnych spotkań Kiszczyk – Wałęsa. Warszawa, 1990.
5. *Polityka.* 1989.
6. *Trembicka K.* Okrągły Stół w Polsce. Koncepcje zmiany systemu partyjnego // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio K. Politologia.* Lublin, 2000. Vol. VII.
7. *Gędek M.* Przełom: Polska 1976–1991. Lublin, 2002.
8. *Trembicka K.* Okrągły Stół – mity i stereotypy // *Studia Polityczne.* Warszawa, 2004. № 15.
9. *Wałęsa L.* Droga do wolności. London, 1987.
10. Свободная мысль. XXI. 2005. № 11.
11. *Кувалдин Ст.* Зачем договариваются с оппозицией // Свободная мысль. XXI. 2005. № 11.
12. *Hirsch Z.* Historia polityczna Polski. 1939–1993. Białyсток, 1996.
13. Переход к демократии стран Центральной и Восточной Европы в сравнительной перспективе. Донецк, 2001.

© 2007 г. Д. В. КУЗНЕЦОВ

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В СТРАНАХ ЗАПАДА И КОСОВСКИЙ КРИЗИС

Драматические по своему характеру события, которые буквально потрясли Балканский полуостров в 1990-е годы, а именно так называемый Югославский кризис, вызвали не только повышенный интерес со стороны руководства стран Запада. Они имели также большой резонанс среди мировой общественности, в том числе стран Западной Европы (Великобритании, Франции, Германии, Италии и др.), а также США.

Данные, извлеченные из многочисленных опросов общественного мнения, проведенных в странах Запада в связи с развитием ситуации в бывшей Югославии, раскрывают взгляды их жителей в отношении Югославского кризиса и, прежде всего, его важнейшей составляющей – Косовского кризиса 1998–1999 гг.

Важно подчеркнуть, что конфигурация взглядов, существовавшая в общественном мнении в странах Запада по поводу Косовского кризиса во многом сложилась ранее, еще в ходе распада Югославии (1989–1995 гг.)¹. В 1989–1991 годах руководители стран Западной Европы стремились выступить в качестве посредника в деле урегулирования ситуации в бывшей Югославии. Вероятность того, что конфликт мог расширить свои рамки, естественно, сильно встревожила европейцев и, вследствие этого, они полностью поддержали руководство своих стран.

С другой стороны, в 1990-е годы среди общественности стран Западной Европы и США стал складываться крайне негативный образ сербов, в чем, на наш взгляд, ведущую роль сыграли средства массовой информации (СМИ) – прежде всего телевидение, а также периодическая печать и, в меньшей степени, радиовещание².

Таким образом, в 1994–1995 гг. жители стран Западной Европы оказались в целом солидарны с той позицией, которую в отношении событий в бывшей

Кузнецов Дмитрий Владиславович – канд. ист. наук, доцент Благовещенского государственного педагогического университета.

¹ В настоящее время, как у нас в стране, так и за ее пределами, имеется огромное количество научных трудов, в центре внимания которых Югославский кризис. Пожалуй, самый фундаментальный из них – это работа, автором которой является Е.Ю. Гуськова [1].

² Некоторые исследователи за рубежом разделяют это мнение. Так, например, американский политолог М. Паренти считает, что “злодеяния”, совершенные сербами на территории бывшей Югославии, а также “политика этнических чисток” руководства Сербии во главе со С. Милошевичем были преувеличены, прежде всего, американскими СМИ [2].

Югославии, в первую очередь в Боснии и Герцеговине (где в течение 1992–1995 гг. имела место гражданская война), заняло их руководство, а также страны-члены НАТО: стремление оказать давление на боснийских сербов оказалось значительным, и впоследствии европейцы сохранили этот настрой. Дейтонские соглашения не изменили отношения к руководству Сербии и сербам вообще.

Косовский кризис 1998–1999 гг. представлял собой еще одну фазу в развитии Югославского кризиса в целом, и не мог не сказаться на общественном мнении населения Западной Европы.

В конце 1997 г. ситуация в Косово, в связи с событиями в соседней Албании, резко ухудшилась, хотя медленное, но верное сползание к конфликту здесь осуществлялось на протяжении нескольких десятилетий. Затем в течение всего 1998 г. на территории Косово, по сообщениям СМИ стран Запада, при участии Сербии происходило насилие: десятки тысяч косовских албанцев оказались в качестве “перемещенных лиц”. Естественно, что Косовский кризис, в силу того, что Косово располагалось на европейском континенте, вызвал значительный резонанс в общественном мнении в странах Западной Европы.

Уже в результате первых опросов общественного мнения, проведенных тогда в четырех крупнейших странах Западной Европы – Великобритании, Франции, Германии и Италии, оказалось, что их жители, рассматривая ситуацию, сложившуюся в Косово как следствие политики Сербии, полностью поддерживают действия стран-членов НАТО. На это, например, указали 69% англичан, тогда как 31% выразил к ним свое критическое отношение [3].

Схожая ситуация наблюдалась и во Франции, которая, как известно, в 1998–1999 гг., когда обострилось положение в Косово, регулярно, используя в том числе механизм ООН, предлагала свои посреднические усилия, с тем чтобы добиться мирного урегулирования Косовского кризиса (переговоры в Рамбуйе и др.). Кроме того, она без энтузиазма приняла участие в начавшейся 24 марта 1999 г. агрессии НАТО против сербско-черногорской Югославии (СРЮ). Однако, эта, несколько иная, чем прежде, позиция руководства Франции практически не изменила взглядов французов в отношении происходящих на Балканском полуострове событий.

Как и ранее, во время войны в Боснии и Герцеговине (1992–1995 гг.), французы заявляли о том (77% против 22%), что события на Балканах “имеют к ним причастность”, что, по всей видимости, являлось следствием, с одной стороны, близости Франции к СРЮ, а с другой – непосредственным французским участием в этих событиях [4. 8 IV]. Представление французов о том, кто ответственен за начало Косовского кризиса отражены, в табл. 1.

Как видно, Сербия вновь оказалась в числе “главных”, по мнению французов, виновников развязывания конфликта. Вследствие этого, в условиях начавшейся 24 марта 1999 г. военной операции НАТО против Югославии значительная часть французов поддержала эту “акцию возмездия”: 26–27 марта 1999 г. 58% французов считали, что Франция “права”, присоединившись к своим союзникам по Североатлантическому договору, а 32% – “не права” [4. 8 IV]. Причем первоначально, по мере того как силовая акция в отношении Югославии продолжалась, уверенность французов в правоте Франции только крепла: 15–17 апреля 1999 г. эти цифры составили 66% и 23% [4. 29 IV], но уже спустя месяц – 17–19 мая 1999 г. – 58% и 29% [4. 27 V] соответственно.

Ответственность за начало Косовского кризиса в представлении французов [5. Р. 207–222]

Сербия	48
Проживающие в Косово албанцы	2
Равная ответственность	39
Затрудняюсь ответить	11

Как отмечает в связи с этим французский исследователь Л. Жалабер, причина этого – бессознательное в своей сущности воспоминание французов о войне 1992–1995 гг. в Боснии и Герцеговине, когда травмированное общественное мнение во Франции фактически оказалось не способно иначе воспринимать то, что происходило на территории бывшей Югославии, на этот раз в Косово [6]. И это обстоятельство, кстати, можно рассматривать и применительно к общественному мнению в других странах Западной Европы, например, в той же Великобритании, жители которой, также как и французы, рассматривали события, разворачивавшиеся вокруг Косово, сквозь призму взглядов, сформировавшихся ранее.

Примечательно, что серия из трех опросов общественного мнения, проведенных во Франции исследовательской группой “Ипсос” специально для “Le Journal du Dimanche” 26–27 марта 1999 г., 2–3 апреля 1999 г. и 9–10 апреля 1999 г. [7], выявила в массовом сознании жителей Франции ряд закономерностей, достаточно ярко характеризующих позицию французов (да и европейцев в целом) в отношении Косовского кризиса. Во-первых, это все более и более растущий уровень поддержки со стороны французов силовой акции в отношении Югославии (ответы на вопрос “*Каково Ваше отношение к осуществляемым ударам НАТО по Югославии?*”) (рис. 1).

По всей видимости, подобного рода изменения связывались с тем, что среди французов, как и европейцев в целом, а также жителей США, по мере осуществления военной операции НАТО против Югославии росла уверенность в том, что это есть прежде всего “гуманитарная операция”, которая ведется против “преступного”, по мнению стран Запада, режима, возглавляемого С. Милошевичем. Французы считали, что то, что происходит в Косово – это скорее борьба стран Запада за права человека и их защита (36%), а также за свержение диктатуры С. Милошевича (32%) [5].

Во-вторых, среди французов росло беспокойство относительно будущего развития ситуации вокруг Косово, так как вопрос звучал так: “*Вы опасаетесь, что вмешательство стран-членов НАТО в Косовский кризис спровоцирует распространение конфликта по всей Европе?*” (рис. 2).

В связи с этим руководитель исследовательской группы “Ипсос” П. ГакOMETTI отмечал следующее: “Две недели военно-силовой акции против Югославии показали, что во Франции наблюдаются тенденции, аналогичные тем, что имеют место в других странах Запада, что подтверждается быстрым ростом поддержки действий НАТО со стороны французов. Это явление сформировалось быстро, как и однородность мнения, учитывающего фактор воздействия процесса медиатизации конфликта во всех странах, затронутых происходящей на Балканском полуострове драмой. В силу этого устойчивая поддержка является, главным образом, следствием реакции, возникшей во французском обществе в русле развития установок гуманизма”. И далее: “Во Франции согласие обще-

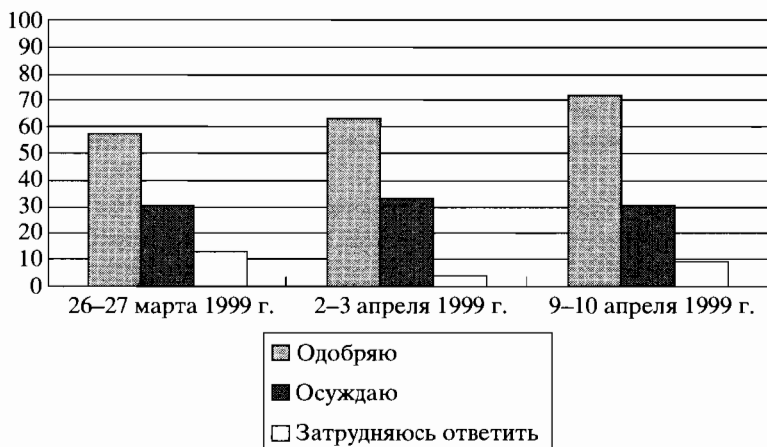

Рис. 1. Уровень поддержки со стороны французов силовой акции в отношении Югославии [7].

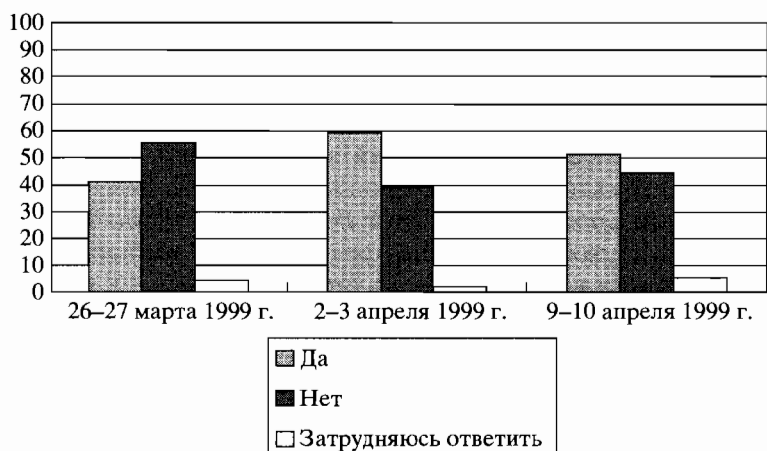

Рис. 2. Предполагаемое (по мнению французов) развитие ситуации вокруг Косово [7].

ственного мнения следует рассматривать и в контексте дополняющих общую картину позиций руководителей страны” [8].

Действительно, после того, как в начале апреля 1999 г. последовали практически идентичные по своему содержанию обращения по французскому телевидению к жителям Франции, сделанные президентом Ж. Шираком и премьер-министром Л. Жоспенем, в которых операция НАТО “Союзническая сила” была квалифицирована как исключительно “гуманитарная акция”, направленная на скорейшее решение Косовского кризиса, французы только укрепили данное мнение. “Совпадение позиций способствовало складыванию конформизма в обществе Франции и политизации реакции по отношению к конфликту на Балканах, поскольку эти позиции во многом сходны и различия сводятся к области лингвистической”, – делает вывод П. Гакометти [8].

В дальнейшем С. Милошевич был и вовсе поставлен в один ряд с такими “злыми гениями”, как, например, А. Гитлер, поскольку события в Косово были соотнесены с тем, что имело место в Европе накануне Второй мировой войны,

Факторы, влияющие, по мнению французов, на невмешательство в Косово [5]

<i>“Какие, на Ваш взгляд, аргументы объясняют невмешательство в Косово?”</i>	В, %
1. Существует риск того, что конфликт станет всеобщим и затронет всю Европу	41
2. Необходимо добиваться компромисса на переговорах с С. Милошевичем	35
3. Страны-члены НАТО не должны вмешиваться во внутренние дела СРЮ	23
4. Может возникнуть опасность, что будет спровоцирован конфликт с Россией	21
5. Кризис в Косово – это внутреннее дело СРЮ	19
6. НАТО не получила санкцию со стороны ООН	18
7. Сербия имеет право сохранить в неприкосновенности свою территорию	11
8. Не надо усиливать напряжение между христианами и мусульманами	9
9. Другое	5
10. Затрудняюсь ответить	2

когда страны западной демократии проявили недопустимую безответственность к нацистской Германии. “Можем ли мы принять тот факт, что в сердце Европы какой-то режим практикует этнические чистки? Если мы это принимаем, то мы знаем, куда может завести демократию подобная трусость”, – заявил Ж. Ширак 3 мая 1999 г. И далее: “Сегодняшняя битва имеет исключительный характер. Она не основывается на экономических или стратегических соображениях, но на концепции морали и чести нации. Согласиться терпеть ужасы, свидетелями которых мы являемся, значит ...позволить гангрене бесчеловечности вновь утвердиться на нашем континенте. В центре европейского проекта ... лежит идея гуманизма” [9. 5 V].

15–17 апреля 1999 г. половина французов – 50% – положительно относились к тому, что в целях урегулирования ситуации вокруг Косово возможно, как логическое продолжение, проведение наземной операции против Югославии, а участие в ней, как считали французы, должна принять и Франция, даже если будут иметь место жертвы среди французских солдат и офицеров, но только в том случае, если ракетно-бомбовые удары по Югославии окажутся неэффективными (40% относились к этому критически) [4. 29 IV]. Однако уже 17–19 мая 1999 г. эти цифры составили 43% и 47% соответственно [4. 27 V].

В целом благоприятное отношение французов к возможности проведения в Косово наземной операции скорее всего связывалось с устойчивым среди них мнением о том, что бомбардировка Югославии окажется неэффективна³. Кроме того, свою роль сыграл и весьма решительный настрой французов в отношении Югославии, о котором, в частности, свидетельствовали полученные 27–29 апреля 1999 г. ответы на вопрос “Если вернуться на пять недель назад, когда шли переговоры в Рамбуйе, какой вариант развития событий Вы бы избрали?": 1. “Вмешательство в Косово” – 70%. 2. “Невмешательство в Косово” – 20%. 3. Затрудняюсь ответить – 10% [5]. Причем аргументы тех, кто при ответе на этот вопрос занял вторую позицию, расположились в следующем порядке (табл. 2).

³ Весьма примечательна также позиция жителей Великобритании. Их большинство также вовсе не считало, что ракетно-бомбовые удары по территории Сербии будут эффективными и приведут к прекращению “гуманитарной катастрофы” в Косово. Скорее они будут иметь последствия, связанные с усилением позиций С. Милошевича внутри страны, считали англичане, хотя и не так явно (44% против 43%) [10].

Рис. 3. Отношение англичан к действиям правительства Э. Блэра в ходе Косовского кризиса [3].

Тем не менее оказалось, что больше половины французов (51%) считали, что принудить С. Милошевича к переговорам без сухопутной операции в Косово будет все-таки невозможно, тогда как 32% полагали, что это получится и с использованием авиационных ударов. В этих условиях, как заявляли французы, если авиационные удары окажутся недостаточными для того, чтобы положить конец действиям сербов в Косово, Франция должна отправить свой контингент войск для участия в сухопутной операции НАТО (60%), тогда как против этого выступали только 34% опрошенных лиц [5].

С другой стороны, почти половина опрошенных во Франции (49%) считала, что вмешательство стран-членов НАТО в Косовский кризис вовсе не гарантия того, что в Косово будет установлен мир. Лишь 42% французов были уверены в эффективности ударов по Югославии. Более того, они опасались, что это вмешательство будет иметь весьма неблагоприятные для Европы последствия, а именно: “сербь отомстят косовским албанцам” (86% против 8%), “конфликт распространится на соседние с Югославией страны” (68% против 27%), “сербь начнут подрывную деятельность в Европе” (54% против 40%), “Россия вмешается в ситуацию вплоть до вооруженного конфликта с НАТО” (38% против 57%) [4. 29 IV].

В Великобритании – стране, которая традиционно считается одним из самых последовательных союзников США в рамках НАТО, следствием чего стало ее самое активное участие в военной операции против Югославии, серия из двух опросов общественного мнения, проведенных организацией “Мори” 26–27 марта 1999 г. и 1–2 апреля 1999 г. [3], подтвердила достаточно высокий уровень поддержки со стороны англичан участия Великобритании в военной операции НАТО: тогда соответственно 55% и 76% считали, что Великобритания поступила “правильно”, участвуя в этих действиях (пока они не закончатся), и только 27% и 16% считали, что она действует “неправильно”. Вследствие этого среди англичан рос также уровень удовлетворенности политикой правительства Э. Блэра в ходе Косовского кризиса (рис. 3).

Вместе с тем, жители Великобритании вовсе не были готовы на жертвы: больше половины (56%) считали, что даже в целях защиты косовских албанцев страна не должна допускать потери среди военнослужащих [10]. Тогда же было

Отношение англичан к возможным вариантам развития событий в Косово [3]

<i>“Каково Ваше отношение к нижеследующему?”</i>	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
Великобритания имеет моральное право на то, чтобы оказать помощь в деле прекращения преследования прав человека в Косово и их восстановления	87	9	4
Необходимо было продолжать и далее вести переговоры с руководством Сербии, а не начинать военную операцию против нее	47	48	6
Бомбардировка Югославии вынудит Сербию прекратить практику нарушения прав человека в Косово	37	47	16
Великобритания должна послать свои сухопутные войска для их участия в конфликте	26	62	11
Великобритания, а также другие страны-члены НАТО должны отправить спецподразделения с целью физического уничтожения С. Милошевича	25	63	12
Проблема Косово – это не наше дело, и Великобритания не должна в нее вмешиваться	21	69	10
Для Великобритании и НАТО в целом приемлемо осуществлять бомбардировку гражданских объектов в Югославии	7	88	5

выяснено отношение англичан к возможным вариантам развития событий в связи с ситуацией вокруг Косово и действиями Великобритании. Были получены следующие, ярко характеризующие позицию англичан к Косовскому кризису, ответы (табл. 3).

Как видно из представленной выше таблицы, для англичан была характерна некоторая противоречивость взглядов. По мере развития ситуации, жители Великобритании стали отмечать неэффективность ракетно-бомбовых ударов по территории Сербии: 57% опрошенных лиц считали, что применительно к положению косовских албанцев они, скорее создают опасное положение, нежели улучшают его (14%), а 23% отмечали, что никаких изменений не наблюдалось. Вследствие этого, значительная часть англичан стала заявлять о своем намерении поддержать руководство своей страны, если оно примет решение отправить в Косово контингент войск: на это указывал 51% (против – 40%). Причем, по мнению этого большинства, только проведение сухопутной операции в Косово могло остановить здесь “гуманитарную катастрофу” [10].

30 апреля – 1 мая 1999 г. в Великобритании был проведен еще один опрос общественного мнения, в результате которого выяснилось, что подавляющее большинство англичан (70% против 21%) все еще одобряют участие Великобритании в военной операции НАТО против Югославии. Более того, большая их часть (80%) заявила о своей поддержке руководства страны вплоть до того момента, пока конфликт вокруг Косово не закончится [10].

Что же касается Франции, то, как видно из представленной ниже диаграммы, французы также постоянно усиливали свою поддержку в отношении участия Франции в операции стран-членов НАТО против СРЮ (рис. 4).

Рис. 4. Отношение французов к участию Франции в операции стран-членов НАТО против СРЮ [7].

Аналогичным было во время Косовского кризиса общественное мнение в Германии и Италии. Их население также, хотя и не так очевидно, поддержало действия НАТО в отношении Югославии: соответственно 57% и 45% опрошенных лиц высказали свое одобрение, тогда как осуждение – 28% и 40%. С другой стороны, немцы и итальянцы сомневались в эффективности наносимых по территории Сербии ракетно-бомбовых ударов, а главное – выступали против отправки войск своих стран в район конфликта для участия в наземной операции в Косово [7].

Критика в адрес НАТО тогда звучала разве что со стороны общественности Греции. Здесь абсолютно подавляющее большинство населения страны (почти 100%) заняли критическую позицию по отношению к действиям НАТО в Югославии, призывая к немедленному прекращению ракетно-бомбовых ударов, и это объясняется прежде всего тем, что греки – православные. По всей Греции тогда прокатилась волна массовых выступлений протеста, прежде всего антиамериканской направленности, а президент США Б. Клинтон и вовсе расценивался как “военный преступник”, которого следует отдать под суд. Причем греки считали, что их страна как один из членов НАТО должна была наложить veto на принятие решения о бомбардировках Югославии. Однако руководство Греции отказалось использовать это право, но, с другой стороны, отказалось оно участвовать и в военных действиях против СРЮ.

Но внутренние проблемы в период Косовского кризиса все-таки оставались для европейцев первостепенными. Например, французы вовсе не считали, что существует необходимость увеличивать расходы государственного бюджета на военные нужды. Только 12% заявили об этом, тогда как 24% призывали их уменьшить, но большинство (59%) – оставить все, как есть [5].

Положение на Балканском полуострове, по мнению французов, не должно было сколько-нибудь значительно сказаться на экономической ситуации в Европе: только 42% считали, что в предстоящие месяцы возможно замедление роста экономики, 12% – его ускорение, а 37% заявляли о том, что никакого воздействия не будет [11].

Кроме того, в преддверии намеченных на июнь 1999 г. выборов в Европейский парламент, 17–19 мая 1999 г., 48% французов заявляли о том, что они примут в расчет при голосовании позицию политических деятелей в отношении событий в Косово, а 44% заявляли обратное [4. 27 V], хотя еще за месяц до этого, 15–17 апреля 1999 г., эти цифры составляли 63% и 27% соответственно [4. 29 IV].

Вместе с тем в условиях обострившегося Косовского кризиса во Франции и вовсе сложился весьма благоприятный климат в общественно-политической сфере, который можно охарактеризовать одним, но весьма емким словом – единство нации, своего рода “сплочение вокруг флага” [12]. Причем следствием поддержки позиции в отношении Косовского кризиса, которую заняли руководители страны – президент Ж. Ширак и премьер-министр Л. Жоспен, стал рост их популярности, соответственно на 5% (до 67%) и 7% (до 65%) [13]. Причем французы (2 / 3 и более) полностью поддержали и их позицию в отношении ситуации в Косово [14].

Уровень поддержки французами действий президента США Б. Клинтона был ниже – 52% (против 40%) [14], что объясняется прежде всего тем, что ставший традиционным в XX в. антиамериканизм французов сохранился даже в условиях солидарности стран Запада. И это скорее всего свидетельствует о следующем: французы полагали, что США, которые участвуют в событиях, происходящих вокруг Косово, преследуют прежде всего свои интересы: с этим были согласны 63% опрошенных лиц (против 29%) [15]. Для значительной части французов – 65% – было очевидно, что Франция фактически “плетется в хвосте” у США в политике на Балканах. Лишь 26% полагали, что это не так [4. 8 IV].

Весьма примечателен факт, который в очередной раз подтвердил, что французское общественное мнение, как правило, отличается парадоксальностью: несмотря на поддержку, которую французы продемонстрировали в отношении действий стран-членов НАТО в Косовском кризисе, их большая часть – 53% – проявляла недоверие к информации, которую тогда распространяло НАТО, и только меньшее число французов – 44% – доверяло ей [4. 8 IV].

Еще одно следствие Косовского кризиса применительно к французскому общественному мнению заключалось в том, что, в представлении французов, опять-таки во многом под влиянием СМИ, крайне актуализировалась проблема беженцев, которую они рассматривали сквозь призму ситуации, сложившейся вокруг Косово. И именно положение, в котором оказались косовские албанцы, вызвало глубочайший интерес французов к проблеме беженцев. В конце 1999 г. во Франции был проведен опрос общественного мнения [16], результаты которого оказались следующими: французы выразили свою готовность оказать помощь беженцам из Косово.

В своем подавляющем большинстве (79% против 17%) они проявляли к косовским албанцам симпатию, что, конечно же, явилось следствием той позиции, которую Франция и ее жители занимали как во время распада Югославии в 1989–1995 гг., так и во время самого Косовского кризиса (1998–1999 гг.). Причем 3/4 опрошенных во Франции лиц были в целом благоприятно настроены к тому, чтобы эти беженцы прибыли во Францию, а аргумент в этом случае выдвигался такой: “Франция должна принять у себя косовских албанцев, просящих убежище, так как они преследуются в Косово властями Белграда” [16].

Уровень участия французов в судьбе косовских албанцев, изгнанных из пределов Косово и ставших беженцами, также был высоким: 59% (против 40%) за-

явили о своей готовности принять участие в акциях помощи, 51% (против 47%) – участвовать в финансировании программ по оказанию помощи беженцам, работанных в рамках Комиссии ООН по делам беженцев, но только меньшая часть – 33% (против 65%) – отметила, что может принять на время у себя нескольких беженцев из Косово. Однако, с другой стороны, почти половина (47%) полагала, что Франция должна создать все необходимые условия для возвращения косовских албанцев на родину. Французы считали, что их стране необходимо оказать материальную помощь беженцам из Косово (23%), а также, используя административный ресурс страны и механизмы международного права (11%), создавать специализированные фонды для финансирования программ поддержки беженцев за рубежом (10%) и, наконец, заинтересовать население и в особенности молодежь в решении дальнейшей судьбы покинувших Косово албанцев (7%) [16].

Наконец, весьма значительным оказался также резонанс, который имел Косовский кризис в США – стране, которая тогда, пожалуй, активнее всего выступала за использование в отношении СРЮ военной силы, и именно во многом благодаря позиции США в обход решений Совета Безопасности ООН началась агрессия НАТО против Югославии.

Процесс так называемой “демонизации” сербов, который во время распада Югославии и особенно войны в Боснии и Герцеговине (1992–1995 г.) имел место также и в СМИ США, способствовал тому, что в 1990-е годы, благодаря длительной антисербской риторике, среди американцев сформировался устойчивый образ сербов как настоящих “исчадий ада”, от которых, а следовательно, и Югославии в целом исходит угроза для США. Кроме того, свою роль сыграла также массированная пропаганда “в защиту косовских албанцев” от “агрессии Сербии”. Помимо этого, американское общественное мнение было подготовлено и практикой, которая имела место во внешней политике США в 1990-е годы. Имеются ввиду довольно успешные тогда для США (разве что за исключением операции в Сомали в 1993 г.) действия их вооруженных сил – во время Кувейтского кризиса 1990–1991 гг., а также военная операция против Ирака в 1998 г. (“Лиса в пустыне”), интервенция на остров Гаити в 1994 г.

В этих условиях в США общественное мнение и его состояние вполне могли быть использованы руководством страны для того, чтобы оправдать какие-либо действия, в том числе и насильственные, в отношении СРЮ, но незаконные с точки зрения международного права.

Вместе с тем буквально накануне начала военной операции стран-членов НАТО против Югославии один из проведенных в США опросов общественного мнения выявил довольно интересные вещи. Прежде всего, оказалось, что тогда для американцев ситуация вокруг Косово являлась не столь актуальной, как, например, для жителей стран Западной Европы. В силу отдаленности американцев от происходивших событий, а также с учетом того, что более половины американцев вообще не знали, где находится Косово, около 2/3 опрошенных в США лиц заявили, что для них Косовский кризис не представляет сколь-нибудь значительное событие в мире, на которое стоит обратить внимание [17. The Gallup Poll. Latest: 1999. 19–21 III].

Тем не менее даже этот, казалось бы, низкий уровень заинтересованности со стороны американцев выявил их отношение к предполагаемому развитию событий вокруг Косово в условиях, когда в Рамбуйе все еще продолжались переговоры между представителями Сербии и косовскими албанцами. И это отно-

Отношение американцев к предполагаемому развитию событий вокруг Косово
[17. The Gallup Poll. Latest: 1999. 19–21 III]

<i>“В зависимости от исхода переговоров в Рамбуйе каково будет Ваше отношение к следующему варианту развития событий вокруг Косово?”</i>	За	Против	Затрудняюсь ответить
Соглашение между Сербией и косовскими албанцами не достигнуто: страны-члены НАТО в соответствии со своими планами осуществляют ракетно-бомбовые удары по территории Югославии	60	35	5
Соглашение между Сербией и косовскими албанцами достигнуто: страны-члены НАТО отправляют в Косово 30-тысячный контингент своих войск, среди которых – 4-х тысячный контингент ВС США	46	43	11

шение иллюстрируют представленные ниже данные, полученные в ходе этого опроса общественного мнения (табл. 4).

Решительный настрой американцев был очевиден и вскоре, в течение 24 марта – 10 июня 1999 г., когда продолжалась военная операция стран-членов НАТО против Югославии⁴, в общественном мнении США со всей очевидностью проявились следующие тенденции.

Во-первых, это высокий уровень поддержки, который неизменно демонстрировали американцы в отношении действий стран-членов НАТО (рис. 5).

Во-вторых, долгое время американцы демонстрировали свою решительность. При этом их воинственность усиливалась благодаря тому, что практически сразу же, как только начались ракетно-бомбовые удары по территории Югославии, в СМИ прошла информация о том, что Сербия активизировала свою деятельность в Косово, т.е. продолжила “этнические чистки”. В этих условиях твердость американцев только укреплялась: 57% заявляли, что они будут выступать за продолжение военной операции против СРЮ и только 29% высказались за ее прекращение [17. ABC News Poll. Latest: 1999. 26 III]. Причем американцы (64% против 23%) считали это необходимым, даже когда президент СРЮ С. Милошевич предложил НАТО заключить перемирие, которое, по их мнению, следовало проигнорировать [17. Newsweek Poll conducted by Princeton Survey Research Associates. Latest: 1999. 8–9 IV]. Они считали, что промедление могло обернуться серьезными последствиями, и если активно не вести борьбу с режимом С. Милошевича в Югославии, то в дальнейшем неизбежно столкновение с ним, с чем соглашалось 77% опрошенных лиц (против – 19%) [17. The Harris Poll. 1999. 8–13 IV].

Решительность американцев долгое время оставалась неизменной: даже ставшие достоянием всей мировой общественности факты нанесения ошибочных ударов по гражданским объектам в Сербии, в результате которых имелись жертвы среди мирного населения, не останавливали американцев от достиже-

⁴ Примечательно, что, когда военная операция против Югославии уже началась, по мнению американцев, она могла вестись не очень долго: в то, что она будет продолжаться год и более, верили только 14% опрошенных в США лиц, несколько месяцев – 31%, несколько недель – 32%, а в то, что она ограничится всего днями – 16%. [17. Gallup/CNN/USA Today Poll. Latest: 1999. 25 III].

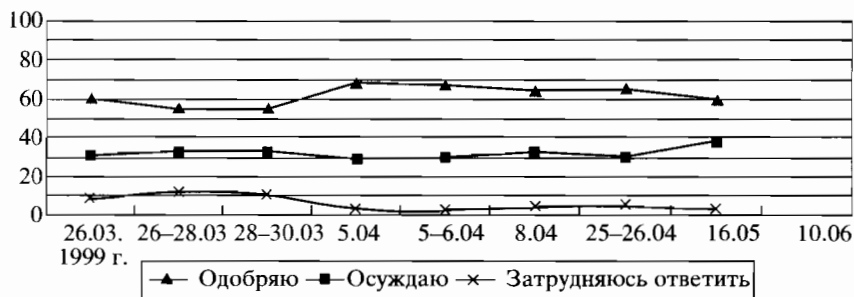

Рис. 5. Отношение американцев к военной операции НАТО против Югославии [17. ABC News/Washington Post Poll].

ния поставленной цели. Это расценивалось как неизбежные в условиях военных действий “несчастные случаи”, на что указывало 78% опрошенных в США лиц, против 19% [17. ABC News/Washington Post Poll. Latest: 1999. 25–26 IV]. Более того, по мнению американцев (65%), прекращение военной операции против Югославии невозможно, так как иначе возникнет опасность дальнейшего ухудшения ситуации вокруг Косово. Только 26% заявляли о своем стремлении поддержать прекращение военной операции против Югославии [17. Newsweek Poll conducted by Princeton Survey Research Associates. 1999. 15–16 IV]. Даже спустя месяц после ее начала 58% считали, что в отношении СРЮ необходимо ввести нефтяное эмбарго, тогда как 29% были против подобного шага [17. The Gallup Poll. Latest: 1999. 26–27 IV].

В-третьих, это те изменения, которые затронули отношение американцев к возможной отправке в Косово контингента войск США для участия их в наземной операции.

Первоначально американцы считали необходимым ограничиться исключительно ракетно-бомбовыми ударами по территории Югославии, тогда как наземная операция, по их мнению, была нежелательна. Основополагающий фактор, который сыграл в этом роль, – боязнь американцев относительно возможных потерь среди военнослужащих войск США в Косово.

Действительно, американцы вполне оправданно, помня о Вьетнаме и Сомали, опасались, что вторжение на территорию Югославии сухопутных войск приведет к значительным потерям среди личного состава войск стран-членов НАТО. И несмотря на то, что в условиях начавшихся военных действий против Югославии они расценивали происходящее вокруг Косово с точки зрения американских национальных интересов, полагая, что последние находятся под угрозой, о чем заявляли 78% (против 16%) [17. CBS News Poll. 1999. 24 III], американцы вовсе не считали (56% против 33%), что установление мира в Косово стоит потерь среди солдат и офицеров [17. Fox News/Opinion Dynamics Poll. 1999. 24–25 III].

Даже признание 64% респондентов, что США имеют моральные обязательства перед косовскими албанцами в том, что касалось защиты их прав и свобод, тогда как лишь 32% были не согласны с этой точкой зрения [17. Gallup/CNN/USA Today Poll. Latest: 1999. 25 III], не изменило позицию американцев. В первые дни и в ситуации неэффективности ударов по Югославии 65% американцев все равно выступали против отправки контингента войск США в Косово и только 31% считал необходимым обратное [17. Gallup/CNN/USA Today Poll. Latest: 1999. 25 III].

Тем не менее, подобного рода настроения господствовали среди американцев сравнительно недолго, в течение всего лишь недели. Уже спустя незначительное время, по мере развития событий вокруг Косово, среди американцев все большую и большую популярность стала приобретать идея отправки в район конфликта войск стран-членов НАТО, в том числе и контингента из США: изоляционистские тенденции в американском общественном мнении, таким образом, стали ослабевать. К тому же стало ясно, что первоначально ожидавшаяся легкой и быстрой победы над сербами не получится. Сербы не только не были деморализованы, а, наоборот, оказали сопротивление, а также сплотились вокруг своего руководства во главе со С. Милошевичем.

Вначале американцы надеялись на то, что через какой-то период после начала бомбардировки Сербия и ее руководство прекратят “этнические чистки” в Косово. Об этом 24 марта 1999 г. заявляли 53% (против – 27%) [17. CBS News Poll. 1999. 24 III]. 25 марта 1999 г. на то, что США, а следовательно, и страны-члены НАТО достигнут в ходе военной операции против Югославии своих целей в Косово, указывали 44%, тогда как 40% заявляли обратное [17. Gallup/CNN/USA Today Poll. Latest: 1999. 25 III], но уже 30–31 марта 1999 г. эти цифры составили 41% и 47% соответственно [17. Gallup/CNN/USA Today Poll. Latest: 1999. 30–31 III].

В результате позиция американцев изменилась. Начиная со второй недели бомбардировок Сербии они стали считать, что ракетно-бомбовые удары будут явно недостаточными для того, чтобы заставить С. Милошевича принять предложенный ему план мирного урегулирования в Косово, а также контролировать его выполнение. В итоге американцы заявили о необходимости проведения наземной операции с целью решения этих задач, а также для того, чтобы защитить косовских албанцев, ставших беженцами. 1–2 апреля 1999 г. на это указывал 71% опрошенных в США лиц, а 17% выступали против [17. Newsweek Poll conducted by Princeton Survey Research Associates. Latest: 1999. 1–2 IV], хотя затем вновь наметилась обратная тенденция: 5 апреля 1999 г. эти цифры составили соответственно 53% и 38% [17. NBC News/Wall Street Journal Poll conducted by the polling organizations of Peter Hart (D) and Robert Teeter (R). 1999. 5 IV], а 8–9 апреля 1999 г. – 71% и 15% [17. Newsweek Poll conducted by Princeton Survey Research Associates. Latest: 1999. 8–9 IV].

Примечательно, однако, что если тогда американцы (61%) выступали за отpravку войск с целью ликвидации режима С. Милошевича с последующим судом над ним как военным преступником, а 36% были против такого развития событий [17. ABC News/Washington Post Poll. Latest: 1999. 5–6 IV], то к концу апреля 1999 г., также настаивая на отправке войск в район конфликта, американцы считали, что цель должна быть иной, а именно: прекращение конфликтной ситуации в Косово. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что на вопрос “Как Вы относитесь к перспективе отправке контингента войск США в район конфликта в Косово для участия в процессе мирного урегулирования, если будет достигнуто соглашение между Сербией и косовскими албанцами?” американцы ответили следующим образом: положительно – 67%, отрицательно – 31%. Однако решение об этом все-таки должен принять Конгресс США (64%), а не исключительно президент США Б. Клинтон (31%), – считали американцы [17. Gallup/CNN/USA Today Poll. Latest: 1999. 30 IV – 2 V]. Аналогичным образом эти войска, по мнению американцев (57% против 33%), должны были поддержать стабильность в соседних с Югославией странах, прежде всего в Ал-

Оценка американцами результатов военной операции НАТО против Югославии
[17. Gallup/CNN/USA Today Poll. Latest: 1999. 10 VI]

<i>“Как Вы считаете, какие последствия будет иметь прекращение военной операции против Югославии, применительно к нижеследующим субъектам?”</i>	Положительные	Негативные	Без каких-либо изменений	Затрудняюсь ответить
Президент США Б. Клинтон	58	33	4	3
США в целом	53	34	5	8
Страны-члены НАТО	52	32	4	12
С. Милошевич	26	64	2	8
Албанцы, проживающие в Косово	22	65	2	11
Югославия	21	65	2	12
Сербы	17	73	2	8

бании и Македонии [17. Newsweek Poll conducted by Princeton Survey Research Associates. Latest: 1999. 6–7 V].

Одновременно с этим американцы стали требовать, чтобы страны-члены НАТО и США в том числе добивались с помощью переговоров достижения компромисса с руководством Югославии, с тем чтобы прекратить военные действия (62% против 31%) [17. CBS News Poll. Latest: 1999. 11 V]. Дипломатические усилия, таким образом, стали рассматриваться как вполне конкретный выход из сложившейся ситуации, своего рода альтернатива, которая должна заменить военные действия, и, как показывают результаты опросов общественного мнения, проведенных в США в мае 1999 г., американцы поддержали подобное развитие событий.

В дальнейшем, как известно, уже в начале июня 1999 г. при непосредственном участии России было достигнуто соглашение относительно прекращения ракетно-бомбовых ударов по территории Югославии. Однако американцы были не склонны доверять С. Милошевичу, считая, что он очень скоро нарушит условия достигнутых договоренностей. Большинство (73%) полагали, что вероятность этого очень высока, и только 19% были уверены в обратном [17. Gallup/CNN/USA Today Poll. Latest: 1999. 4–5 VI]. С другой стороны, также большая часть американцев (79%) все-таки поддержала заключенные договоренности, считая, видимо, что, во-первых, прекратятся авианалеты на Югославию, а во-вторых, уход полицейских сил и войск Сербии из Косово позволит решить проблему беженцев [17. CBS News Poll. Latest: 1999. 5–6 VI]. Тем не менее, 10 июня 1999 г. ракетно-бомбовые удары по территории Югославии прекратились, и сразу же возник вопрос относительно итогов действий стран-членов НАТО. Ответ на него американцев представлен в табл. 5.

Кстати, в течение всего периода, когда длилась военная операция против Югославии, американцы полностью поддерживали и политику, которую в Косовском кризисе проводила администрация президента Б. Клинтона, о чем, например, свидетельствуют представленные в табл. 6 данные.

Кроме того, американцы доверяли президенту США Б. Клинтону в качестве главнокомандующего вооруженными силами США, о чем 25 марта 1999 г. заявили 60% опрошенных лиц, тогда как уровень недоверия составил 37% [17. Gallup/CNN/USA Today Poll. Latest: 1999. 25 III]. Почти те же цифры соста-

**Отношение американцев к политике администрации Б. Клинтона в Косовском кризисе
[17. ABC News/Washington Post Poll]**

<i>“Каково Ваше отношение к действиям администрации Б. Клинтона в ходе Косовского кризиса?”</i>	Одобряю	Осуждаю	Затрудняюсь ответить
26.03.1999 г.	51	32	17
26–28.03.	51	31	17
28–30.03.	54	30	16
5.04.	57	36	8
5–6.04.	60	34	6
8.04.	56	38	6
25–26.04.	56	36	9
16.05.	53	41	6
10.06.	56	39	4

вил и рейтинг доверия администрации Б. Клинтона в целом [17. The Los Angeles Times Poll. 1999. 25 III]. Все это можно расценить как своеобразное “сплочение вокруг флага”, которое, как правило, имеет место в структуре массового сознания жителей США в условиях какой-либо критической ситуации (например, ранее подобный феномен наблюдался во время войны в Персидском заливе, 17 января – 3 марта 1991 г.).

Весьма примечательна также позиция, которую заняли американцы в отношении предполагаемых последствий Косовского кризиса применительно к отношениям между США и Россией. Оказалось, что значительная часть опрошенных лиц (49%) считала, что военно-силовая акция в отношении СРЮ в условиях критической позиции, которую тогда заняла Россия, не повредит этим взаимоотношениям, а 42% полагали, что это нанесет им вред [17. CBS News Poll. 1999. 24 III]. Однако последнее, отмечали американцы еще 25 марта 1999 г., скорее всего будет лишь временным явлением, на что указывали 66% опрошенных в США лиц, а 27% считали его постоянным [17. The Los Angeles Times Poll. 1999. 25 III]. “Бросок на Приштину”, осуществленный российскими миротворцами в июне 1999 г., по мнению 53% американцев, представлял собой “серьезную неприятность”, а 36% заявили, что это “всего лишь недоразумение” [17. NBC News/Wall Street Journal Poll conducted by the polling organizations of Peter Hart (D) and Robert Teeter (R). 1999. 16–19 VI].

Не менее важными, с точки зрения американцев, являлись также последствия, касающиеся взаимоотношений США с Китаем. И хотя в то, что позиция, занятая Китаем в отношении действий стран-членов НАТО против Югославии, повредит этим отношениям, верили только 36%, а 50% считали подобное невероятным [17. CBS News Poll. 1999. 28 III], тем не менее факт случайной бомбардировки здания посольства КНР в Белграде, естественно, негативно сказался на состоянии взаимоотношений между США и Китаем, и американцы это почувствовали. В частности, тогда 57% заявляли о неизбежности ухудшения отношений между США и Китаем, а 35% считали, что и это не скажется на их состоянии. Извинения, которые тогда принесли США Китаю, по мнению 61% американцев, вполне достаточны, но 29% заявили, что их страна должна сделать нечто большее, чтобы ликвидировать весь негатив, который повлекли за собой эти события. Вместе с тем 51% опрошенных лиц считали, что США вовсе не

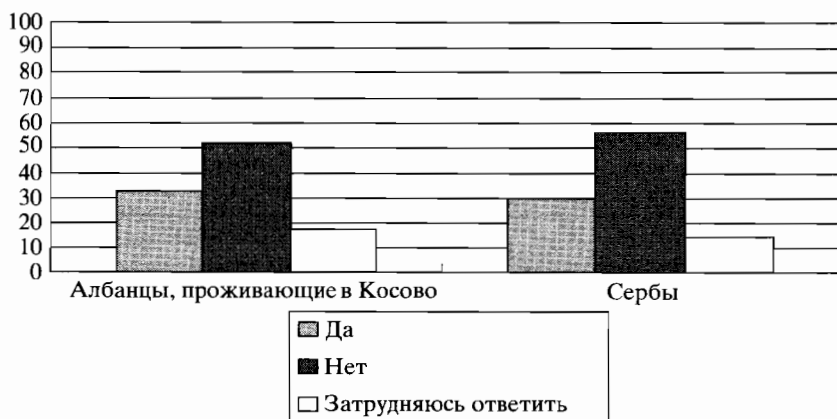

Рис. 6. Оценка американцами перспектив мира в Косово [18].

обязаны выполнять требование Китая о наказании ответственных за эту ошибку, а 31% заявлял обратное [17. CBS News Poll. Latest: 1999. 11 V]. Наконец, эти события, как считали американцы, вовсе не повлияют на дальнейшее развитие событий вокруг Косово, а ущерб, если он и будет иметь место, то останется скорее временным (69%), нежели постоянным (18%) [17. Newsweek Poll conducted by Princeton Survey Research Associates. Latest: 1999. 13–14 V].

В ходе еще одной серии опросов общественного мнения, которая была проведена в США уже после окончания военных действий НАТО против Югославии, выяснилось, что большинству американцев (55%) все еще уверены в “правоте” руководства своей страны относительно начала военно-силовой акции, но 41% заявили, что оно совершило явную ошибку [17. ABC News Poll. Latest: 1999. 10 VI]. Однако в условиях, когда ракетно-бомбовые удары по территории Сербии прекратились, американцы (53%, против – 43%) были склонны уже поддержать отправку войск США наряду с контингентами других стран-членов НАТО в Косово [17. Gallup/CNN/USA Today Poll. Latest: 1999. 10 VI] для их участия в нормализации ситуации⁵.

Существенно и то, что среди американцев, даже не большинство, а только 46% считали, что страны-члены НАТО, а, следовательно, и США, достигли в ходе военной операции против Югославии всех поставленных целей, тогда как 40% полагали иначе. И эта позиция в целом согласуется с тем, что, по мнению американцев, ни одна из двух конфликтующих сторон не способна соблюдать условия достигнутой к 10 июня 1999 г. при участии представителей международного сообщества договоренности (рис. 6).

В результате, эффект от проведения миротворческой операции американцы во многом связывали, с одной стороны, с необходимостью оказания экономической помощи Косово, а с другой – с фактом нахождения у власти С. Милошевича: 71% опрошенных лиц считали, что, пока он находится у руководства Югославией, ни о каком мире речи быть не может, и только 22% полагали иначе [17. Gallup/CNN/USA Today Poll. Latest: 1999. 11–13 VI].

⁵ Причем, в то, что они должны были находиться в Косово меньше чем год, верило 24% опрошенных лиц, 1–2 года – 31%, 3–5 лет – 22%, а более 5 лет – 17% [17. CNN/Time Poll conducted by Yankelovich Partners. 1999. 10 VI].

Спустя неделю выяснилось, что 58% американцев вновь оценили причастность своей страны к конфликту в Косово как вполне оправданную с точки зрения необходимости защиты прав человека, а 33% отмечали обратное. Тем не менее те же 58% американцев вовсе не хотели повторения подобного рода событий: в случае невыполнения со стороны руководства СРЮ своих обязательств перед международным сообществом они отдавали предпочтение дипломатическим методам [17. NBC News/Wall Street Journal Poll conducted by the polling organizations of Peter Hart (D) and Robert Teeter (R). 1999. 16–19 VI].

В конце июня в США был проведен еще один опрос общественного мнения, в результате которого среди американцев опять был отмечен скептицизм относительно перспектив выполнении условий договоренностей, зафиксированных в принятой 10 июня 1999 г. Советом Безопасности ООН резолюции. 43% американцев отметили его эффективность, 47% сомневались в этом [17. Gallup/CNN/USA Today Poll. Latest: 1999. 25–27 VI].

Наконец, спустя год после начала агрессии НАТО против Югославии оказалось, что 51% американцев все еще поддерживают нахождение в Косово войск США в качестве составной части сил по поддержанию мира, тогда как 41% критикуют эту позицию. Однако успехи, достигнутые войсками стран-членов НАТО в Косово, оценивались американцами скептически: только 37% отметили достижения, а 47% считали, что наличие войск практически ничего не дало [17. Pew Research Center for the People & the Press survey conducted by Princeton Survey Research Associates. 2000. 15–19 III].

24 сентября 2000 г. состоялись выборы президента СРЮ, в результате которых, по официальным данным, победу в первом туре не смог одержать ни один из двух кандидатов: С. Милошевич получил 40,2% голосов избирателей, тогда как кандидат от оппозиции В. Коштуница – 48,2%. Второй тур президентских выборов был назначен на 8 октября 2000 г. Вскоре, однако, в Белграде, а также в других крупных городах Сербии начались массовые волнения оппозиции против фальсификации итогов голосования, завершившиеся отставкой С. Милошевича и приходом к власти В. Коштуницы [19]. В этих условиях в США был проведен опрос общественного мнения, который вновь подтвердил факт наличия среди массового сознания американцев устойчивого образа С. Милошевича как одного из “важнейших врагов” США. Тогда подавляющее большинство (88%) заявили о необходимости выдачи его суду как военного преступника [17. Newsweek Poll conducted by Princeton Survey Research Associates. 2000. 12–13 X].

Таким образом, резонанс, который в 1990-е годы в странах Запада имел Югославский кризис – один из первых значительных региональных конфликтов, возникших в условиях формирования так называемого “нового мирового порядка”, был достаточно велик, остается он значительным и в настоящее время. При этом можно говорить о трансформациях, которые затронули прежде всего массовое сознание жителей стран Западной Европы. Их суть изложил Ю.И. Рубинский:

«По мере распада бывшей Югославии... образ сербов в Западной Европе серьезно пострадал ... Воспоминания об их героическом сопротивлении турецкому игу, затем Центральным державам и нацистской оккупации во время двух мировых войн, наконец, о мужественном противостоянии И. Броз Тито диктату И. Сталина в годы “холодной войны” постепенно уходили в прошлое. Под влиянием активной кампании в средствах массовой информации стран ЕС режим президента СРЮ С. Милошевича все больше отождествлялся... с авторитарно-националистическим режимом личной власти – прямым наследником рухнув-

шей коммунистической системы. Согласно этой версии, внутренняя политика режима С. Милошевича сводится к подавлению демократии и прав человека, а внешняя – к агрессивным авантюрам во имя создания “Великой Сербии”, военным преступлениям вплоть до этнических чисток и циничному попранию своих международных обязательств. В итоге значительная часть общественности Западной Европы склонна воспринимать С. Милошевича как основного, если не единственного виновника югославской трагедии, постоянно грозящего поднести горящий фитиль к балканской пороховой бочке, как некоего европейского аналога С. Хусейна. ...Массовый исход из Косово албанского населения... усилил антисербские настроения в Западной Европе. Трагические картины “гуманитарной катастрофы”, постоянно передаваемые средствами массовой информации, оживили в памяти европейцев воспоминания о Второй мировой войне и связанных с ней жестокостях и геноциде в отношении целых народов” [20].

Действительно, трудно не согласиться с мнением ученого. В 1990-е годы в странах Западной Европы произошло достаточно быстрое крушение старых и, одновременно, складывание новых стереотипов, касающихся образа Сербии. Со всей очевидностью этот процесс проявился во время войны в Боснии и Герцеговине (1992–1995 гг.), а также в условиях Косовского кризиса 1998–1999 гг. При этом, даже уход с политической арены президента СРЮ С. Милошевича, повлиявший на массовое сознание европейцев, тем не менее, не привел к окончательной ликвидации сложившегося ранее негативного образа Сербии. Преодоление последнего происходит долго и мучительно, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что вопрос о возможном вступлении Сербии в состав Европейского Союза так и остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса, 1990–2000 гг. М., 2001.
2. Parenti M. To Kill A Nation: NATO's Attack on Yugoslavia. New York, 2000.
3. <http://www.mori.com>.
4. Paris Match. 1999.
5. SOFRES. L'Etat de l'opinion, 2000. Paris, 2000.
6. Жалабер Л. Восприятие во Франции войны в бывшей Югославии в 1992–2005 гг. и внешняя политика Франции // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте. Тезисы международной конференции. Москва, 20–22 апреля 2006 г. М., 2006.
7. <http://www.ipsos.fr>.
8. Débat. Intervention de l'OTAN en Yougoslavie: les déterminants de l'opinion publique // <http://www.ipsos.fr>.
9. *Le Monde*. 1999.
10. Local Elections, Kosovo and the Tory Leadership, 30 April – 1 May 1999 // <http://www.mori.com>.
11. Le baromètre l'expansion – LCI de l'actualité économique et sociale – avril 1999, Enquête réalisée par l'Institut BVA du 16 au 17 avril 1999 // <http://www.bva.fr>.
12. La guerre des Balkans suscite un climat d'unité nationale // <http://www.ipsos.fr>.
13. Le baromètre de l'action politique – Popularité de l'exécutif, 08/04/1999 – Ipsos/Le Point – Avril 1999 // <http://www.ipsos.fr>.
14. Le baromètre de l'action politique – La guerre des Balkans, 08/04/1999 – Ipsos/Le Point – Avril 1999 – Questions complémentaires, Les positions de Jacques Chirac, Lionel Jospin et Bill Clinton sur la crise en Yougoslavie. La confiance dans les informations de l'OTAN // <http://www.ipsos.fr>.
15. Sondage CSA/Le Parisien, réalisé les 26 et 27 mars 1999.
16. Les Français veulent aider les réfugiés, Sondage effectué Ipsos pour Le Haut Commissariat des Nations Unis pour les Réfugiés, Date du terrain: Les 29 et 30 octobre 1999 // <http://www.ipsos.fr>.
17. Polls. “Serbia/Yugoslavia/Kosovo” // <http://www.pollingreport.com>.
18. The Rew Research Center for the People and the Press. // <http://people-press.org/>.
19. Slobodan Milošević // http://en.wikipedia.org/wiki/Slobodan_Milošević.
20. Рубинский Ю.И. Политика западноевропейских держав в отношении косовского конфликта // Косово: международные аспекты кризиса. М., 1999.

© 2007 г. С. Н. ЗАПРУДСКИЙ

НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ РЕФОРМЫ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА 1933 ГОДА

Практическая разработка орфографии, ориентированная на реформирование, в лингвистических исследованиях занимает довольно двусмысленное положение. С одной стороны, орфография – это та область языка, которая более всего доступна рационализации [1. С. 266], подготовкой и усовершенствованием правописания обычно занимаются лингвисты и научные учреждения, залогом успешности реформаторской деятельности в языке нередко считается научная квалификация. История разработки орфографии является одной из излюбленных тем таких научных дисциплин, как история литературного языка и история языкознания. Все это способствует формированию убеждения, что выработка каких-либо орфографических установлений есть некий вид научной деятельности.

С другой стороны, истинные мотивы графико-орфографических реформ “лежат не в сфере рационализации письма, но в области социальной семиотики” [1. С. 266]. Замечено, например, что в России с начала XVIII в. развитие русского письма происходило не стихийным образом, но “в порядке государственных реформ” [2. С. 160]. В общем, не является необычной ситуация, когда о реформе правописания говорится в контексте политической борьбы с употреблением терминологии типа “силы прогресса”, “силы реакции” и т.д. (ср., например, [2. С. 166]). Та или иная орфографическая практика, таким образом, в какой-то мере не столько (или не только) продукт усилий ученых, но плод обычая, результат некоего *общественного договора*, неких складывающихся на момент реформирования сдержек и противовесов. Соответственно орфографическая практика не в слишком большой степени зависит от объективно извлекаемых учеными “законов” языка. Понимание этого обстоятельства, в частности, обусловило в 1901 г. своеобразный “капитулянтский” ответ Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук министру внутренних дел Д.С. Сипягину относительно необходимости для Академии наук занять определенную позицию в вопросе о предлагаемых министром мерах по стабилизации русского правописания: “целесообразность предлагаемых нововведений может быть обнаружена *только на опыте* ... выяснение достоинств и недостатков той или другой системы (орфографической. – С.З.) воз-

---

Запрудский Сергей Николаевич – канд. филол. наук, доцент Белорусского государственного университета.

можно *только по соображениям практическим* (курсив мой. – С.З.)... вопрос о желательности или нежелательности сохранения в неизменном виде нашего исторического правописания не подлежит обсуждению ученого учреждения, каковым является Академия...” [3. С. 560–561]. В качестве не совсем научной (хотя и “тесно связанной” с наукой) квалифицировал в ноябре 1926 г. практическую работу в области реформирования белорусского правописания прибывший в Минск на Академическую конференцию по реформе белорусского правописания и азбуки со специальным докладом профессор Московского университета П.А. Расторгуев [4. С. 27–28]). Собственно научный компонент в практической деятельности по усовершенствованию орфографии имеет скорее второстепенное, подчиненное значение, он может “отменяться” какими-то случайными факторами или событиями, зато на первый план у разработчиков правописания могут выходить культурно-политические ориентиры.

Реформа белорусского языка 1933 г. (представляемая зачастую как реформа его орфографии) неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных ученых (ср., например, [5–16]), однако до сих пор не получила достаточно детальной и сбалансированной трактовки.

В нескольких наших недавних работах описан характер протекания дискуссий о белорусской орфографии 1920-х годов, а также рассмотрен один из самых спорных вопросов орфографической практики 1920 – начала 1930-х годов – правописание заимствованных слов с неударным *о* [17–20]. В других наших работах [21; 22] охарактеризован идеологический контекст языкового реформирования 1930–1933 гг. В частности, рассмотрена резолюция бюро ЦК КП(б)Б 1930 г. “О результатах дискуссии о языкознании”, предопределившая характер языковых обсуждений на последующие годы. Проанализирована радикальная активизация идеологической работы партийных органов, а также идеологическая атмосфера, в которой работали белорусские лингвисты того времени. Представлена точка зрения, в соответствии с которой власти рассматривали орфографическую реформу белорусского языка в качестве составной части тогдашней идеологической и политической реформы. Обсуждены обстоятельства подготовки в Институте языкознания Белорусской Академии наук разных проектов правописания, работа специальной орфографической комиссии бюро ЦК КПБ и др.

Реформирование белорусского языка 1933 г. воплотилось в принятии 26 августа декрета СНК БССР “Об изменениях и упрощении белорусского правописания” (опубликован 28 августа в газете “Звезда” и впоследствии издан массовым тиражом; см. [23]). Структурно постановление состояло из преамбулы, пяти частей (“Правописание гласных”, “Правописание согласных”, “Правописание слов иностранного происхождения”, “Правописание собственных имен, фамилий и географических названий”, “Морфология”) и заключения (формально, впрочем, не отделенного от раздела “Морфология”).

В преамбуле к декрету говорилось о больших успехах, достигнутых белорусским языком, культурным и хозяйственным строительством после свершения Октябрьской революции. Однако эти успехи были достигнуты в борьбе с “великодержавным шовинизмом” и “контрреволюционным белорусским национал-демократизмом”. Три последних абзаца преамбулы квалифицировали именно вопросы борьбы с “национал-демократизмом”:

“Исходя из своих буржуазных, контрреволюционных целей белорусский национал-демократизм проводил подрывную, вредительскую работу как на хо-

зяйственном, так и на культурном фронте, в том числе и в области языка, терминологии и правописания. Национал-демократизм стремился всеми средствами и способами оторвать белорусский литературный язык от языка широких белорусских трудящихся масс, создавал искусственный барьер между белорусским и русским языками и засорял белорусский язык различными средневековыми архаизмами и буржуазными вульгаризмами.

Существующее белорусское правописание существенно засорено указанными национал-демократическими течениями и поэтому подлежит изменениям” [23].

СНК БССР постановил внести в существовавшее правописание ряд изменений “в целях решительного изгнания из белорусского правописания национал-демократических влияний и искажений, облегчения широким трудящимся массам изучения белорусской грамоты, освобождения школы от непродуктивной работы при изучении белорусского правописания, в целях развития белорусской культуры и полного подчинения белорусского правописания задачам воспитания трудящихся масс в духе пролетарского интернационализма” [23].

Смысл внесенных декретом конкретных языковых изменений (п. 1–23 декрета) уже хорошо описан (ср., например, [9; 10; 14; 16]), что избавляет нас от необходимости останавливаться здесь на них подробно. В заключительной части постановления наркомату просвещения БССР и президиуму Белорусской Академии наук поручалось срочно упорядочить правила правописания на основании данного документа (п. 24). Переход на новую орфографию должен был произойти 15 сентября 1933 г. (п. 25). Наркомпросу поручалось обеспечить перевод работы школ и культурно-просветительных учреждений на новую орфографию (п. 26) и совместно с президиумом Белорусской Академии наук организовать “систематическую научную работу по дальнейшему развитию и упорядочению белорусского правописания, всей грамматики и терминологии, также организовать новое издание белорусско-русских словарей, вытравляя из белорусского языка всякие буржуазно-националистические течения и искажения” (п. 27).

Декрет СНК о правописании явился одним из мероприятий в идеолого-политической борьбе 1933 г. О таком его характере свидетельствует, в частности, непосредственная предыстория языковой реформы. Постановка властями вопроса орфографического реформирования белорусского языка в один ряд с выполнением тогдашних идеолого-политических задач, своеобразной социальной реформы, практически не оставляла выбора для белорусских лингвистов с точки зрения возможности реализации языкового реформирования на строго “академической” основе (подробно см. [21; 22]). Упоминания в тексте декрета о “вредительской” работе в хозяйственном и культурном строительстве, о необходимости вытравлять из белорусского языка буржуазно-националистические искажения, а также о подчинении правописания задачам воспитания трудящихся масс в духе пролетарского интернационализма являются отнюдь не случайными.

Однако пункты, которые символизировали разрыв с предшествовавшими установками и практикой, содержались не только в “общих” пунктах преамбулы и заключения постановления СНК. Они присутствовали и в самой “плоти” реформы, ибо нормализаторы должны были реагировать на политические вызовы своего времени. Так, на расхождение (иногда явное и категорическое) с предшествовавшими подходами, отразившимися как в предписаниях лингви-

стов, так и (полностью или частично) в языковой практике и огульно охарактеризованными в декрете как “национал-демократические”, недвусмысленно указывали следующие, “собственно языковые” пункты декрета.

– 6-е правило о регулировании написания суффиксального *с* в сочетаниях с корневым *д* (*гарадскі, грамадскі* вместо *гарадзкі, грамадзкі*). Данная орфограмма не привлекала большого внимания белорусских кодификаторов в 1920-е годы, она не обсуждалась на Академической конференции. В методических публикациях 1927–1928 гг. она упоминалась лишь однажды: З. Сцяпура привел в качестве одной из частых ошибок написание *гарацкія* вместо *гарадзкія* [24. С. 56]. В проекте 1930 г. была сохранена орфограмма *дз*, хотя в замечаниях к проекту Я. Лёсик и Я. Колас, а также В. Ластовский высказывались за написание *дс*, в то время как В. Чаржинский отдавал предпочтение орфограмме *ц* (*гарацкі, люцкі*) [25. С. 53, 56, 57]. На официальном уровне (т.е. в качестве солидарного мнения ученого заведения) предложение о реформировании данной орфограммы появилось лишь в конце июня 1933 г. в публикации “Главные моменты упрощения белорусского правописания” [26].

– 7-е правило о написании суффиксального *с* в сочетаниях с корневыми *г, ж, з, х, ш* в географических названиях (*Волжскі, Каўказскі, чэшскі* вместо *Волскі, Каўкасскі, чэскі*). Данная орфограмма не обсуждалась на Академической конференции и не упоминалась в методических публикациях журнала “Асвета”. Мнение о необходимости применять в данном случае морфологический принцип было, однако, отражено в частных замечаниях к проекту 1930 г. членов Орфографической комиссии Инбелкульта 1927–1929 гг. Я. Лёсика, Я. Коласа и В. Ластовского [25. С. 53, 56]. Тем не менее еще в основном тексте проекта 1933 г. сохранялись традиционные написания типа *волскі, чэскі, кіргіскі* [27. С. 20].

– 10-е правило о смягчении согласных перед *е* в иностранных словах (*методыка, педагог, эстафета* вместо *мэтодыка, пэдагог, эстафэта*). Предложения (иногда с оговорками и преимущественно не настойчиво) смягчать согласные в заимствованиях перед *е* в 1920-е годы выдвигались, кажется, трижды (ср.: [28. С. 2; 29; 30. С. 127]). Тем не менее данная орфограмма не обсуждалась на Академической конференции и лишь однажды была упомянута в методических публикациях 1927–1928 гг. Никто из членов Орфографической комиссии Инбелкульта 1927–1929 гг. не предлагал подобного нововведения, и даже в “Проекте упрощения белорусского правописания” середины 1933 г. данное правило еще сохраняло прежний вид [27. С. 21].

– 11-е правило о преимущественно твердой передаче *л* в иностранных словах (*бланк, план, пракламацыя* вместо *блянк, плян, праклямацыя*) и, наоборот, мягкой передаче *с* и *з* (*сістэма, фізіка* вместо *сыстэма, фізыка*). И эти орфограммы в 1920-е годы не привлекали внимания белорусских кодификаторов, они не дискутировались на Академической конференции и не упоминались в методических публикациях в качестве “слабых” пунктов белорусской орфографии. Вплоть до конца лета 1933 г. предложение передавать заимствования с использованием твердого *л* основными участниками орфографического регулирования белорусского языка не выдвигалось. Еще в “Главных моментах упрощения белорусского правописания” (июнь 1933 г.) написание типа *лампа* характеризовалось как “великодержавническое”, традиционное мягкое написание сохранялось и в изданном примерно тогда же “Проекте упрощения белорусского правописания” [26; 27. С. 21, 23]. Подобным образом закрепленное в 11-м правиле написание мягких *с* и *з* в заимствованиях в качестве альтернативы традиционному

написанию появилось довольно поздно (впервые в “Главных моментах упрощения белорусского правописания”).

– 12-е правило о передаче иностранного *th* через *ф* (*арыфметыка, арфаграфія* вместо *арытмэтыка, артаграфія*).

– 14-е правило о передаче финалей *tr, dr* (*метр, літр* вместо употребительных прежде *мэтар, літар*).

– 15-е правило о форме существительных *пролетарый, барый, алюміній*. В тексте постановления СНК упоминалась упраздненная практика прежних лет: написания с финалями *-ы, -і* либо написания с финалями без формантов *-ый* или *-ій*. (В соответствии с “Проектом упрощения белорусского правописания” середины 1933 г. формы типа *пралетар* еще допускались как варианты.)

– 16-е правило о склонении слов типа *камуніст, сацыяліст*. Формы существительных с адъективной парадигмой склонения типа *камуністы, камуністага, камуністаму* были единой и очень стойкой нормой белорусской печати с 1924 по середину 1930 г. включительно. Иногда раздавались голоса об упразднении адъективной парадигмы в пользу склонения по типу существительных [31. С. 161; 25. С. 51], однако такие предложения, кажется, не вызывали особого энтузиазма в языковедческой среде¹.

– 17-е правило, включавшее (применительно к *е*) неподчинение написания русских антропонимов и топонимов правилу аканья (*Чэрньшэўскі*) и недействие цеканья в позиции начала слова (*Терахаў*). В проекте 1930 г. русские фамилии типа *Челкашов, Тихонов* предлагалось писать как *Чалкашоў, Ціханаў* [25. С. 38].

– 18-е правило, которое радикально (причем до непонятных пределов) расширяло употребление в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода форм с окончаниями *-а, -я*; такие формы должны были употребляться “преимущественно”: “*завода, цэха, трактара, інстытута, сацыялізма, універсітэта, правапіса*, но: *жалю, болю, гаю, лесу, краю, цэменту*” [23]. Во всех подготовленных в 1920-е годы грамматических пособиях употребление окончаний *-а, -я* ограничивалось – например, существительными, обозначающими “живые” или “образные” предметы, а также названия месяцев [33. С. 60], или существительными, обозначающими “живые” предметы, “неживые” (но нераздельные) предметы, а также названиями частей тела, месяцев, мер, денег [25. С. 26].

– 19-е правило об отмене форм на *-ом, -ох* существительных множественного числа (*кіраўнікам, аб кіраўніках* вместо *кіраўніком, аб кіраўнікох*). Данные формы без каких-либо осложнений функционировали в белорусском языке вплоть до реформы 1933 г. В 1926 г. П. Бузук писал о них как о “явлениях, которые сделались сейчас характерными чертами белорусского литературного языка” [34. С. 135]. Ударные окончания *-ам, -ах* впервые были предложены в качестве вариантов в июне 1933 г. в “Главных моментах упрощения белорусского правописания”.

– 20-е правило об унификации косвенных падежей числительных *два, дзве, абодва, абедзве*. Подобная практика никогда не предлагалась никем из белорусских языковедов.

---

¹ Об истории употребления в белорусском языке существительных на *-істы, -ысты* подробнее см. [32].

– 21-е правило о неприемлемости форм глаголов первого спряжения настоящего времени второго лица множественного числа типа *ідзяці, ведзяці*, о замене их на формы *ідзеці, вядзеці*. Предложение о реформировании этого правила возникло на самой последней стадии. Еще в проекте 1933 г. формы типа *ідзяці, ведзяці* были нормативными, при этом также допускались параллельные формы типа *ідзяці, вядзяці* (также с ударением на последнем слоге) [27. С. 41].

– 22-е правило об окончаниях глаголов повелительного наклонения (*бярыце, нясіце* вместо *бярэце, нясеце*). В 1930 г. формы типа *бярэце, нясеце* были бесспорными, а в проекте 1933 г. допускались в качестве вариантных.

– 23-е правило о введении в белорусское правописание (sic!) причастий активного залога – “особенно, если они обозначают социальный смысл, например: *пануючы клас*, а не *пануючая кляса*, или *кляса, якая пануе*” [23]. С небольшими исключениями (ср. [35. С. 113; 36. С. 66; 37. С. 158]) в среде белорусских лингвистов (причем не только начала XX в., но и XIX в.) преобладало мнение об ограниченном употреблении таких причастий в белорусском языке (ср. [38. С. 184; 39. С. 67; 40. С. 143–144; 41. С. 48; 42. С. 120–122; 43. С. 76]). На официальном уровне предложение было впервые выдвинуто в “Главных моментах упрощения белорусского правописания” в июне 1933 г.

Кроме того на разрыв с практикой 1920-х годов указывали также пункты 1, 2, 4, 5 и 9 постановления.

“Общественный договор” относительно орфографии, существовавший в 1920-е годы и специально оговаривавшийся в процессе реформирования², принятием декрета СНК был нарушен: постановление правительства было принято “в назидание нацдемам” (т.е. лингвистам 1920-х годов) в нарушение установившейся практики.

Некоторые пункты декрета указывали на классовый характер языка:

– 9-е правило об аканье в заимствованных словах: “Интернациональные революционные слова не подчинять общему правилу об аканье” [23]. Как заметил немецкий славист Р. Марти, подобное выделение напоминает старые еврейские и христианские традиции, в рамках которых так называемые *nomina sacra* писались специальным образом: без вокализации в еврейских и под титлом в христианских рукописях (ср. [45]). Кроме того, установлению такого правописания способствовало то обстоятельство, что в 1920-е годы орфография заимствований с отражением неударного *o* была, в общем, обычной (см. [20]). Классовый аспект языка при формулировании этого правила оказался настолько существенным, что частное примечание-исключение об интернациональных революционных словах (тогдашних своеобразных *nomina sacra*) было вынесено на первое место, в то время как само общее правило было приведено после этого примечания.

– 16-е правило о склонении слов *камуніст, сацыяліст, марксіст* (ср. подбор иллюстраций – вопреки тому, что лексема *сацыяліст* в то время уже становилась историзмом).

---

² На необходимость согласовывать в процессе реформирования свои действия с западно-белорусскими лингвистами на Академической конференции указывал, в частности, председатель Отделения языка и литературы Инбелкульту С. Некрашевич (ср. [4. С. 50; 44. С. 9]), и такое его требование адекватно воспринималось участниками процесса реформирования (ср., например, [42. С. 106]).

– 23-е правило о введении в белорусский язык причастий активного залога, в котором вводилось различие причастий, обозначающих “социальный смысл”.

Особенностью белорусской языковой реформы 1933 г. явилась направленная против белорусских лингвистов риторика, которая неизменно сопровождала действия проводников реформы. С конца 1930 г. в белорусской печати широко популяризовалась мысль о том, что “вредительство” национал-демократов с собенной силой проявилось в белорусском языкознании. В принятом в начале марта 1933 г. постановлении бюро ЦК и президиума ЦКК КПБ “Решительный отпор антисоветским вылазкам на идеологическом фронте” указывалось, что в работе ряда институтов Белорусской Академии наук (в том числе в Институте языкознания) “были допущены крупнейшие идеологические срывы: протаскивание контрреволюционных троцкистских, бундовских, замаскированных нацдемовских и правооппортунистических установок и ошибок” (цит. по [46. С. 119]). В опубликованной тогда же коллективной статье “Укрепить руководство Наркомпроса, очистить его аппарат от гнилых либералов и классово-вражеских элементов” утверждалось, что в вопросах литературы и языкознания “протаскиваются национал-демократические установки” [47]. Спустя две недели объединенный пленум ЦК КПБ и Минского горкома КПБ поручил фракции президиума Академии наук “особенно серьезно заняться в ближайшее время вопросами белорусского языка, обеспечив правильную большевистскую разработку и своевременный выпуск материалов по этому вопросу, разработку терминологии, языка, словаря и т.д.” [48. С. 13].

В 1933 г. директор Института языкознания Белорусской Академии наук П. Бузук был неоднократно подвергнут публичной критике со стороны секретаря ЦК КПБ В. Жабровского, в июле 1933 г. он был снят с этой должности. Только полтора месяца проработал директором Института преемник П. Бузука И. Дворчанин – 16 августа он был арестован по обвинению в шпионаже в пользу иностранных разведок.

В передовой статье газеты “Звезда”, напечатанной в одном номере с декретом СНК, в связи с его принятием говорилось о “засевших в АН и в органах НКП контрреволюционных белорусских нацдемах, которые под маркой разных академических споров активно проводили свою контрреволюционную деятельность”. В статье утверждалось, что ЦК КПБ “со всей большевицкой непримиримостью вскрыл целый ряд фактов контрреволюционной деятельности” [49].

Идеологическая составляющая постановления СНК хорошо видна и по событиям, произошедшим после его принятия.

1 сентября 1933 г. газеты “Звезда” и “Рабочий” опубликовали интервью с первым вице-президентом Белорусской Академии наук Т. Домбалем. Помимо суждений, которые можно непосредственно соотнести с текстом постановления СНК, в интервью присутствовали также мнения, обусловленные осведомленностью Т. Домбалья в вопросах орфографии в качестве высокопоставленного функционера Академии наук и человека, который имел непосредственное отношение к попыткам реформировать тогдашнюю польскую орфографию³. Так, Т. Домбаль заметил, что национал-демократы создавали новые слова на принципах пуризма, отрывали белорусский язык от “словоров пролетариата и

³ О попытках реформировать в БССР польскую орфографию см. [50].

крестьянства”, не пропускали в белорусский язык советизмы, занимались “грубой полонизацией” белорусского языка. По мнению вице-президента Академии наук, при разработке вопросов реформы белорусской орфографии были также учтены и процессы скрещивания языков [51].

Опубликованная беседа, однако, вызвала неудовольствие со стороны ЦК КПБ по причине того, что в ней, с одной стороны, не упоминалась специальная орфографическая комиссия бюро ЦК КПБ и, с другой, – в положительном-нейтральном контексте была сделана ссылка на Институт языкознания Академии наук. В связи с публикацией интервью Т. Домбаль, а также ответственный руководитель Белорусского Телеграфного Агентства Усталый и сотрудник газеты “Звезда” А. Джелюк 2 сентября вынуждены были дать специальные объяснения. В своей записке Т. Домбаль сообщил, что в первоначальном, подготовленном исполняющим обязанности директора Института языкознания Я. Матюкевичем проекте интервью указание на комиссию бюро ЦК КПБ с перечислением всех ее членов содержалось. Однако впоследствии, руководствуясь соображениями политической целесообразности, вице-президент Академии наук решил опустить этот фрагмент (“не нужно открывать классовым врагам возможности атаки против руководящих товарищей, а я уверен, что в ближайшие дни польская фашистская и белорусская национал-фашистская печать начнет бешеную атаку, пытаясь дискредитировать все основы нового белорусского правописания”). Что касается Академии наук, то, по мнению Т. Домбаль, в интервью было “необходимо и политически целесообразно” подчеркнуть рост Академии наук, “очищенной нашей партией от нацдемов, упомянув о ее развитии при новом руководстве во главе с т. Гориным (президентом Белорусской Академии наук. – С.З.)... Говоря о работе Института языка, я ведь не смог в этом интервью вскрывать его внутренние недостатки, которые неоднократно отмечались на президиуме БелАН и в дальнейшем мы стремимся укрепить его политически” [52. Оп. 14. Д. 142. Л. 180–182].

3 сентября вопрос об интервью Т. Домбаль рассматривался на заседании бюро ЦК КПБ. Было решено, что член ЦК КПБ Т. Домбаль “неправильно” дал интервью без согласования с ЦК КПБ. “Неправильными и недопустимыми” были признаны также действия редакторов газет “Звезда” и “Рабочий”, которые напечатали интервью без согласования с ЦК КПБ. По причине того, что в соответствии с резолюцией бюро ЦК КПБ в интервью Т. Домбаль вопрос о работе Академии и особенно Института языкознания был поставлен не самокритически, не были отмечены “те политические прорывы, которые были в работе этого Института на протяжении длительного времени, чем снижено политическое значение декрета по правописанию”, председателю СНК Н. Голодеду было поручено подготовить дополнительное “политическое развернутое” интервью по данному вопросу. Помимо этого Н. Голодеду, А. Червякову, В. Шаранговичу и В. Жабровскому поручалось провести ряд бесед с учителями и писателями о значении упрощения правописания с последующей публикацией соответствующих материалов в печати. Наконец, наркому просвещения А. Чернушевичу и Т. Домбалью было поручено также подготовить газетные статьи, в которых должна была освещаться реализация в школах декрета СНК и значение этого постановления вообще [52. Оп. 3. Д. 115. Л. 18].

Своеобразной компенсацией в связи с допущенными Т. Домбальем “ошибками” явилась публикация передовой статьи в газете “Звезда” по случаю введения новой орфографии в практику. В статье говорилось о “замазывании ошибок и

искажений, которые имели и имеют место в БАН, в частности в Институте языкознания, где нацдемское охвостье пыталось и пытается под разными предлогами протаскивать свои идеи” [53].

В середине октября 1933 г. в печати появилась очередная статья, дискредитирующая деятельность Института языкознания Белорусской Академии наук. Ее автор А. Желюк утверждал, что “на фронте языкознания в Белоруссии классовая борьба приобрела острые формы. Буржуазные националисты, белорусские национал-демократы всеми силами стремились к тому, чтобы привить белорусской лингвистике кулацкие, буржуазно-националистические установки”. Особое внимание Желюк уделил бывшему директору Института П. Бузуку, который “в самый острый момент борьбы с национал-демократами фактически покрывал засевших в тогдашнем Инбелкульте нацдемов... Бузук там, где позволяла обстановка, открыто выступал против политики партии”.

Критике Желюка была подвергнута изданная в 1931 г. “Анкета для збірання матэрыялаў па беларускай мове”, подготовленная П. Бузуком, Я. Матюкевичем и П. Юргелевичем. Согласно автору “Звядзы”, в этой брошюре имели место национал-демократические установки. Желюк написал, что в Институте языкознания “свили себе сильное гнездо националистические антисоветские элементы, продолжая свою вредную работу под фальшиво национальным флагом... В картотеке собранных слов хранятся, например, избранные антисоветские высказывания Лёсика, Ластовского, Некрашевича и других... Кто же дал право людям, сидевшим в Институте языкознания, так нагло оберегать это наследие? Как могло случиться, чтобы ни президиум БАН, ни партийная ячейка не заметили этого и не приняли мер для очистки Института языкознания от классово чужих элементов и их наследия”.

Автор сослался на августовское выступление секретаря ЦК КПБ В. Жабровского на совещании заведующих районных отделов народного просвещения и высказал сожаление по поводу того, что данная на этом совещании оценка Академии наук (Жабровский говорил на совещании об “исключительной засоренности” Академии “буржуазно-кулацкими элементами”) “не была подхвачена партколлективом БелАН и “коммунистами”, работавшими в Институте языкознания. Коммунисты – работники БелАН – “вместо энергичной борьбы с нацдемовщиной, вместо беспощадной критики ошибок отдельных партийных и беспартийных работников, стали на путь смазывания ошибок”.

Желюк также не обошел стороной “ошибки и искажения”, допущенные и все еще допускающиеся в работе сотрудниками и соавторами П. Бузука. Так, по его категорическому мнению, заместитель директора Института языкознания Я. Матюкевич был национал-демократом. В вину Матюкевичу было поставлено то, что он хранил картотеку Института и старался “смазать” вину других работников. В изданной с его участием брошюре “под видом решения спорных вопросов протаскивались национал-демократические установки”. В другой его совместной с П. Бузуком и В. Бондаренко работе борьба партии с национал-демократизмом “почти не упоминается” [54].

Некоей имитацией научной деятельности явилась попытка президиума Академии наук в конце сентября 1933 г. уточнить некоторые правила декрета. Так, 28 сентября было принято решение предложить СНК отменить в 17-м правиле постановления предписание о передаче начального мягкого *m* в небелорусских именах, фамилиях и географических названиях – “исходя из особенностей белорусского разговора”, было предложено пользоваться буквой *ц*. Также участни-

ки заседания президиума Белорусской АН постановили затвердить употребление в белорусском языке всех возможных (четырёх) форм причастий, имеющих в именительном падеже окончание *-ый*: *пануючы́й, разгарнуўшы́й, эксплуата́цый, вырашаны́й* [55].

Предложения, направленные на уточнение декрета, 22 ноября рассматривались также на заседании бюро ЦК КПБ, при этом, кажется, участников заседания более всего волновало то обстоятельство, что в 9-м правиле были перечислены не все “интернациональные революционные слова”. Поэтому было постановлено добавить к перечисленным в первоначальной публикации декрета лексемы *комсамол* и *пiонэр*, распространить действие данного правила и на все производные от данной группы слов лексемы, а также писать через *о* слово *профiнтэрн*. Также были утверждены “внесенные комиссией” (надо думать, орфографической комиссией бюро ЦК КПБ) поправки к подпункту “д” 17-го правила и к 23-му правилу⁴. На заседании народному комиссариату просвещения, агитационно-массовому сектору ЦК, горкомам и райкомам партии было поручено развернуть среди трудящихся, “особенно среди учительства, широкую политико-массовую работу по разъяснению политической сущности реформы белорусского правописания”, а СНК БССР – внести дополнения к декрету [52. Оп. 3. Д. 125. Л. 26].

На заседании СНК БССР 7 декабря 1933 г. в прежнее постановление от 26 августа были внесены предложенные дополнения и поправки в части “интернациональных революционных слов”, однако предложение относительно написания начального *ц* в небелорусских именах, фамилиях и географических названиях (типа *Церахаў, Церак, Цвер*) было отклонено. Также было отклонено предложение кодифицировать в белорусском языке все четыре формы причастий с окончаниями в именительном падеже на *-ый*; это правило было утверждено в редакции, в соответствии с которой причастия могли употребляться в белорусском языке только в тех случаях, когда они обозначали социальный смысл [56].

Между тем, как и предсказал Домбаль, за пределами БССР стали появляться отрицательные отклики на принятый СНК декрет. Не имея еще полного текста постановления и исходя только из корреспонденции из Москвы, напечатанной в газете “*Kurjer Warszawski*”, орган Общества белорусского просвещения в Вильне, двухнедельник “Родны край” 7 октября напечатал однозначно отрицательный отклик на принятие декрета СНК. В публикации отмечалось, что постановление СНК появилось “совсем неожиданно, без предупреждения в печати, без обработки его в компетентных белорусских научных учреждениях”. Автор статьи обратил внимание на то, что накануне принятия декрета не была проведена научная конференция, и на то, что белорусские власти даже и не скрывали политического содержания этой реформы. В статье утверждалось, что принятие декрета СНК знаменовало собой приход “новой эры” в советском культурно-просветительском строительстве в Белоруссии, когда “разрушалось все то, что было построено в первое десятилетие”. Постановление СНК характеризовалось в статье как подготовленное “московско-минскими политиками” [57].

---

⁴ Надо полагать, в данном случае имелись в виду поправки, восходящие к предложениям президиума Белорусской Академии наук.

Через две недели “Родны край” опубликовал еще две статьи о принятой реформе белорусского языка, политические оценки в обоих материалах были еще более категоричными: “Красная Москва окончательно сняла маску”, “советская власть отменила белорусскую грамматику”, “белорусскому народу Сталин вынес смертельный приговор” [58], “навязывание белорусам русской грамматики” [59].

В конце октября 1933 г. в Вильне состоялось чрезвычайное общее собрание Белорусского научного общества (БНТ), на котором обсуждалась принятая в БССР языковая реформа. Исходя из характера преамбулы и конкретных языковых изменений, участники собрания пришли к выводу, что Белорусская Академия наук не принимала в подготовке декрета “никакого участия”. В постановлении утверждалось, что реформа запретила использовать существующие в белорусской печати “наиболее характерные звуковые особенности” белорусского языка. Члены БНТ утверждали, что реформа была проведена “в обход единственно компетентных в этом деле белорусских научных учреждений и в резком противоречии с позицией, которую прежде занимали и БАН в Минске, и БНТ в Вильне... а также с общеизвестной позицией таких выдающихся белорусских ученых, как акад. Е. Карский, акад. Б. Тарашкевич и др.”. Собрание протестовало против декрета СНК, увидев в нем “акт чисто политический, который, поправ требования науки, поломав белорусскую грамматику и совершив насилие над живым белорусским языком, стремится этим путем к слиянию белорусского литературного языка с русским” [60].

Во исполнение постановления бюро ЦК КПБ от 3 сентября о “политически развернутом” интервью в начале декабря 1933 г. состоялась встреча председателя СНК БССР Н. Голодеда с представителями педагогической, писательской и научной общественности, на которой Голодед выступил с большой речью. Председатель СНК охарактеризовал декрет правительства как “документ величайшей политической важности” и подчеркнул, что постановление “вооружает массы на борьбу за пролетарский интернационализм”. Голодед поставил перед собранными представителями интеллигенции задачу развернуть “самую широкую пропаганду, разъяснение политической сущности нашей реформы... самую широкую пропаганду политических задач реформы белорусского правописания, ежедневную неутомимую борьбу за их практическое осуществление” [61].

11, 13 и 15 декабря 1933 г. состоялось общее собрание писателей Минска, в котором также участвовали научные сотрудники и “другие работники идеологического фронта” [62]. Собрание было созвано как своеобразное контрпропагандистское мероприятие по отношению к откликам на реформу СНК западной печати. С вступительным словом к присутствующим обратился ответственный секретарь оргкомитета Союза советских писателей Белоруссии Я. Бронштейн, с докладом выступил известный “пролетарский поэт” и одновременно директор Института языкознания Белорусской Академии наук А. Александрович. Бронштейн охарактеризовал вопрос языка как вопрос классовой борьбы и именно этим обстоятельством объяснил “поднятый в последнее время вой национал-фашистов у нас и за границей” по поводу декрета об упрощении белорусской орфографии. Александрович сказал, что созванная в 1926 г. Академическая конференция по существу выполняла заказ фашистов, а арестованные в 1930–1933 гг. ученые и писатели В. Ластовский, А. Сидоренко и другие выполняли

“специальный заказ международной буржуазии по отрыву Советской Белоруссии от Советского Союза”. Все ораторы на собрании единодушно поддержали проведенную правительством языковую реформу. В своих выступлениях писатели в значительной степени всего лишь повторили “в художественной форме” тезисы речи Н. Голодеда, услышанной ими накануне. На основании прозвучавших выступлений позже под грифом Института языкознания Белорусской Академии наук был издан специальный сборник под названием “Писатели БССР о реформе правописания белорусского языка” [63]. Как заметил английский славист П. Мэйо, сборнику более пристало бы название “Писатели БССР о национал-демократизме”, поскольку в нем больше освещалась эта тема, нежели сама языковая реформа [14. Р. 39]. На собрании выступил только один лингвист – П. Бузук. В отличие от выступлений других участников собрания, его речь не была опубликована ни в репортаже с собрания, ни в изданном сборнике, однако сообщалось, что он “признал критику своих ошибок в печати и в докладе т. Александровича по поводу его буржуазной, контрреволюционной деятельности на языковедческом фронте правильной” [62].

После шумного публичного одобрения нового правописания писателями (среди них были все главные деятели белорусской литературы, объединенные к тому времени вокруг оргкомитета Союза писателей Белоруссии) и другими деятелями культуры [64] кампания по пропаганде новой орфографии в основном завершилась. Поступавшие в вузы абитуриенты обязаны были не только прочно владеть новой орфографией белорусского языка, но и понимать политическую сущность проведенной реформы (см. [65. С. 9]). В Западной Белоруссии в 1936 г. Я. Станкевич издал брошюру, в которой, руководствуясь якобы научными соображениями, последовательно забраковал абсолютно все пункты декрета СНК [5], однако это уже не имело значения для функционирования новой орфографии в БССР.

Вместе с тем следует констатировать, что в процессе принятия реформы были утверждены и некоторые правила, которые неоднократно предлагались лингвистами 1920-х годов. К таким правилам следует зачислить пункты 1, 2, 4–5, 9 постановления.

В интерпретации П. Мэйо, в отношении ряда важных пунктов (ограничение яканья первым предупредительным слогом, сохранение неударных *e*, *э* в заимствованиях, разные правила правописания собственных имен и топонимов) в декрет были включены изменения, предложенные прежде авторами проекта 1930 г., но это было преимущественно делом случая [15. Р. 26]. Дж. Дингли свидетельствует, что многие из изменений 1933 г. действительно рекомендовались прежде на Академической конференции и/или составителями проекта 1930 г., однако приводит ряд “спорных” пунктов, причем к их числу относит и некоторые такие (например 4, 5, 18), которые не вошли в приведенный выше наш перечень [16. Р. 154–155]. Оба британских автора отдают должное политическому воздействию на языковое реформирование в Белоруссии [14. Р. 39–40, 42–44; 15. Р. 26; 16. Р. 153–155].

Поскольку в конце 1920 – начале 1930-х годов не существовало некоего единственно правильного или “строго научного” способа реформирования орфографии белорусского языка, постольку не приходится с полной уверенностью утверждать, что в процессе реформирования 1933 г. какие-то правила обязательно должны были быть приняты, в то время как другие – нет. (Единственное исключение составляет разве что лингвистически немотивированное

“правило” относительно правописания неударного *o* в заимствованиях, основанное на субъективном критерии размежевания адаптированных и неадаптированных слов.) Как показала практика 1926–1930 гг., участники процесса усовершенствования белорусского правописания не всегда были последовательными и иногда отвергали ранее солидарно поддержанные подходы. Приведем, например, то обстоятельство, что вопреки (как показало будущее, перспективному) постановлению Академической конференции 1926 г. о неизменном написании частицы *ne* и предлога *bez* [4. С. 293, 393, 428–429] составители проекта 1930 г. преимущественным большинством голосов решили тем не менее сохранить прежнюю редакцию этого правила [25. С. 12]. Точно также обращает на себя внимание различие в подходах к возможности сокращать начальное *u*, которое проявилось и на Академической конференции, и во время подготовки проекта 1930 г. Если в 1926 г. предложение Я. Лёсика не сокращать начальное *u* во всех случаях было отклонено [4. С. 309–310, 394], то в 1930 г. оно было поддержано [25. С. 13]; на Академической конференции предложение Я. Лёсика не обозначать ассимилятивное смягчение свистящих многими отвергалось [4. С. 217, 227, 229, 237, 248–249], а в процессе подготовки проекта 1930 г. оно получило (пусть незначительную) поддержку [25. С. 15]. Тем более существенна разница между постановлениями Академической конференции и проекта 1930 г. касательно графики: в последней резолюции конференции в части алфавита не учтены. Очевидно, что в процессе обсуждения и принятия решений относительно белорусской орфографии в 1926–1930 гг. определенное значение имели случайные (и значит не подлежащие прогнозированию) факторы.

Исходя из характера протекания дискуссий и принятых постановлений можно утверждать, что реформирование, будь оно совершено в 1926 г., имело бы несколько иную форму по сравнению с планировавшимися изменениями 1930 г. Однако невозможно предсказать точную форму изменений, которые случились бы после 1930 г. в случае эволюционного (а не революционного, как это произошло) развития событий.

Тем не менее, пренебрегая политическим контекстом принятия реформы, некоторые авторы отстаивают обоснованность (научную) реформы 1933 г. вообще либо, по крайней мере, особую (научную) мотивированность многих ее пунктов. Так, например, А.И. Журавский полагает, что принятое на основании реформирования 1933 г. белорусское правописание включало “основные предложения по орфографии, высказанные на конференции 1926 г. и отраженные в проектах 1930 и 1933 гг.” [11. С. 136]. По мнению того же автора, например, окончания *-ам, -ям, -ах, -ях* у существительных мужского и среднего рода дательного и предложного падежей множественного числа (19-й пункт постановления СНК), а также формы повелительного наклонения глаголов на *-іце, -ыце* (21-й пункт постановления) были включены в белорусскую грамматику по причине того, что введенные Б. Тарашкевичем формы на *-ом, -ём, -ох, -ёх, -еце, -эце* воспринимались населением восточной Беларуси как чужие [66. С. 141]. Как полагал академик А.И. Подлужный, установление реформой 1933 г. написания буквы *i* после *s* и *z* в заимствованиях, а после других согласных – *e* “имело глубокие научные основания” [13. С. 135]. Так же одобрительно отнесся А.И. Подлужный и к введению постановлением 1933 г. написаний типа *арыфметыка, міф, кафедра, арфаграфія* [13. С. 136]. Если абстрагироваться от несомненно имеющих место в данном случае личных склонностей авторов, то наверняка есть основания говорить о *conclusio existimatioque ex eventu* (выводе на основании

результата), а не о выводах, сделанных на основании реальной оценки происходивших накануне реформы 1933 г. событий. Приписывание “научного” характера принятым в 1933 г. правилам произошло и происходит не потому, что они являлись таковыми на самом деле (по-белорусски одинаково “научно” было бы писать как *свет*, так и *сьвет*, как *арыфметыка*, так и *арытмэтыка*, как *га-радскі*, так и *гарадэкі* и пр.), но потому, что их впоследствии легитимизировало употребление. Белорусский случай показывает: в орфографической практике бывает, что законным и “научным” является не то, что установлено учеными в дискуссиях, но то, что по каким-либо причинам (в том числе “ненаучным”) утвердилось и реально употребляется.

Реформа белорусского языка 1933 г. являет собой пример непосредственно-го воздействия на языковое реформирование идеологических факторов. Они были очевидны во время принятия декрета СНК, однако впоследствии затушеваны – благодаря усилиям политиков, писателей, историков белорусского языка и языкознания. Тесная связь идеологии и языкового реформирования проявилась и позже, в 1990-е годы, когда реформа 1933 г. многими (прежде всего писателями и журналистами) жестко критиковалась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мечковская Н.Б.* Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. Минск, 2000.
2. *Истрин В.А.* 1100 лет славянской азбуки. М., 1988.
3. *Чернышев В.И.* Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов – реформаторы русского правописания (По материалам архива Академии наук СССР и личным воспоминаниям) // *Чернышев В.И.* Избранные труды в двух томах. М., 1970. Т. 2.
4. Працы Акадэмічнай канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі. Мінск, 1927.
5. *Станкевіч Я.* Змена граматыкі беларускага языка ў БСРР // *Станкевіч Я.* Збор твораў у двух тамах. Мінск, 2002. Т. 1.
6. *Шчэрбін В.* Факты і міфы. Рэформа беларускага правапісу 1933 года // *Беларуская мова і літаратура ў школе.* 1989. № 9.
7. *Жураўскі А. І.* Рэформа правапісу: як гэта было // *Настаўніцкая газета.* 1991. 5 VI, 8 VI, 12 VI, 22 VI, 26 VI, 29 VI, 3 VII.
8. *Лыч Л.[М.]* Моўная рэформа 1933 года. Ідэалагічны аспект. Мінск, 1993.
9. *[Сямешка Л.І.]* Рэформа беларускага правапісу 1933 года // *Беларуская мова: Энцыклапедыя.* Мінск, 1994.
10. *Шакун Л.М.* Рэформа правапісу і граматыкі 1933 года // *Шакун Л.М.* Гісторыя беларускага мовазнаўства. Мінск, 1995.
11. *Жураўскі А. І.* Беларуская мова ў дваццатым стагоддзі // *Гуманітарна-эканамічны веснік.* 1996. № 1.
12. *Запрудскі С.[М.]* Правапісныя рэформы ў славянскіх літаратурных мовах у XX стагоддзі. Даклад на XII Міжнародным з’ездзе славістаў. Мінск, 1998.
13. *Падлужны А.[І.]* Праблемы беларускага правапісу і Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа // *Полымя.* 2005. № 10.
14. *Mayo P.J.* The Alphabet and Orthography of Byelorussian in the 20th Century // *The Journal of Byelorussian Studies.* 1977. Vol. IV. № 1.
15. *Mayo P.J.* Byelorussian Orthography: from the 1933 Reform to the Present Day // *The Journal of Byelorussian Studies.* 1978. Vol. IV. № 2.
16. *Dingley J.* The Byelorussian Language – Creation and Reform // *Language Reform. History and Future / Ed. by I. Fodor, C. Hagège.* Hamburg, 1989. Vol. IV.
17. *Запрудскі С.[М.]* Абмеркаванне праблем правапісу ў пачатку – сярэдзіне 1920-х гг. // *Роднае слова.* 2005. № 9.
18. *Запрудскі С.М.* Акадэмічная канферэнцыя па рэформе беларускага правапісу і азбукі 1926 г. // *Веснік БДУ. Серыя 4.* 2004. № 3.

19. *Запрудскі С.[М.]* Распрацоўка правапісу беларускай мовы ў канцы 1920-х гг. // Роднае слова. 2005. № 10.
20. *Запрудскі С.М.* Да гісторыі правапісу ненаціскага о ў запазычаных словах у 1920-х – пачатку 1930-х гг. // Веснік БДУ. Серыя 4. 2005. № 1.
21. *Запрудскі С.[М.]* Сітуацыйныя фактары распрацоўкі правапісных нормаў беларускай мовы ў 1930–1932 гадах // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2005. Т. 50. № 3–4.
22. *Запрудскі С.М.* Сітуацыйні чыннікі здзяйснення рэформы білоруськоі мовы 1933 року // Мовознаўства. 2006. № 6.
23. Аб зменах і спрашчэнні беларускага правапісу. Пастанова Савету народных камісараў БССР. Мінск, 1933.
24. *Сцяпура Зм.* Як чытаюць і пішуць беларускія школьнікі (Паводле тэстаў школьнай паспяховаасці) // Асвета. 1927. № 4.
25. Беларускі правапіс (праект). Апрацаваны Правапіснай камісіяй Беларускае Акадэміі навук. Мінск, 1930.
26. Інстытут мовознаўства Беларускай акадэміі навук. Галоўныя моманты спрашчэння беларускага правапісу // Звязда. 1933. 28 VI.
27. Праект спрашчэння беларускага правапісу. Мінск, 1933.
28. *Станкевіч Я.* Правапісь чужых слоў. Вільня, 1921.
29. *Воўк-Левановіч Я.В.* Пацікавіўся, прачытаў і... пашкадаваў, што прачытаў // Савецкая Беларусь. 1928. 22 II.
30. *Горбах Р.* [Рец. на кн.: *Некрашэвіч С.М., Байкоў М.Я.* Расійска-беларускі слоўнік. Мінск, 1928] // Уздым. 1928. Кн. 2.
31. *Байкоў М.Я.* Да пытання аб чужаземных словах у нашай мове // Польшыма. 1927. № 4.
32. *Запрудскі С.[М.]* Аб дынаміцы узусу беларускай літаратурнай мовы 1920–1930-х гг. (гісторыя адпрыметніковых назоўнікаў на *-істы/-ысты*) // Studia Russica. 2005. Vol. XXII.
33. *Лёсік Я.* Беларускі правапіс. Мінск, 1927.
34. *Бузук П.* Мова і правапіс твораў Якуба Коласа // Якуб Колас у літаратурнай крытыцы. Мінск, 1926.
35. *Бузук П.* Культура мовы ва “Узвышшы” // Маладняк. 1929. № 5–6.
36. *Бузук П.* Увагі аб мове і стылю маладнякоўцаў // Маладняк. 1927. № 5.
37. *Станкевіч Я.* [Рец. на кн.: *Б. Тарашкевіч.* Беларуская граматыка для школ. Вільня, 1929] // *Станкевіч Я.* Збор твораў у двух тамах. Мінск. 2002. Т. 1.
38. *Чачот Я.* Прадмова да “Сялянскіх песень з-над Нёмана і Дзвіны” (1846 г.) // *Чачот Я.* Наваградскі замак. Творы. Мінск, 1989.
39. *Taraškiéwič V.* Bielaruskaja hramatyka dla škoł. Wilnia, 1918.
40. *Лёсік Я.* Школьная граматыка беларускае мовы. Мінск, 1927.
41. *Некрашэвіч С.* Правапіс спрэчных дзеяслоўных форм // Выбраныя навуковыя працы акадэміка С.М. Некрашэвіча. Да 120-годдзя з дня нараджэння. Мінск, 2004.
42. *Лёсік Я.* 1921 – 1930. Збор твораў. Мінск, 2003.
43. *Чорны К.* Небеларуская мова ў беларускай літаратуры // *Чорны К.* Збор твораў у васьмі тамах. Мінск, 1975. Т. 8.
44. *Некрашэвіч С.* Акадэмічная канферэнцыя па рэформе правапісу і графікі і вынікі яе працы // Наш край. 1927. № 1.
45. *Марці Р.* Алфавіт і правапіс – лінгвістычны і сімвалічны аспекты // Матэрыялы IV Міжнароднага кангрэса беларусістаў. Мінск, 2007 (в печати).
46. *Жаброўскі В.Ю.* Задачы мастацкай літаратуры БССР. Мінск, 1933.
47. *Джэлюк, Такарчук, Шаткін.* Умацаваць кіраўніцтва Наркамасветы, ачысціць яго апарат ад гнілых лібералаў і класава-варожых элементаў // Звязда. 1933. 3 III.
48. Рэзалюцыя аб’яднанага пленуму ЦК КПБ і ЦКК. 17–20 лютага 1933 г. Мінск, 1933.
49. У барацьбе за пралетарскі інтэрнацыяналізм // Звязда. 1933. 28 VIII.
50. *Лаўрэцкая В.* Старонка з гісторыі беларускай паланістыкі (Спроба рэформы польскага правапісу ў БССР) // Studia nad polszczyzną kresową. Warszawa, 2001. Т. X.
51. О рэформе беларускага правописания. Беседа с первым вице-президентом Белорусской академии наук т. Т. Домбалем // Рабочий. 1933. 1 IX; Звязда. 1933. 1 IX.
52. Национальный архив Республики Белоруссии (НАРБ). Ф. 4.

53. Новы беларускі правапіс // Звязда. 1933. 16 IX.
54. Джэлюк [А]. Да канца разбіць рэшткі нацдэмаўшчыны на мовазнаўчым фронце: Да чысткі ячэйкі Акадэміі Навук БССР // Звязда. 1933. 13 X.
55. Центральный научный архив Национальной академии наук Белоруссии. Ф. 1. Арх. № 21а. Протокол № 30.
56. Пастанова Савета Народных Камісараў БССР «Аб дадатках і папраўках да пастановы СНК БССР “Аб зменах і спрашчэнні беларускага правапісу”» // Звязда. 1933. 9 XII.
57. Дэкрэт аб новым беларускім правапісе // Родны край. 1933. 7 X.
58. Масква зняла маску // Родны край. 1933. 21 X.
59. “Рэформа” беларускага правапісу ў БССР // Родны край. 1933. 21 X.
60. Пратэст Беларускага Навуковага Таварыства проці дэкрэту СНК БССР аб рэформе беларускага правапісу // Родны край. 1933. 4 XI.
61. Сутнасць рэформы беларускага правапіса. З прамовы т. Галадзеда на прыёме дэлегацыі пісьменнікаў, настаўнікаў і навуковых работнікаў // Звязда. 1934. 10 I.
62. Цэлеш М. Класавая барацьба на мовазнаўчым фронце // Літаратура і мастацтва. 1933. 25 XII.
63. Пісьменнікі БССР аб рэформе правапіса беларускай мовы. Мінск, 1934.
64. Ж. Акторы аб пастанове СНК // Літаратура і мастацтва. 1934. 6 II.
65. Даведнік для паступаючых у Мінскі Дзяржаўны Вышэйшы Педагагічны Інстытут у 1934–1935 навучальным годзе. Мінск, 1934.
66. Журавский А.И. Истоки вариантных грамматических норм в белорусском литературном языке // Проблема нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976.

© 2007 г. А. С. СТЫКАЛИН

О РЕАКЦИИ В. ГОМУЛКИ НА СНЯТИЕ Н.С. ХРУЩЕВА (октябрь 1964 года)

Документ из фондов ЦК КПСС, хранящийся ныне в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), относится к октябрю 1964 г. Руководство КПСС во главе с новым первым секретарем ЦК Л.И. Брежневым встало перед необходимостью задним числом согласовать уже принятое решение об отставке Н.С. Хрущева с лидерами социалистических стран или, точнее, информировать их о мотивах произошедшего верхушечного переворота. Среди тех зарубежных коммунистических лидеров, встрече с которыми уделялось первоочередное внимание, был первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) В. Гомулка – не только по причине того, что за его спиной стояла 30-миллионная страна, с которой СССР (Россию) издавна связывали очень непростые отношения, но и в силу проблематичности его собственного политического лица.

В конце 1940-х годов Гомулка, хотя и был человеком, в общем прошедшим должную коминтерновскую выучку, вызывал немалое раздражение в Кремле своим слабым соответствием формировавшимся канонам руководителя “братской партии”, подотчетной Сталину и Коминформбюро. Так, вопреки давлению Москвы он упорно продолжал отстаивать свою концепцию “польского пути к социализму” даже в первые месяцы после начала открытого конфликта Сталина с Тито летом 1948 г., ставшего грозным предупреждением для всех лидеров стран “народной демократии”. Предпочтение в Кремле было отдано Б. Беруту, проявившему гораздо больше готовности смириться с крайне незавидной для польского политика ролью московского вассала. Гомулка был обвинен в “право-националистическом уклонизме” и оказался на время вне большой политики. Исключенный в конце концов из партии и проведенный более трех лет (до декабря 1954 г.) под арестом, Гомулка был, однако, востребован польской нацией позже, осенью 1956 г., в условиях глубокого кризиса всей системы. Всего через два месяца после восстановления в партии волна общественного подъема вынесла его на пост первого секретаря ЦК ПОРП. Решительно выступив тогда за равноправие польско-советских отношений, настояв на удалении из силовых структур ПНР большой группы иностранных советников, а также откомандированных из СССР советских граждан польского происхождения, Гомулка

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ка сумел значительно разрядить обстановку, нейтрализовать грозившие обернуться мощным взрывом антикоммунистические и антисоветские настроения в Польше. “В первый раз со времени своего возникновения польский коммунизм освободился от обвинений в том, что является российской марионеткой, обреченной на вечный и непримиримый конфликт с польскими национальными устремлениями... В первый раз за свою долгую, переменчивую и трагическую карьеру польский коммунизм взял на себя роль выразителя национальных устремлений к независимости и свободе”, – писал в те дни на страницах журнала “Scotsman” уроженец Польши, выдающийся британский левый политолог Исаак Дойчер (цит. по [1. Д. 229. Л. 95]).

Н.С. Хрущев и его команда сумели осознать (или, по крайней мере, почувствовать), что из всей коммунистической элиты Польши только Гомулка и его сторонники смогут облечь идею социализма в упаковку, хоть сколько-нибудь привлекательную с точки зрения польского национального сознания. В варшавском Бельведере также были готовы пойти на компромисс. И ялтинско-потсдамские установления 1945 г., и подписанный в Варшаве в мае 1955 г. договор об образовании нового военного блока воспринимались Гомулкой, отнюдь не безусловно, как гаранты сохранения незыблемости той системы международных отношений, которая смогла обеспечить для польской нации максимально благоприятное в новейшее время геополитическое пространство. Свою безусловную верность союзническим обязательствам Польши он подтвердил в начале ноября 1956 г., хотя и публично выразил несогласие с планами советского военного вмешательства в Венгрии, а через две недели и на переговорах в Москве.

Между тем, завоевания польского октября 1956 г. не получили институционального закрепления, и в течение считанных лет произошел откат к хотя и не слишком тиранической, но все же весьма неэффективной административно-бюрократической модели социализма. Летом 1958 г. Гомулка довольно спокойно смирился с фактом казни Имре Надя, хотя еще за год до этого активно выражал несогласие в связи с началом подготовки судебного процесса. Внешняя политика перекликалась с внутренней: был нанесен удар по собственным партийным “либералам” и внепартийным интеллигентам, воспринявшим идеи XX съезда КПСС как призыв к глубинному реформированию существующей системы на основе подлинной демократизации. К середине 1960-х годов “народная” Польша все более соответствовала стандартам, присущим рядовому члену “социалистического содружества”, и как только обозначилась реальная угроза позициям партократии, сохранявшийся видимый флер некоторого “либерализма” и открытости в культурной политике испарился – достаточно вспомнить о том, что в 1968 г. страну вынуждены были покинуть многие видные интеллектуалы еврейского происхождения. Расстрел рабочих выступлений в Гданьске в конце 1970 г. ознаменовал собой бесславный конец режима Гомулки.

За два года до этого польский лидер сыграл весьма нелицеприятную роль в событиях вокруг “пражской весны”, будучи в числе вдохновителей ввода войск стран Варшавского договора (ОВД) в Чехословакию 21 августа 1968 г. На его позицию проливают свет и введенные в научный оборот записи нескольких встреч лидеров социалистических стран (см. [2]), и некоторые другие источники, в том числе мемуары. Так, генерал армии А. Майоров, в августе 1968 г. выполнявший одну из ключевых функций при осуществлении военной операции в Чехословакии, вспоминает, как еще в середине августа лидер ПОРП, предпочитавший получать информацию из первых рук, пожелал принять у себя совет-

ского командарма, недавно участвовавшего в маневрах объединенных войск ОВД на чехословацкой территории, и внимательно выслушал его сообщение о внутривнутриполитическом положении в стране [3]. Собственно говоря, его интересовал лишь один вопрос: окажут ли чехи серьезное сопротивление объединенным силам Варшавского договора. Под пером мемуариста читателю в образе Гомулки предстает прожженный, ловкий, весьма циничный политикан, в котором заносчивость и презрение к толпе сочетались, впрочем, с неплохой интуицией и способностью достаточно трезво оценивать обстановку, делая надлежащие выводы для собственной безопасности.

Что же касается событий октября 1964 г., советских лидеров занимала позиция, конечно, не только Гомулки, но и других восточноевропейских руководителей, особенно тех, кто в той или иной мере проявлял самостоятельность во внешней политике – И. Броз Тито, Г. Георгиу-Дежа. Интересовала и позиция венгерского лидера Я. Кадара, с конца 1950-х годов находившегося в особенно тесных, доверительных отношениях с Хрущевым. Весть о снятии Хрущева застала Кадара как раз в Варшаве, где тот встречался с Гомулкой. По возвращении на родину 19 октября венгерский лидер выступил на митинге прямо у вокзала. Он заявил, что удивлен вестью, пришедшей из Москвы, высоко оценил заслуги Хрущева, добавив, впрочем, что руководство Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) готово работать со всеми, кого изберет советский народ. Публичное несогласие Кадара с “дворцовым переворотом” в Москве на следующий день стало темой комментариев западной прессы. Президиуму ЦК пришлось срочно командировать в Будапешт опытного М.А. Сулова. В беседе с влиятельным советским эмиссаром венгерский лидер выражал озабоченность произошедшим, не скрывал опасений по поводу возможной смены курса, призывал к сдержанности в отношении к Хрущеву [4]. Сохранилась выполненная зав. общим отделом ЦК В.Н. Малиным обрывочная запись выступления Сулова на Президиуме ЦК КПСС 22 октября, в полной мере отразившая опасения и пожелания Кадара: “Сурово [критиковали Хрущева], не сказали о заслугах. Неожиданно. [Спросили] не вносим ли мы изменения в политику и в вопросе о культе личности [Сталина?]. Просили: начнется проработка Хрущева, не проводить ее, не говорить в печати – вот был культ Сталина, вот культ Хрущева” (см.: [4. С. 872]). Реакция Кадара на снятие Хрущева нашла отражение также в донесениях посла СССР в Венгрии Г.А. Денисова (см. [5]). Кадар дал понять послу, что возможная перемена курса – не внутреннее дело КПСС, а проблема всего мирового коммунистического движения. В письме от имени Политбюро ЦК ВСРП, адресованном в ЦК КПСС, не подвергалось сомнению право КПСС решать свои кадровые вопросы без консультации с союзниками, но отмечалось, что венгерское общество знает Хрущева прежде всего с положительной стороны (см. [6]).

В целях установления более неформальных связей с венгерским лидером Л.И. Брежнев и Н.В. Подгорный посетили в феврале 1965 г. Венгрию, побывали с Кадаром на охоте (см. [7. С. 76–79]). Человек, обязанный Хрущеву своим возвышением, Кадар, однако, после вполне удавшейся февральской встречи оказал ряд жестов внимания опальному руководителю КПСС, что было делом совершенно необычным с точки зрения практики межпартийных связей и вызывало раздражение Брежнева и его окружения (см. [8]).

В реакции лидеров Польши и Венгрии на снятие Хрущева нашли отражение векторы эволюции двух коммунистических режимов. Уроки, извлеченные вен-

герской коммунистической элитой из “национальной трагедии” 1956 г., определили в целом компромиссный характер ее внутренней и внешней политики на протяжении последующих трех десятилетий. Свидетель венгерской революции польский публицист и поэт В. Ворошильский в послесловии к своему знаменитому “Венгерскому дневнику”, написанном 20 лет спустя, в середине 1970-х годов, имел все основания заметить: «С течением лет террор в Венгрии ослаб, обнаружился и исторический парадокс: в то время как обожаемый в Октябре (1956 г. – А.С.) “вождь нации” Гомулка постепенно загонял страну в состояние все большей политической и экономической зависимости от СССР, растущего угнетения, нищеты и лжи – ненавидимый (и справедливо) Кадар как бы искал путей выхода из ловушки, довольно успешно пускался в экономические эксперименты, умеренно либерализировал режим, стремился прийти к соглашению с народом и его интеллигенцией» [9. С. 145–146]. На каждом из этих двух, названных Ворошильским, незаурядных коммунистических политиков лежало, по выражению И. Дойчера, клеймо “Made in Stalinism”, и каждый из них был готов пойти на удушение реформ, если видел в них угрозу социализму, как он его понимал. Однако общая тенденция эволюции двух режимов была схвачена польским публицистом довольно верно. В отличие от Польши, где относительный успех национально ориентированных, реформаторских сил в октябре 1956 г. не был закреплен подлинным реформированием системы, что обусловило попятное движение, в Венгрии с начала 1960-х годов режим неуклонно развивался по пути либерализации. Во второй половине 1960-х годов в основном формируется та специфическая венгерская либерально-прагматическая модель социализма, которая на протяжении почти двух десятилетий служила своего рода витриной “социалистического содружества”. И в этой связи вполне закономерен вопрос, которым задавался В. Ворошильский: может быть “именно восстание, хоть и проигранное, на более длительный срок создало условия, в которых правители считают менее рискованным обращаться к народу с жестами примирения, нежели вечно завинчивать гайки?” [9. С. 146].

Гомулка воспринял отставку Хрущева совсем не так, как Кадар (значительное изменение польским лидером своего политического лица за восемь лет, с октября 1956 г. по октябрь 1964 г., находит в публикуемом документе наглядное отражение). Об опасениях ресталинизации в СССР на его встрече с советскими руководителями речи не было. Напротив. Человек, который в октябре 1956 г. был для многих поляков символом борьбы за национальный суверенитет и против сталинского наследия, теперь упрекал Хрущева за то, что тот толкал Польшу в объятия империалистов, проявлял излишнюю активность в публичной критике Сталина (давая тем самым сильное оружие в руки польских оппозиционеров). Показательна критика лидером ПОРП руководства итальянской компартии за “опасные ликвидаторские тенденции”, а в сущности именно за последовательность в осуждении сталинских методов. Впрочем, Гомулка вероятно был не до конца искренен, за его словами проглядывает и обида на то, что Польше не были предоставлены определенные кредиты, и прагматический расчет (ср. [10]).

Претензии Гомулки к Хрущеву (часто обоснованные) во многом перекликаются с тем, что говорилось в его адрес на октябрьском пленуме 1964 г. – речь там шла и о непоследовательности внешнеполитического курса, и о явно авантюристических шагах (в частности, способствовавших Карибскому кризису), и о непродуманности внутренних реформ. Подобно Брежневу и его команде поль-

ский лидер был движим заботой о повышении эффективности складывавшейся в СССР административно-бюрократической системы “зрелого социализма”, предсказуемости в функционировании ее основополагающих механизмов (что было важно для вождя союзнического государства).

Эволюция взглядов Гомулки в сравнении с октябрём 1956 г., изменив в негативную сторону его имидж в глазах миллионов поляков, не сделала его, однако, “своим” для официальной Москвы. Брежнев, хотя в целом и мог положиться на Гомулку во внешнеполитическом плане, не любил его: резкость и прямота критических высказываний польского лидера в адрес КПСС нередко выводили генсека из благостного состояния. События декабря 1970 г. в Гданьске предоставили Брежневу повод для того, чтобы помочь польской коммунистической элите освободиться от все более неудобного и для нее, и для Кремля лидера, с которым у генерального секретаря ЦК КПСС так никогда и не сложились сколько-нибудь доверительные отношения (см. [11. С. 459–463]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 30.
2. *Латыш М.В.* “Пражская весна” 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998.
3. *Майоров А.М.* Вторжение. Чехословакия 1968. Свидетельства командарма. М., 1998.
4. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы.
5. *Baráth M. Kádár, Hruschov, Brezsnjev.* Szovjet külügyi dokumentumok a magyar pártvezetés reakciójáról Ny.Sz. Hruschov leváltására // *Történelmi Szemle.* Budapest, 2003. № 3–4.
6. *Földes Gy.* Kádár és Hruschov. Barátság felső fokon // *Rubicon.* Budapest, 2000. № 7–8.
7. *Крючков В.* Личное дело. Часть первая. М., 1996.
8. *Kádár János utolsó küldeménye N.Sz. Hruschov részére* // *Levélvártári Szemle.* Budapest, 1996. № 3.
9. *Ворошильский В.* Венгерский дневник // *Искусство кино.* 1992. № 4.
10. *Tomala M.* Informacja Władysława Gomułki, I sekretarza KC PZPR, o przyczynach zwolnienia N.S. Chruszczowa ze stanowisk partyjnych i rządowych, złożona na plenum KC PZPR // *Dzieje Najnowsze.* 1998. R. XXX. 1.
11. *Шелест П.Е.* “... Да не судимы будете”. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1992.

ЦК КПСС

В соответствии с решением 24 октября имели встречу с тт. Гомулкой, Циранкевичем и Клишко (1). Беседа продолжалась более 4-х часов и проходила в очень хорошей обстановке (2). Как мы, так и польские товарищи, откровенно высказали свои мнения по вопросам, возникшим в связи с решениями октябрьского Пленума ЦК КПСС (3).

Мы информировали руководителей ПОРП о положении, создавшемся в последнее время в ЦК КПСС в связи с неправильными действиями и ошибками т. Хрущева. Рассказали об обсуждении этого вопроса на заседании Президиума и Пленума ЦК КПСС (4). Подчеркнули полное единодушие Президиума и всего Центрального Комитета при решении вопроса о т. Хрущеве, а также ту полную поддержку, которую решение Пленума получило в партии и в народе (5).

Тов. Гомулка, выслушав наше сообщение, сказал: мы довольны решением ЦК КПСС о т. Хрущеве и считаем это решение совершенно правильным. Лично у меня, сказал т. Гомулка, на протяжении ряда лет были довольно тесные от-

ношения с т. Хрущевым (6). Мы часто встречались и беседовали. Но при этом не было возможности действительно по-товарищески обсуждать вопросы. Хрущев не любил, когда ему возражали, был нетерпим к мнениям других товарищей. Всякий раз, когда мы пытались говорить с ним по вопросам, где наши взгляды не совпадали, он реагировал нервно и грубо (7).

Мы уже давно были недовольны тем, что между социалистическими странами не проводятся консультации по вопросам внешней политики (8). Тов. Хрущев выступал от имени всех социалистических стран без совета с нами, нередко менял позиции по важным международным проблемам. А это не мелочь, подчеркнул т. Гомулка.

В прошлом году дело дошло до серьезных разногласий в связи с предложением т. Хрущева заключить с США такое соглашение о нераспространении ядерного оружия, которое не мешало бы американцам создать так называемые многосторонние ядерные силы НАТО (9). Тов. Хрущеву было известно, что мы выступаем против этого. И мы были весьма удивлены, когда к нам обратились с просьбой поддержать такое предложение. Мы, конечно, высказали свои возражения, и это очень раздражило т. Хрущева (10).

Тов. Гомулка сказал, что для них всегда была непонятной позиция т. Хрущева по германскому вопросу. Конечно, отношения с Западной Германией следовало нормализовать. Но тезис о “втором Рапалло”, который не раз выдвигал Н.С. Хрущев, не мог не вызвать возражений (11). Ведь в настоящее время нет реальных условий для отрыва ФРГ от западных держав, и потому разговоры о “втором Рапалло” могли бы лишь дезориентировать народы таких стран, как ГДР, Польша и Чехословакия. Мы считаем, сказал т. Гомулка, что т. Хрущев не понимал тактической игры дипломатов Западной Германии. Его согласие на визит в ФРГ было выгодно Бонну и в то же время создавало трудности для нас (12). Безответственные заявления Аджубея еще более осложнили положение (13). Тов. Гомулка заметил, что ему были вообще непонятны в ряде случаев мотивы поездок Н.С. Хрущева в капиталистические страны (Франция) (14).

Тов. Гомулка критиковал также действия Н.С. Хрущева в период Карибского кризиса 1962 года. Он заявил, что ракеты были размещены на Кубе без консультации с другими социалистическими странами – союзниками СССР. Впоследствии Кеннеди добился удаления с Кубы советских ракет, и политическая позиция социалистических стран в кубинском вопросе в итоге была ослаблена. Мы не исключаем, подчеркнул т. Гомулка, возможности новой интервенции США на Кубе. Понятно, что даже в этом случае нельзя допустить развязывания мировой ядерной войны. Но как помочь Кубе? Какую позицию мы займем? Мы хотели бы иметь ясность в этом вопросе.

По-настоящему не была также согласована и позиция по такому важному вопросу, как договор о частичном запрещении ядерных испытаний (15). Предложение о приеме МНР в Организацию Варшавского договора было также внесено т. Хрущевым совершенно неожиданно (16).

Тов. Гомулка подробно высказывался о положении в международном коммунистическом движении и об отношениях с Китаем. Мы очень озабочены сложившимся в комдвижении положением и разногласиями с руководством КПК. О Китае, сказал он, мы писали специальное письмо Хрущеву, но он не захотел его принять (17).

Недавно США бомбили территорию ДРВ (18). Все мы довольно спокойно отнеслись к этому факту. Но ведь он означает, что США уже практически ис-

пользуют для целей агрессии трудности, возникшие в мировом коммунистическом движении. Нужно начинать говорить с руководством КПК, – сказал т. Гомулка. Конечно, китайские руководители скатились на путь национализма, но и на это были кое-какие причины. Если подумать о перспективах развития КНР на ближайшие 10 лет, то, видимо, мощь ее будет возрастать, однако китайцы вряд ли пойдут на авантюры в международных делах. Надо добиваться, чтобы КНР была вместе с нами в основных международных вопросах. Тов. Хрущев считал, что с руководителями КПК договориться нельзя (19). Конечно, у нас остаются разногласия с руководством КПК, но в данной обстановке они могут не быть такими острыми, как прежде. Сейчас руководители КПК выжидают (20). Не следует возвращаться к публичной полемике с ними. Надо поискать путей для прямых переговоров, может быть на самом высоком уровне. Следовало бы хорошенько прозондировать возможность такой встречи, приглядеться к нынешним действиям китайских руководителей. Мао Цзэ-дун вряд ли захочет выезжать за пределы Китая. Вместе с тем поездка в Пекин руководителей КПСС могла бы быть неправильно понята в мире. Поэтому нужно продумать и эту сторону вопроса.

Тов. Гомулка подчеркнул также, что перед встречей с руководством КПК необходимо посоветоваться с другими братскими партиями, прежде всего с партиями социалистических стран Европы (21).

Коснувшись вопроса о совещании братских партий и предстоящем заседании Редакционной комиссии, т. Гомулка заметил, что эти вопросы надо взвесить с учетом сложившейся сейчас обстановки. Он упомянул о том, что из 26 партий – прежних участников Редакционной комиссии – пять партий отказываются принять сейчас участие в ее работе. С нашей стороны было сказано, что КПСС исходит из того, что комиссия начнет свою работу 15 декабря, как было условлено (22).

Польские товарищи затронули также вопросы экономического сотрудничества между СССР и Польшей. По их словам, ЦК ПОРП подготовил письмо т. Хрущеву, в котором имелось в виду спросить его прямо: чего вы хотите от Польши и каким путем она должна идти? (23). Польша стремится ослабить свою зависимость от США, сократить получение от них кредитов, хлеба и другой помощи (24). А т. Хрущев неоднократно заявлял полякам: зачем вы просите экономическую помощь у Советского Союза? Ведь вам американцы дают, – берите у них! (25).

Тов. Гомулка признал, что получение кредитов от США влияет на политику Польши, связывает ей руки в борьбе против американского империализма. Вы не должны, сказал он, толкать нас в лапы империалистов.

Касаюсь ошибок т. Хрущева во внутренних делах, т. Гомулка отметил, что польские друзья уже давно с большим сомнением относились к таким мероприятиям, как разделение обкомов (26), видели его противоречивые указания в области руководства сельским хозяйством (27), стремление давать советы во многих областях, с которыми он не был знаком.

Нам, сказал т. Гомулка, далеко не все нравилось из того, что т. Хрущев публично говорил о Сталине. Мы сомневаемся, что этот вопрос нужно было поднимать на XXII съезде КПСС. Ошибкой было также переименование Сталинграда в Волгоград (28). В Советском Союзе, добавил он, появилось немало вредных книг вроде повести Солженицына, которые бросали тень на советский строй (29). Такая литература создала немалые трудности и для ПОРП. Она подогревала существующие в Польше антирусские настроения.

То, как было осуществлено развенчание Сталина, сказал т. Гомулка, уже несло вред международному коммунистическому движению. Пример – Итальянская компартия, где развиваются опасные ликвидаторские тенденции. Западная пропаганда в связи с решениями Пленума ЦК КПСС усиленно шумит о том, что компартии других стран не будут теперь считаться с КПСС. Ясно, что это рассчитано на разложение социалистического лагеря и мирового коммунистического движения. И в такой обстановке руководство Итальянской компартии считает возможным занимать позицию, которая дает пищу вражеской пропаганде (30).

Тов. Гомулка сказал также, что считает правильным решение не развертывать широкой кампании публичной критики Н.С. Хрущева, как это было сделано после XX съезда в отношении Сталина (31).

Присутствовавшие на встрече гг. Циранкевич и Клишко неоднократно подавали реплики, полностью солидаризируясь с высказываниями т. Гомулки. В конце беседы польские товарищи высказали предложение, чтобы после двусторонних бесед руководителей КПСС с представителями других братских партий состоялась неофициальная встреча руководителей партий стран СЭВа. На этой встрече можно было бы посоветоваться по вопросам укрепления единства в социалистическом лагере и в мировом коммунистическом движении, в частности, об отношениях с КПК (32).

Польские товарищи тепло благодарили за беседу. Они высказали большое удовлетворение по поводу состоявшейся встречи.

Л. Брежнев
А. Косыгин
Ю. Андропов

27 октября 1964 г.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 552. Л. 16–20

Примечания.

1. Решение о встрече представителей КПСС с представителями ПОРП было принято на заседании Президиума ЦК КПСС 22 октября. Участники заседания наметили круг проблем, которые могли затронуть в ходе беседы польские лидеры, были продуманы ответы на возможные вопросы (см. краткую запись заседания Президиума: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. С. 872–873. Протокол 166а. Пункт 1б. О встрече с т. Гомулкой и возможные вопросы). Постановление Президиума ЦК КПСС уполномочило первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина и секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова обсудить с представителями ПОРП вопросы дальнейшего развития отношений между двумя партиями, а также всестороннего сотрудничества СССР и ПНР. Как явствует из публикуемой записки о ходе встречи, многие из ожидавшихся членами Президиума ЦК КПСС вопросов действительно были поставлены польской стороной.

Владыслав Гомулка (1905–1982) – в 1945–1948 гг. генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии ППР. Освобожден от своих обязанностей на пленуме ЦК ППР 31 августа – 3 сентября 1948 г., будучи обвиненным в “право-националистическом уклоне”, а позже исключен и из ПОРП. В августе 1951 г. – декабре 1954 г. находился в заключении. 2 августа 1956 г. восстановлен в Польской объ-

единенной рабочей партии (ПОРП). В октябре 1956 – декабре 1970 г. первый секретарь ЦК ПОРП.

Юзеф Циранкевич (1911–1989) – в 1945–1948 гг. генеральный секретарь Центрального Исполкома Польской социалистической партии (ППС). После объединения двух рабочих партий в декабре 1948 г. член Политбюро ЦК ПОРП (до 1971 г.). В 1947–1952 и 1954–1970 гг. председатель Совета Министров Польши.

Зенон Клишко (1908–1989) – деятель ППР, затем ПОРП. В 1949 г. выведен из ЦК ПОРП, а затем исключен из партии по обвинению в “право-националистическом уклоне”. В 1956 г. восстановлен в партии, избран в ЦК. В 1957–1970 гг. секретарь ЦК ПОРП. В 1959–1971 гг. член Политбюро ЦК ПОРП.

2. Встреча состоялась близ польско-советской границы, в районе Беловежской пуци. Как отмечалось в “Правде” 26 октября, она прошла “в обстановке дружбы, сердечности и полного единства взглядов”. 27 октября Президиум ЦК КПСС, заслушав сообщение Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина о беседах с представителями ПОРП, принял постановление “одобрить проведенную тт. Брежневым Л.И., Косыгиным А.Н. и Андроповым Ю.В. работу во время встречи с представителями ПОРП, считать результаты встречи полезными” (Протокол 167. Пункт IV) (см.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 3. М., 2007).

3. На пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 14 октября 1964 г., Н.С. Хрущев был освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, а на следующий день, 15 октября, Президиум Верховного Совета СССР освободил его от обязанностей председателя Совета Министров СССР. Первым секретарем ЦК КПСС был избран Л.И. Брежнев. Председателем Совета Министров СССР утвержден А.Н. Косыгин. Информационные сообщения о пленуме ЦК КПСС и заседании Президиума Верховного Совета СССР были опубликованы в центральной прессе 16 октября.

4. См. рабочую запись заседания Президиума ЦК КПСС от 13–14 октября, выполненную зав. общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малиным: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 862–872. Опубликовано также: Источник. 1998. № 2. С. 125–135. Публикацию материалов октябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС см.: Исторический архив. 1993. № 1. С. 3–19.

5. Ю.В. Аксютин, изучивший общественные настроения в СССР в связи с отставкой Хрущева (главным образом на основе более поздних опросов), пришел к выводу о неоднозначной реакции граждан на это событие. Он показывает, что в обществе существовали реальные опасения политического похолодания, частичного отката к сталинским методам. См.: *Аксютин Ю.В. Хрущевская “оттепель” и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 466–475.*

6. В 1963–1964 гг. наиболее тесные контакты между Н.С. Хрущевым и В. Гомулкой происходили во время пребывания Хрущева в ПНР 10–14 января 1963 г. и пребывания Гомулки в СССР 13–18 апреля 1964 г. О советско-польских отношениях в бытность Н.С. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС см.: *Орехов А.М. Советский Союз и Польша в годы “оттепели”: из истории советско-польских отношений. М., 2005; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. М., 2000. Т. 1. Становление реального социализма. 1945–1965. Гл. 26, 34.*

7. Первая встреча Хрущева и Гомулки после долгого перерыва произошла в крайне напряженной обстановке – утром 19 октября 1956 г. в варшавском аэропорту Окэнче. Советская делегация во главе с первым секретарем ЦК КПСС

без приглашения прилетела в Варшаву для того, чтобы повлиять на решения открывавшегося в этот день пленума ЦК ПОРП, созданного в условиях углублявшегося политического кризиса в стране. Избегая рукопожатий с членами Политбюро ЦК ПОРП, Хрущев, по свидетельству очевидцев, рассыпал угрозы в их адрес, обвинял в антисоветской политике, желании отдать страну американцам. Заметив Гомулку среди встречавших, Хрущев спросил советского посла П.К. Пономаренко: “А это кто?”. Поняв, что речь идет о нем, Гомулка вызывающе произнес: “Я – Гомулка, которого вы три года держали в тюрьме”. Анализ источников, свидетельствующих об этой встрече и последующих переговорах, см.: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы “оттепели”. Глава 4.

Н.С. Хрущев в мемуарах также не мог не признать, что “встреча была необычно холодной. Мы прилетели очень возбужденные, и я, едва поздоровался, сразу же на аэродроме выказал недовольство происходящим” (*Хрущев Н.С.* Время. Люди. События. (Воспоминания в 4-х кн.). М., 1999. Кн. 3. С. 235). Именно на пленуме, состоявшемся 19–21 октября, Гомулка вопреки очевидному давлению Москвы был не только кооптирован в ЦК ПОРП, но и избран первым секретарем партии. В течение ряда дней после отъезда советской делегации из Варшавы открытым оставался вопрос о возможном применении советской военной силы в Польше. Восстание в Венгрии 23 октября перенесло главное внимание лидеров СССР с польских событий на венгерские, чему способствовали и постепенная стабилизация положения в Польше, снижение напряженности после 24 октября. Укреплению доверия между лидерами двух стран мало способствовала и следующая их встреча – 1 ноября, в районе Бреста, в преддверии советской военной акции, направленной на свержение правительства Имре Надя в Венгрии. Гомулка однозначно не поддержал принятое накануне Президиумом ЦК КПСС решение об использовании военной силы в Венгрии, а утром 2 ноября главная партийная газета “Trybuna Ludu” опубликовала текст обращения ЦК ПОРП “К рабочему классу, к польскому народу”, в котором подчеркивалось, что “вопросы защиты и удержания народной власти и завоеваний социализма в Венгрии могут решать внутренние силы – венгерский народ во главе с рабочим классом, а не интервенция извне”. Отношения лидеров двух стран до некоторой степени нормализовались в ходе первой поездки Гомулки в Москву в новом качестве – 15–18 ноября 1956 г. Обе стороны пошли на компромисс. Москва, признав за Гомулкой способность удержать ситуацию в своей стране под контролем, отказалась от любых попыток смены власти в Польше, выразила готовность к решению проблем двусторонних отношений в диалоге с действующим польским руководством. В свою очередь польский лидер подтвердил свою приверженность союзническим обязательствам ПНР по Варшавскому договору, признал правомерность присутствия в Польше советских войск на основе соответствующего правового урегулирования. Недоверие к Гомулке, впрочем, сохранялось, по крайней мере вплоть до полной консолидации в Польше коммунистической власти к 1958 г. Характерно, например, что в начале 1957 г. польский лидер не был приглашен на встречу руководителей компартий ряда социалистических стран в Будапеште. Как бы то ни было, в своих мемуарах Хрущев, посвятивший самостоятельный раздел советско-польским отношениям, в целом довольно положительно отзывался о Гомулке, отмечал искренность польского лидера в отношениях с ним.

8. Консультации по вопросам внешней политики проводились, в частности, в ходе регулярно проходивших заседаний Политического консультативного ко-

митета (ПКК) ОВД. Так, 24 мая 1958 г. ПКК подтвердил решение Москвы о сокращении численности войск стран ОВД; в феврале 1960 г. на заседании ПКК речь шла о модернизации армий, значении военной техники. В некоторых случаях консультации могли быть чисто формальными. Кроме того, несогласие кого-либо из партнеров по ОВД с позицией Хрущева вызывало, как правило, недовольство с его стороны. В 1963–1964 гг. наметился острый конфликт в отношениях руководителей СССР и Румынии, поскольку Г. Георгиу-Деж и его окружение, опасавшиеся, что их страна будет превращена в аграрный придаток более развитых стран СЭВ, все более демонстративно проявляли свою незаинтересованность в далеко идущей интеграции в рамках СЭВ, взяв курс на экономическую автаркию. Румынские лидеры выступали также за расширение самостоятельности союзников СССР в рамках ОВД, в том числе усиление их веса при принятии сугубо военных решений. Румынская сторона отказалась от участия в крупномасштабных военных маневрах Объединенных вооруженных сил ОВД, фактически сорвала проведение в 1964 г. заседания ПКК. Деятельность этой структуры из-за саботажа Румынии к середине 1960-х годов оказалась фактически парализованной.

9. Американский план по созданию “многосторонних ядерных сил” НАТО получил наиболее развернутое выражение в предложениях, которые госсекретарь США Д. Раск изложил в мае 1964 г. на весенней сессии Совета НАТО в Гааге. Поскольку его реализация открыла бы доступ ФРГ к ядерному оружию, план этот вызвал отрицательное отношение ряда стран-членов НАТО, в первую очередь Франции, делавшей ставку на собственные ядерные силы. Не в пример своим союзникам по ОВД ГДР, Польше и Чехословакии Москва весной–летом 1964 г. довольно слабо реагировала на план создания “многосторонних ядерных сил” НАТО, что, очевидно, было напрямую связано с наметившейся перспективой улучшения отношений СССР с ФРГ. Как явствует из записи заседания Президиума ЦК КПСС за 22 октября, члены Президиума предвидели, что в ходе встречи с Гомулкой с польской стороны будет поднят вопрос о “многосторонних ядерных силах НАТО” и о необходимости принятия странами-членами ОВД системы ответных мер (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 873). В последние месяцы 1964 г. советское правительство осудило планы США и ФРГ в ряде дипломатических нот и заявлений. В частности, в заявлении ТАСС от 15 ноября говорилось, что Советский Союз будет и далее внимательно следить за планами создания многосторонних ядерных сил и при необходимости примет меры для ограждения безопасности собственной и своих союзников. В декабре делегация СССР внесла на обсуждение XIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН меморандум, в котором высказалась против распространения ядерного оружия в любой форме, в том числе под флагом многосторонних ядерных сил НАТО. Договор о нераспространении ядерного оружия был подписан ФРГ в ноябре 1969 г.

10. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают возможности установить, в ходе какой конкретной встречи Хрущева и Гомулки возник спор из-за проблемы многосторонних ядерных сил НАТО.

11. В основе восточноевропейской политики ФРГ лежала так называемая “доктрина Хальштейна”, дополненная в 1962 г. еще более радикальной “доктриной Шредера”. Со странами, признающими ГДР, автоматически разрывались дипломатические отношения. Исключение было сделано лишь для СССР, о чем федеральный канцлер К. Аденауэр договорился с советскими лидерами

во время встречи в сентябре 1955 г. Признание титовской Югославией ГДР в 1957 г. повлекло за собой разрыв ее отношений с ФРГ. Другим важнейшим элементом западногерманской внешнеполитической доктрины было непризнание границ Германии с Польшей по Одеру и Нейсе (соответствующий тезис был даже заявлен в Конституции ФРГ). Смягчение столь жесткого курса было связано с назначением в 1966 г. социал-демократа В. Брандта на пост министра иностранных дел федерального правительства (в этот период были установлены либо восстановлены отношения с Югославией и Румынией), а его принципиальная корректировка – с приходом в 1969 г. к власти коалиции СДПГ и Свободной демократической партий. В 1970–1973 гг. были заключены договоры ФРГ с Польшей, ГДР, Чехословакией, по сути означавшие признание ФРГ послевоенных границ.

В беседе Гомулки с представителями КПСС нашел отражение один не слишком заметный эпизод в истории советско-германских отношений 1960-х годов. К лету 1963 г. руководство СССР в свете ряда заявлений президента Дж. Кеннеди довольно скептически оценивало перспективы советско-американских переговоров по урегулированию общегерманских проблем и в первую очередь вопроса о статусе Западного Берлина. В силу этого, судя по записи заседания Президиума ЦК КПСС за 12 июня 1963 г. (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 733), оно решило использовать открывшуюся возможность прямого диалога по тому же кругу вопросов с К. Аденауэром. В этот день на заседании Президиума ЦК обсуждалась идея “второго Рапалло”, одинаково выгодного и СССР, и ФРГ (подписанный в Рапалло близ Генуи в апреле 1922 г. советско-германский договор ознаменовал собой, как известно, прорыв экономической и политической блокады Советской России).

12. Концепция “второго Рапалло” не получила развития, а тем более не нашла практического осуществления: в 1963–1964 гг. сколько-нибудь значительного продвижения на пути сближения СССР с ФРГ не последовало, отчасти в силу противодействия союзников по Варшавскому договору, прежде всего ГДР и Польши – польские лидеры крайне опасались, что сближение Москвы и Бонна приведет к смягчению жесткой советской позиции относительно незыблемости границ по Одеру и Нейсе; именно такую цель и преследовало правительство ФРГ. Вместе с тем идея поездки Хрущева в ФРГ, судя по ходу обсуждений, сохраняла актуальность до осени 1964 г. Участники заседания Президиума ЦК КПСС 22 октября ожидали постановления с польской стороны на предстоящей встрече вопроса о предполагаемой поездке Хрущева. В записи заседания отмечено: “О поездке в ФРГ – сказать, что вопрос о поездке в Президиуме ЦК не решался” (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 873). Поездка не успела состояться. Заместитель министра иностранных дел СССР В.С. Семенов, долгие годы работавший на германском направлении и последовательнее многих других в 1950-е – начале 1960-х годов отстаивавший концепцию жизнеспособности ГДР, 22 марта 1966 г. после возвращения из Варшавы, где встречался с Гомулкой, сделал запись в дневнике о том, что у польского лидера есть склонность к “некоторой драматизации положения” в отношении ФРГ (Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 124).

13. Зять Хрущева главный редактор “Известий”, член ЦК КПСС А.И. Аджубей посетил ФРГ в июле 1964 г. во главе делегации советских журналистов (см.: Аджубей А., Леднев В., Полянов Н., Пральников Е. Мы видели Западную Германию (Путевые заметки) // Известия. Московский вечерний выпуск. 1964.

8, 10, 12, 15 VIII (издано также отдельной брошюрой)). Хрущевым зарубежные поездки Аджубея (в США в ноябре 1961 г., в Италию в феврале 1963 г., на Кубу, в ОАР и Финляндию в 1962–1964 гг.) использовались для неформального обсуждения тех или иных вопросов с политическими кругами разных стран. Во время поездки в ФРГ Аджубей встретился с новым федеральным канцлером Л. Эрхардом, в ходе встречи был обсужден вопрос о перспективах налаживания отношений между СССР и ФРГ и официального визита Хрущева. Поездка Аджубея в ФРГ широко комментировалась западногерманской прессой, увидевшей в ней симптом того, что от СССР можно добиться определенных уступок, в частности, в вопросе “двух Германий”. Некоторые высказывания зятя Хрущева, сделанные в ходе бесед, вызвали крайне негативную реакцию руководств ГДР и Польши, так что “Известиям” пришлось отреагировать. Авторы вышеупомянутых путевых заметок писали, что уже после их отъезда из ФРГ в журнале “Der Spiegel” “появилась статья с порцией грязных выдумок, явно рассчитанных на то, чтобы нанести ущерб братским отношениям между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой” (Известия. Московский вечерний выпуск. 1964. 8 VIII). Согласно версии журнала “Der Spiegel”, Аджубей якобы говорил своим собеседникам о том, что лидер ГДР В.Ульбрихт “не вечен” и можно загодя готовиться к улучшению советско-западногерманских отношений (Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 115).

При снятии Хрущева ему ставилась среди прочего в вину деятельность зятя на внешнеполитическом поприще, его склонность к “шумихе”, “саморекламе”, “апломб” (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 867). Аджубей был освобожден от обязанностей главного редактора “Известий”, а на ноябрьском (1964 г.) пленуме ЦК КПСС был выведен из состава ЦК КПСС “за допущенные ошибки в работе”. Как следует из записи заседания Президиума ЦК за 22 октября, советские лидеры ожидали, что польская сторона затронет вопрос о поездке Аджубея в ФРГ: “О Аджубее – если поднимут вопрос – не будем проверять, болтливый” (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 873).

14. Речь идет, вероятно, о государственном визите Н.С. Хрущева во Францию по приглашению президента Ш. де Голля, длившемся с 23 марта по 3 апреля 1960 г. (Правда. 1960. 3 IV.) Поездка во Францию дала Хрущеву не только возможность установить более тесные контакты с де Голлем, пришедшим к власти в 1958 г., но и повод еще раз изложить свою программу разоружения и концепцию решения германского вопроса. Инцидент с вторжением американского военного самолета вглубь территории СССР 1 мая 1960 г. и сорванное вследствие этого советской стороной парижское совещание лидеров четырех больших держав свели на нет все предшествующие усилия, направленные на достижение договоренности по разоружению. Причины скептического отношения Гомулки к поездке Хрущева во Францию не ясны. Из польских лидеров Францию посетил премьер-министр Ю. Циранкевич осенью 1963 г. В совместном польско-французском коммюнике была подтверждена незыблемость существующих в Европе границ (а значит и непризнанных правительством ФРГ польско-германских по Одере и Нейсе), что вызвало резкую критику де Голля со стороны западногерманских политиков, обвинивших его в отходе от курса на сближение с ФРГ, выразившегося в подписании 22 января 1963 г. в Елисейском дворце договора между ФРГ и Францией.

15. Речь идет о Договоре о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, подписанном в Москве 5 августа

1963 г. представителями СССР, США и Великобритании. Проект этого договора был формально одобрен 25 июля на Совещании первых секретарей коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран-участниц Варшавского договора в Москве. Установки советской делегации на этом совещании обсуждались на заседании Президиума ЦК КПСС 23 июля (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 734).

16. В 1963 г. Хрущев сначала активно поддержал просьбу МНР о вхождении ее в ОВД, однако затем отверг ее под давлением восточноевропейских союзников (не в последнюю очередь Польши), убедивших его не делать столь резких жестов антикитайской направленности (Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Том первый. Становление реального социализма. 1945–1965. С. 381).

17. Публикатор не располагает этим документом. Проблемы отношений КПСС и КПК неоднократно обсуждались в ходе бесед Гомулки с советскими лидерами. 26 ноября 1963 г. Президиум ЦК КПСС рассматривал предложение Гомулки о посылке письма Мао Цзедуну от имени ЦК КПСС с изложением позиций (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 780).

18. Целью военного присутствия США в Южном Вьетнаме и Тонкинском заливе было не допустить захвата власти в Сайгоне коммунистами. 2 августа 1964 г. военные корабли США были атакованы северовьетнамской стороной. Через несколько дней Конгресс США принял резолюцию, согласно которой президенту были предоставлены полномочия предпринимать открытые военные действия против коммунистического режима Северного Вьетнама. С августа 1964 г. ВВС США неоднократно подвергали бомбардировкам территорию ДРВ.

19. На самом деле позиция Хрущева была непоследовательной, что сказывалось и на политике СССР. Периоды “вяло текущей” полемики, когда доминировала установка на поиск компромиссных решений (например, в первые месяцы 1963 г.), периодически сменялись вспышками острых взаимных обвинений, звучавших в прессе. Непоследовательность позиции Хрущева в вопросе о полемике с КПК была, отчасти обусловлена, впрочем, тактикой КПК, состоянием отношений с Китаем в каждый конкретный момент.

20. Руководство КНР, чрезмерно персонифицировавшее внешнюю политику СССР, надеялось, что с уходом “ревизиониста” Хрущева ужесточится линия СССР в отношениях с США, произойдет отказ от программы разоружения. Поэтому оно и приняло приглашение прислать в ноябре в Москву свою партийно-правительственную делегацию. Советская сторона также выжидала. На заседании Президиума ЦК от 22 октября в преддверии встречи с Гомулкой решено было следующим образом изложить польским лидерам установки СССР в отношении Китая: “По китайскому вопросу позиции не менять, в печати [критику] пока прекратим. Это тактически. Они начнут, мы начнем” (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 873).

21. В соответствии с решением, принятым Президиумом ЦК КПСС 29 октября, приглашению делегации КНР в Москву предшествовали консультации с лидерами компартий социалистических стран (по телефону и путем обмена шифртелеграммами).

22. Весной–летом 1964 г. КПСС выступила с инициативой провести совещание представителей 26 братских партий, составлявших Редакционную комиссию большого Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г., для того, чтобы обсудить актуальные вопросы мирового коммунистиче-

ского движения в целях преодоления имеющихся серьезных разногласий. Некоторые компартии проявляли колебания, ставя свое решение в зависимость от участия в работе Редакционной комиссии компартии Китая. Между тем КПК (также как компартии Кореи, Албании, Японии) открыто выступила против проведения совещания, не изменив своей позиции и после отставки Хрущева. В конце ноября КПСС выступила с предложением перенести срок созыва Редакционной комиссии с 15 декабря на более позднее время с тем, чтобы иметь возможность лучше подготовиться к заседанию, проведя дополнительные консультации с представителями ряда партий. Идея проведения совещания Редакционной комиссии вылилась в конечном итоге в организацию консультативной встречи представителей 18 коммунистических и рабочих партий, которая состоялась в Москве 1–5 марта 1965 г. Новое большое Совещание представителей коммунистических и рабочих партий прошло несколькими годами позже, 5–17 июня 1969 г.

23. Документ публикатору не известен.

24. По некоторым данным, в 1964 г. доля СССР в экспорте (импорте) Польши составляла 34% (31%), тогда как доля США соответственно 2,6% (5,5%).

25. Советы обратиться за помощью к западным странам, как правило, были связаны с неспособностью или нежеланием СССР удовлетворить некоторые просьбы Польши о поставке конкретных товаров. Во время советско-польских переговоров в октябре–ноябре 1958 г. Н.С. Хрущев заявил: “Я видел Ваш список товаров. Там есть несколько позиций, которые равнозначны просьбе предоставить Вам золотой кредит – хотите от нас золото. Так как ряд товаров, которые Вы просите, например медь, мы покупаем за золото. Золото Вам мы дать не можем” (Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1. С. 384).

На заседаниях Президиума ЦК КПСС Н.С. Хрущев неоднократно выражал озабоченность “ухаживаниями” США за Польшей, их стремлением поставить экономику этой страны в зависимость от американских поставок и кредитов. Целью их политики была, по его мнению, реставрация капитализма в Польше. “Гомулка это видит и понимает, но выводов не делает. Он думает, что достаточно понимать, и это уже страхует от того, на что ставку держат американцы... А это неверно, потому что потом захочешь оторваться и не сможешь. Это очень деликатный вопрос. Я намеки делал Гомулке. Он говорит – вы же не дадите нам хлопок и пр. Он открыто это говорит, потому что он чувствует свою якобы моральную силу, что он вынужден на это идти, что мы критикуем его, а сами не можем оказать помощь с тем, чтобы он этого не делал. Но от этого положение не меняется, а факт остается фактом, что Польша становится все больше в зависимости от американской экономики”. В ходе других заседаний Хрущев выражал удовлетворение стремлением Гомулки освободиться от экономической зависимости от Запада, его заинтересованностью в расширении кооперации в рамках СЭВ. Некоторое недоверие к Гомулке все же сохранялось: этот союзник “как козел – куда прыгнет неизвестно” (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 540–541, 643–644, 693, 778).

Незадолго до отставки Хрущев собирался расторгнуть договор 1961 г. о производстве в Польше самолетов Ан–2 для СССР, мотивируя это тем, что было бы дешевле наладить выпуск этих самолетов в СССР. В канун беловежской встречи в Москве было принято решение о сохранении в силе заключенных контрактов, что явилось жестом доброй воли в адрес польской стороны.

26. Принятое на основании доклада Н.С. Хрущева на ноябрьском (1962 г.) пленуме ЦК КПСС решение о разделении краевых и областных партийных организаций по производственному принципу (на промышленные и сельские) было отменено ноябрьским (1964 г.) пленумом ЦК КПСС. “Тов. Хрущев буквально страдал зудом всевозможных реорганизаций и перестроек”, “а на деле эти перестройки и реорганизации лишь бесцельно дергали людей, сеяли среди них чувство растерянности, неуверенности”, – говорил М.А. Суслов на октябрьском (1964 г.) пленуме ЦК (Как снимали Н.С. Хрущева. Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. // Исторический архив. 1993. № 1. С. 12).

27. На октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г. Н.С. Хрущев много критиковался за непоследовательность в сельскохозяйственной политике, волюнтаристское стремление навязать местным властям неприемлемые в силу природно-климатических условий решения. Вынужденная необходимость (начиная с неурожайного 1963 г.) закупать зерно за границей стало для Хрущева, по мнению английского советолога Дж. Хоскинга, “ошеломляющим унижением – он потерпел поражение именно в той области, которую считал своей специальностью”. Однако тот же автор признает: хотя в засушливом 1963 г. было собрано всего лишь 107 млн тонн зерновых, “до 1953 г. это было бы выдающимся достижением – и такова истинная цена того, что сделал Хрущев” (*Хоскинг Дж.* История Советского Союза. 1917–1991. М., 1994. С. 370–371).

28. Соответствующее решение было принято на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.).

29. Речь идет о повести А.И. Солженицына “Один день Ивана Денисовича”, опубликованной в 1962 г. в журнале “Новый мир”.

30. Метод устранения Хрущева и, в частности, отсутствие гласности при принятии столь важного политического решения, вызвали критику руководства наиболее влиятельной из западных компартий – итальянской, что нашло отражение и в прессе. Один из лидеров ИКП Э. Берлингуэр, в начале ноября посетивший Москву, выразил опасения итальянских коммунистов в связи с возможностью возврата к сталинским методам в политике КПСС. См.: *Urban J.B.* Moscow and the Italian Communist Party. From Togliatti to Berlinguer. Ithaca; London, 1986. О реакции в Италии (в том числе и ИКП) на снятие Хрущева см. также: *Хормач И.А.* СССР – Италия и блоковое противостояние в Европе. Вторая половина 1940-х – первая половина 1960-х годов. М., 2005. Т. 2. С. 853–862.

31. 22 октября на заседании Президиума ЦК КПСС при обсуждении вопроса о предстоящей встрече с Гомулкой из уст выступавших звучало мнение о необходимости сдержанного подхода в вопросе о культе личности (“не говорить, что мы развенчивали культ”; в то же время не надо и “выхолащивать” вопрос о культе личности). См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 873.

32. Серия встреч руководителей КПСС с лидерами социалистических стран состоялась в Москве в первой половине ноября в дни празднования 47-й годовщины Октябрьской революции. В январе 1965 г. в Варшаве прошло заседание Политического Консультативного Комитета стран-участниц ОВД. Актуальные вопросы экономического сотрудничества стран СЭВ обсуждались на очередной сессии СЭВ, заседавшей в Праге 28 января – 2 февраля 1965 г.

К.В. ШЕВЧЕНКО. Лужицкий вопрос и Чехословакия (1945–1948). М., 2004. 284 С.

Книга, о которой здесь пойдет речь, освещает вопрос, слабо изученный российскими славяноведами. Лужицкие сербы не привлекают особого внимания наших исследователей. В XIX в. лужицкие сербы вызывали удивление тем, как им удалось сохранить славянский язык и самосознание в ходе тысячелетнего влияния германской государственности и культуры. Это удивление, и подчас восхищение стойкостью народа выражает каждый русский путешественник или ученый, побывавший в их стране и зафиксировавший свои впечатления письменно. “Заметки”, “Записки” и “Очерки” о народе, событиях и культуре составляли русскую литературу о лужицких сербах в XIX в. В XX в. появляются научные исследования русских ученых. Они в основном посвящены серболужицким языкам и литературам. Что же касается истории этого народа, то она пока что отражена (если не считать отдельных статей) в основном в двух монографиях: М.И. Семиряги “Луижичане” (1956) и Л.П. Лаптевой “Русско-серболужицкие научные и культурные связи в XIX – нач. XX вв. (2000).

В книге К.В. Шевченко освещается конкретный вопрос, а именно – попытка лужицких сербов обрести собственную государственность и выйти из состава Германии.

Попытка эта демонстрирует закономерность того, что при распаде крупных государственных объединений каждый, даже самый маленький народ стремится освободиться от опеки народа господ-

ствующего, невзирая на экономическую, религиозную или культурную общность. Видимо, причины этого явления следует искать в менталитете и национальной психологии маленького народа. Ведь тенденции к обретению особого статуса существуют подчас даже у тех национальных меньшинств, которые имеют совершенно равные права с господствующим большинством в государстве. Правда, лужицкие сербы в этом отношении находились в ином положении. Представляя одну из ветвей полабско-балтийского славянства, подвергшегося немецкому завоеванию, германизации и последующей ассимиляции, лужицкие сербы уцелели в этом процессе благодаря своему географическому положению, непривлекательности их территории для ранней немецкой колонизации, мирному характеру внедрения у них христианства и некоторым другим факторам. Вместе с тем, войдя в состав германского государственного и социального организма уже в X в., лужицкие сербы и сами сопротивлялись ассимиляции, стремясь сохранить свой язык, уклад жизни, обычаи и нравы. Эти стремления укреплялись по мере усиления германского господства. Лужицкие сербы не были равноправными. В Средние века это был народ с неполной социальной структурой, земледельческий по роду занятий. Сербам не разрешалось заниматься ремеслом и торговлей, они не принимались в ремесленные цехи. Города на территории Лужиц были немецкими, где сербам, ютившимся за городскими

стенами, в трущобах подградий отводилась роль контингента, обслуживающего потребности немецкого бюргерства и патрициата. Ни о каком допуске сербов к местной общественной жизни города, не говоря о его управлении, не могло быть и речи. Феодалы правители Германии часто вели между собой войны, и территория славянских Лужиц переходила от одного властителя к другому. Результатом стало разделение ранее единой территории на Верхнюю и Нижнюю Лужицы, что повлияло на дальнейшее развитие культуры народа, в частности, на процесс формирования двух литературных языков. Следует подчеркнуть, что первоначальной базой верхнелужицкого и нижнелужицкого языков были языки разных славянских племен, но экономическое, политическое и духовное разделение народов в результате исторических коллизий в Германии привело к отчуждению разных частей одного народа.

В литературе о лужицких сербах подчас говорится о том, что стремление сербов к сохранению национальной идентичности поддерживалось соседством государств со славянским населением. На наш взгляд, такой фактор вообще отсутствовал в Средние века. Понятия и чувства "племенного родства" не существовало. Враги и друзья определялись конфессиональными и сословными признаками. В действительности, например, поляки и балтийские славяне жестоко истребляли друг друга; и те, и другие призывали на помощь немцев и сами помогали немцам истреблять единоплеменников-славян.

Пребывание Лужиц в составе Чешского королевства не могло способствовать осознанию сербами национальной идентичности, так как во главе Чешского королевства находились немецкие государи. Так Карл IV (XIV в.), являясь императором Священной Римской империи, своей политикой немало способствовал германизации Чехии, хотя в своих наследственных землях, в том числе Лужицах, регулировал этот процесс, не допуская своеволия других феодалов.

Как известно, славянское самосознание – явление новейшей истории, и у лужицких сербов оно вошло в идеологию сопротивления германизации с периода

национального возрождения. Чувство принадлежности к славянскому миру и возникшая у угнетенных славян идея славянской взаимности усиливали национальное самосознание и способствовали противодействию германизации. Большая роль отводилась межславянским связям и в переломные моменты истории лужицких сербов, такие как эпоха национального возрождения в XIX в. и время окончания Первой и Второй мировых войн, когда вследствие поражения Германии в Лужице возникло национальное движение, добивавшееся собственной серболужицкой государственности и выхода из состава Германии.

Характеризуемая книга рассматривает именно последний период борьбы лужицких сербов. Автор выделил несколько разделов. Во введении рассмотрена литература вопроса. Она представлена сочинениями серболужицких, чешских, немецких, польских и русских ученых. Особое место К.В. Шевченко отводит работе М.И. Семиряги "Лужичане", в третьей главе которой, посвященной положению в Лужице после ее освобождения в 1945 г., Семиряга самостоятельно обработал материал, на основании имевшихся в его распоряжении документов и личного опыта как сотрудника советской администрации в Восточной Германии (С. 17). К.В. Шевченко рассматривает данные книги Семиряги как достоверный источник и высказывает несколько критических замечаний относительно оценки позиций Чехословакии по вопросу о присоединении к ней лужицко-сербской территории. Высокую оценку К.В. Шевченко дает и второй книге М.И. Семиряги "Как мы управляли Германией" (М., 1999), воссоздающей историческую обстановку и общественно-политические условия, в которых развивалось серболужицкое национальное движение в первые послевоенные годы. Исчерпывающим образом К.В. Шевченко изучил и другую литературу. Для изложения собственной версии вопроса и его оценки автор рассматриваемой книги обратился к архивным документам, опубликованным источникам, прессе, мемуарам и т.д. Ему представилась завидная возможность использовать материалы Сербского куль-

турного Архива в Будишине, Архива Министерства иностранных дел Чехословакии, Военно-исторического Архива в Праге, Литературного Архива Памятников национальной письменности в Праге, некоторые архивные документы из Польши и других стран.

Результатом исследования явилась высоко достоверная, аргументировано доказанная и объективная история борьбы самого маленького славянского народа за создание собственной государственности и выхода из состава Германии. В первой главе книги – “Лужицкие сербы: краткая историческая справка” – показана многовековая борьба лужицких сербов за историческое и национальное выживание. Если эта история в общих чертах известна и в нашей литературе из сочинений предшественников автора книги, то раздел, характеризующий положение лужицких сербов сразу после Второй мировой войны, является совершенно новым. Автор справедливо констатирует, что только разгром нацистской Германии Советским Союзом и приход Красной Армии спасли лужицких сербов от угрозы полного уничтожения. Вторая глава книги характеризует положение лужицких сербов и чехов под нацистским игом. Автор останавливается на политике германизации Чехии в период существования протектората Богемии и Моравии и планах ассимиляции и германизации от 60% до 70% чешского населения как расово приемлемого и поэтому способного сыграть роль “резерва” для усиления немецкого биологического потенциала. Что касается лужицких сербов, то политика национал-социалистов заключалась в их полной и окончательной ликвидации как самобытного славянского этноса. Сразу же после прихода национал-социалистов к власти в Германии начались репрессии против серболужицких активистов. Были закрыты сербские газеты, ликвидированы общественные организации, подверглись аресту представители серболужицкого национального движения. Эти действия вызвали протесты в славянских странах, особенно в Чехословакии. Опасаясь за немецкие меньшинства в этих странах, германские власти временно смягчили свою политику в отношении лу-

жицких сербов. Так определенные немецкие круги пытались использовать серболужицкую карту для решения судето-немецкого вопроса в 1935 г., когда в Чехословакии начались стычки генлейновцев с чехословацкими пограничниками. “Мюнхенский сговор” и последующая оккупация чешских земель Германией означали новое наступление на лужицких сербов. Еще в 1937 г. была запрещена основная национальная организация лужицких сербов – “Домовина”. Тогда же были брошены в тюрьмы и концлагеря серболужицкие общественные деятели и представители культуры. Во второй половине 1930-х годов власти нацистской Германии стали повсеместно менять славянские географические названия на немецкие. В переписи населения Германии занижалась численность сербов: лужичан, знавших немецкий язык, записывали немцами. Главным элементом политики ассимиляции была изоляция и высылка серболужицкой интеллигенции, прежде всего учителей и представителей духовенства, являвшихся основными носителями национального самосознания, в чисто немецкие области, за пределы Лужицы. Переселение интеллигенции являлось мерой ускорения окончательного решения серболужицкого вопроса. Переселялась, однако, не только интеллигенция, и, хотя, основная масса лужицких сербов голосовала в свое время за Гитлера и приняла нацистскую идеологию, на начало 1940-х годов планировалось массовое переселение сербов как расово неполноценного элемента немецкого рейха.

Политика национал-социалистов, направленная на окончательную германизацию серболужицкого населения, усиливала радикализм сербской интеллигенции, которая стала искать политическую поддержку в соседних славянских странах. Некоторые эмигрировавшие из Германии лидеры серболужицкого национального движения ориентировались на Польшу, другие – на Чехословакию. Но после захвата этих стран Германией часть сербских деятелей была арестована, другие перешли на нелегальное положение. В 1945 г. уцелевшие представители серболужицкого национального движения отдавали себе отчет в том, что настал

уникальный исторический момент: Германия полностью разгромлена, лишена суверенитета и собственных органов управления, и впервые в своей истории лужицкие сербы оказались под охраной великого славянского государства. Политические лидеры лужицких сербов развернули активную деятельность, направленную на возрождение национальной жизни. В Праге был образован серболужицкий национальный Комитет, возобновила свою деятельность “Домовина”.

Эти организации и другие представители лужицких сербов обращались с многочисленными просьбами о присоединении Лужицы к Чехословакии в качестве автономного образования, в том числе и к И. Сталину. Подобные планы были весьма популярны, ибо в них усматривалась единственная возможность сохранения серболужицкого народа. Эти планы находили сочувственное отношение у общественности Чехословакии. Радио, пресса и отдельные чехословацкие деятели не только одобряли, но и пропагандировали идею лужицких сербов, которая более подробно была развита в нескольких меморандумах. Так 1 июня 1945 г. был выработан документ “Меморандум лужицких сербов – славянского народа в Германии, который требует освобождения и присоединения к Чехословакии”. Этот документ не только выдвигал официальную просьбу о присоединении лужицких земель к Чехословакии, но и определял основные черты правового статуса Лужицы в составе чехословацкого государства. С предложением объединить исторические лужицкие земли в одну административно-территориальную единицу и затем присоединить ее к Чехословакии деятели серболужицкого национального движения обращались к главнокомандующему советскими войсками в Германии Г.К. Жукову. Однако эти обращения не находили отклика у советской администрации в Германии ввиду сложности внутривосточной ситуации в советской зоне оккупации. Советская администрация поддерживала немецкие левые партии при формировании органов власти на местах, в то время как серболужицкое движение отличалось сильной религиозно-консервативной окраской, было

идеологически близко к немецким христианским демократам, главным противникам немецких коммунистов и социал-демократов. Во главе серболужицкого национального комитета стоял авторитетный религиозный деятель, католический священник Ян Цыж. (С. 128). Кроме того, Советский Союз имел в Восточной Германии свои стратегические планы, которые не совпадали со стремлением горстки серболужицких национальных деятелей создать самостоятельное государственное объединение и войти в состав Чехословакии на правах федеративной земли.

Если участники пролужицкого движения, возникшего в Чехословакии еще в межвоенный период, поддерживали требования лужицких сербов, то чехословацкое правительство придерживалось иного мнения. Главной задачей послевоенного чехословацкого правительства было решить вопрос о судетских немцах, угрожавших национальному существованию чехов в течение межвоенного периода. Это решение было найдено в форме депортации немецкого населения из Чехословакии. Все немцы за исключением небольшого числа сумевших документально доказать свою антифашистскую деятельность, подверглись массовым репрессиям. На основании разных источников К.В. Шевченко приводит впечатляющие данные об антинемецкой истерии среди чехов в первые послевоенные месяцы. Антинемецкие настроения часто приобретали формы жестоких самосудов и издевательств. Начавшаяся депортация судетских немцев из Чехословакии сопровождалась кровавыми инцидентами и была отмечена большим числом жертв среди немецкого населения. Покорно подчинявшиеся немецкому господству и исправно снабжавшие армию рейха оружием, производившимся на военных заводах Чехословакии в период протектората, чехи, почувствовав себя в безопасности под защитой СССР, дали выход самым радикальным формам антинемецкого реванша. Чехословацкое руководство в свою очередь форсировало выселение судетских и других немцев из Чехословакии, особенно с приближением сроков конференции в Потсдаме. К концу июля

1945 г. почти полмиллиона человек оказались в советской зоне оккупации, куда направлялся основной поток изгоняемых из Чехословакии. Нет никаких свидетельств о том, чтобы чехословацкие представители учитывали интересы лужицких сербов. Участие чехословацких властей в судьбе немецкого населения ограничивалось лишь его физической депортацией и лишением имущества, сопровождавшимся насилием и злоупотреблениями.

Поощряя массовые выступления в Чехии в поддержку лужицких сербов, чехословацкое руководство заботилось о возможном расширении чехословацкой территории в северном направлении за счет Германии. Но Чехословакии вовсе не было расчета увеличивать число немецкого населения в ее составе. Ведь Лужицы были преимущественно населены немцами, здесь не было сколько-нибудь компактного славянского заселения, и присоединение территорий, куда хлынули депортированные из Чехословакии и Польши немцы, не имело смысла. Впрочем все эти вопросы обсуждались в кулуарах политиками тех народов Восточной Европы, которые хотели получить свою выгоду в сложной обстановке устройства Европы после разгрома нацистской Германии. Политика великих держав – СССР и его союзников – имела свое направление и свои расчеты. На Потсдамской конференции ни требования лужицких сербов, ни планы чехословацких деятелей не были внесены в повестку дня и не обсуждались. Великие державы имели много собственных проблем, интересы малых народов на таких форумах, как правило, не учитываются. Неудача в Потсдаме подтолкнула серболужицких деятелей национального движения к более тесному сотрудничеству с советскими властями. В книге К.В. Шевченко подробно анализируются эти отношения.

Убедившись в отрицательной позиции советских властей к планам присоединения Лужиц к Чехословакии и прагматическом подходе к лужицкой проблеме со стороны Праги, лидеры лужицких сербов поставили вопрос об образовании отдельного лужицкого государства под протекторатом СССР. Но эти радикальные пла-

ны серболужицких лидеров еще в большей степени выпадали из контекста внутривосточной ситуации в советской оккупационной зоне Германии и международной обстановки. Автор книги анализирует как Меморандум лужицких сербов о создании независимого сербского государства, так и внутривосточную ситуацию в восточных областях Германии. Этот анализ приводит к выводу, что чехословацкие официальные лица демонстрировали крайний прагматизм, нисколько не учитывая интересы лужицких сербов. Спешное и активное переселение судетских немцев, поток которых хлынул в Восточную Германию, в том числе на территорию Лужицы, осложнило социально-психологический климат и обострило и без того неблагоприятный для лужицких сербов этнический баланс.

Одним из самых неблагоприятных для лужицких сербов последствий выселения немцев из Чехословакии и Польши был резкий рост антиславянских настроений среди немецкого населения Лужицы. Крайне негативное отношение к радикальным планам серболужицких политиков, направленным на выход Лужицы из состава Германии, демонстрировали и немецкие коммунисты, и социал-демократы, являвшиеся главной опорой советских оккупационных властей в Германии. В решении немецкого вопроса советское руководство делало ставку на коммунистов и не желало портить отношения с ними из-за немногочисленной группы серболужицких романтиков, выступавших от имени малого 150-тысячного славянского народа. С окончанием Второй мировой войны потребность в разыгрывании “славянской карты” быстро исчезла. Любая поддержка серболужицких радикалов становилась все более неприемлемой для Москвы (С. 228). В то же время советское руководство стремилось сохранить позитивные отношения с серболужицким движением и добилось обеспечения всех национальных прав лужицких сербов в рамках немецкого государства. Эти права были обеспечены лужицким сербам в объеме, беспрецедентном в истории этого народа. Автор книги освещает главные события и мероприятия, связанные с реализацией этой политики в

созданной тогда Германской Демократической республике.

Под давлением советских властей в 1948 г. был принят закон “Об охране прав серболужицкого населения”, который впервые в истории провозглашал законодательную защиту национальных прав лужицких сербов со стороны немецкого государства и предусматривал широкое применение серболужицкого языка в образовании и административной сфере в областях проживания лужицких сербов. И хотя в период существования ГДР давали о себе знать явные германизаторские тенденции, тем не менее именно со стороны властей ГДР лужицкие сербы получили такую поддержку для развития своего языка и культуры, какой до этого они никогда не имели за все время своего более чем тысячелетнего пребывания в составе различных германских государств. Благодаря государственной поддержке в ГДР была создана солидная научная и организационная инфраструктура, удовлетворявшая национально-культурные потребности сербов-лужичан и препятствовавшая их ускоренной ассимиляции. Серболужицкое издательство, институт серболужицкого народоведения, серболужицкий народный театр и музей, система образования и средства массовой информации на верхне- и нижнелужицком языках, наконец, двуязычные надписи в местах компактного проживания лужицких сербов – все это существовало и успешно развивалось при государственной поддержке. Несмотря на ряд негативных явлений и продолжавшуюся ассимиляцию в рамках ГДР была создана институциональная база, поддерживавшая развитие серболужицкой культуры и языка. Объединение Германии в 1990 г. создало ряд социально-экономических и психологических проблем. Хотя конституция 1992 г. земель Саксонии и Бранденбурга, куда входят Лужицы, закрепили право лужицких сербов на сохранение национальной идентичности, в отношении к лужицким сербам у властей ФРГ замечается дискриминационный подход. Сокращаются серболужицкие школы. Снижается интерес самих сербов к изучению языка, как неперспективному. С распадом Чехословакии заметно упал интерес чехов и слова-

ков к лужицким сербам, межславянские связи, поддерживавшие сербов морально на протяжении многих десятилетий – ослабли. В результате прогрессирующей ассимиляции, резко усилившейся после объединения Германии, существование сербов-лужичан, численность которых продолжает уменьшаться, находится под угрозой.

Что же касается выводов и оценок попыток серболужицких деятелей заявить о своих требованиях к мировому сообществу после окончания Второй мировой войны, то автор сгруппировал их в заключении книги. К.В. Шевченко констатирует, что изменение политического статуса Лужицы не имело шансов на успех с самого начала. Политические требования серболужицких лидеров противоречили интересам победившей державы – СССР, так как в его зоне оккупации осела значительная часть немцев, депортированных из Судет и Силезии, что могло дестабилизировать положение в этом регионе. Славянские государства – Чехословакия и Польша – вели двойственную политику в лужицком вопросе. Деятели этих стран заботились о реализации собственных национальных интересов, зачастую шедших вразрез с интересами лужицких сербов. Их заявления о поддержке лужицких сербов носили пропагандистский характер и находились в полном противоречии с практическими мерами чехословацкой политики. В то же время представители лужицких сербов, не располагая необходимыми демографическими, социально-экономическими и организационными ресурсами, находились в плену утопии, обнаруживали потребительский подход в отношении СССР и его политических интересов, рассматривая советский потенциал лишь в качестве средства достижения своих собственных целей. Оценивая итоги серболужицкого национального движения в 1945–1947 гг., К.В. Шевченко, выражая согласие с серболужицкими историками, считает, что единственно реалистичный путь для решения лужицкого вопроса состоял в том, чтобы оставить лужицких сербов в рамках немецкой государственности, обеспечив законодательными гарантиями права этого этнического меньшинства. Эту задачу выпол-

нял Советский Союз, выработав трезвую и взвешенную политику, проведение которой требовало от советских органов управления Германией большого напряжения. Необходимо было воздействовать как на немецкую сторону, где были сильны рецидивы нацизма и антиславянского шовинизма, так и на славянских энтузиастов с серболужицкой и чехословацкой стороны, планы которых отличались изрядной долей славянского этноцентризма и усложняли межнациональные отно-

шения в этой части Европы. Книга К.В. Шевченко – уникальное явление в нашей историографии. Ее содержание интересно, выводы аргументированы, оценки в высшей степени объективны – без политических и национальных пристрастий. Отечественное славяноведение обрело ценный вклад в изучение межславянских отношений в период Второй мировой войны.

© 2007 г. Л.П. Лантева

Славяноведение, № 3

D. JOVIĆ. Jugoslavija. Država koja je odumrla. Uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974–1990). Zagreb, 2003. 531 S.

Д. ЙОВИЧ. Югославия: государство, которое отмерло. Подъем, кризис и падение карделевской Югославии (1974–1990)

Почему распалась Югославия? На эту тему во всем мире написаны сотни книг, тысячи статей. Но, во-первых, до сих пор до конца не ясно, почему этот неожиданный для многих распад все-таки состоялся. Во-вторых, на территории бывшей Югославии по-настоящему научных работ об этом почти нет. Попытаться исправить подобную ситуацию, вернуть тему распада Югославии туда, где он и произошел, по его же собственным словам, попробовал политолог сербского происхождения из Хорватии Деян Йович. Таковы побудительные мотивы появления его книги “Югославия: государство, которое отмерло”, написанной на основе докторской диссертации, защищенной им в 1999 г. в Лондонской школе экономики.

Свою работу автор начинает с того, что опровергает все существующие в историографии объяснения распада Югославии. Йович считает, что этот распад не был неизбежным (в политике и истории нет ничего неизбежного), не являлся прямым результатом экономического кризиса, следствием якобы извечной ненависти сербов и хорватов или неразвитости югославского гражданского общества.

Наконец, Йович отвергает и тезис о том, что Югославия была разрушена извне.

По мнению автора, все дело в идеологии, так как “политические конфликты в Югославии были до самого последнего момента скорее идеологическими (а не этническими). Это были конфликты между разными интерпретациями действительности и видения будущего” (S. 104). Развивая этот тезис, Йович взамен устоявшегося в историографии деления истории единого государства югославян на первую межвоенную и вторую социалистическую Югославию предлагает собственную хронологию. Она состоит из четырех периодов или “учредительных проектов”, по два – на предвоенную и послевоенную Югославию: 1) проект народного единства; 2) проект договорного югославянства; 3) проект братства и единства (титовский проект) и 4) карделевский проект (S. 106–107). Автор останавливается кратко на первых трех проектах, но главное внимание уделяет четвертому. Карделевской Югославии, по сути, и посвящена книга Д. Йовича, именно здесь видит он истоки и зарождение будущего югославского кризиса.

По его мнению, поворот к четвертой Югославии начался еще в 1966 г. с поражения сторонника большей централизации Александра Ранковича (реалиста) и победы федералиста Эдварда Карделя (идеолога). Затем в 1967–1974 гг. произошла коренная конституционная реконструкция государства. С этого времени и начинается отсчет четвертой, карделевской Югославии, просуществовавшей от принятия Конституции 1974 г. и до распада Союза коммунистов Югославии в январе 1990 г.

Этот проект был наиболее идеологизированным из всех предыдущих. Если Тито до конца жизни видел Югославию не только социалистическим, но и этническим государством югославян, то Кардель полностью отбросил этот второй, этнический, компонент, оставив только идеологический аспект. В отличие от предвоенной и первой послевоенной Югославии, в карделевском проекте этническое родство южных славян не было главной основой существования и сохранения Югославии. Для Карделя главным был социализм, а не Югославия (S. 135–138).

Карделевский проект, как и поворот к самоуправлению до этого, базировался на идее Маркса об отмирании государства и его замене ассоциацией свободных производителей. Но Кардель был наиболее последовательным. Обобществление государства было для него смыслом социализма как переходного периода между государством и безгосударственным порядком. Это объясняло, почему все силы были направлены на децентрализацию и ослабление государства. Кроме того, Кардель опасался возможного усиления централизма после его и Тито ухода. Поэтому он создавал такую политическую структуру, которая бы сделала невозможным возвращение к старому – довоенной либерально-демократической и/или досамоуправленческой государственно-социалистической модели. Эти предыдущие модели объединяло только одно – централизм и сильное государство. Кардель добивался прямо противоположного – слабого, децентрализованного государства, государства, которое отмирает.

Государство у Карделя заменялось бесчисленными организациями объеди-

ненного труда (ООТ), общественно-политическими организациями, институтами общественной обороны и т.п. В его построениях были и свои противоречия. Добиваясь отмирания государства, он одновременно провозгласил государствами республики. Именно в них, по его словам, народы должны реализовывать свой суверенитет (S. 142–145).

По мнению Йовича, Тито принял карделевский проект как компромисс, но никогда не разделял его взгляды в полной мере (S. 149). Сказалось и то, что его власть была к тому времени уже заметно ослаблена, он все больше воспринимался не реальной властью, а иконой. К тому же он находился в полуизоляции, связь с внешним миром поддерживалась через его неформальное узкое окружение во главе с Николой Любичичем и Стане Доланцом. К тому времени Тито пришлось даже разойтись со своей супругой Йованкой. И фактически еще при жизни он стал свидетелем гибели своего собственного проекта Югославии (S. 151–152).

Наследники Тито в целом поддержали карделевский проект, полагая, что он обеспечит им свободу рук и еще большую власть. Они надеялись, что впредь никто не будет иметь над ними такого контроля, как Тито в период третьего проекта. Четвертый проект поддержала даже сербская политическая элита, которая увидела в нем реализацию своих интересов в той мере, в какой это было возможно, учитывая и интересы других действующих лиц югославской политической сцены. Сербские коммунисты по-прежнему верили, что сербский национализм – самая большая угроза для Югославии. Они верили, что теперь открываются новые возможности для создания современной, демократической Сербии, которую не будут больше обвинять в попытках доминирования в Югославии (S. 159, 170, 179).

Однако довольно быстро стало ясно, что в новых условиях сербское руководство не только не увеличило самостоятельность, но и в определенной мере ее лишилось из-за позиции руководства союзного и автономных краев. Неоправдавшиеся ожидания явились причиной того, что Сербия с 1977 по 1983 гг. четыре раза

безуспешно пыталась инициировать изменения в Конституции (S. 201–205).

В следующих главах своей книги Йович анализирует два кризиса, которые сотрясли карделевскую Югославию – экономический и политической системы. Это были годы стагнации, когда “о реформах много говорили, но одновременно делали все, чтобы ничего не менять”. Югославская элита сохраняла верность карделевскому проекту. Среди субъективных причин экономического кризиса на первом месте была идеология, которая вела к децентрализации и фаворизировала дробление югославского рынка (S. 209, 224). Длительный экономический кризис постепенно порождал и другие, в том числе и политической системы.

Как и в случае с экономическим кризисом, дебаты вокруг политической ситуации разделили югославскую элиту на две части: тех, кто держался за Конституцию 1974 г. и выступал лишь за ее лучшее применение, и тех, кто хотел серьезных системных изменений. Йович называет их соответственно “уставохранителями” и “уставореформаторами”. Первые доминировали в Словении и Хорватии, вторые – в Сербии. Но и это разделение было прежде всего идеологическим, а не этническим. Между тем элементы национального постепенно примешивались к идеологическим. И если ранее, от начала истории общего югославянского государства и до 1974 г. в нем доминировал хорватский вопрос, то теперь на первое место вышел сербский. Это и сделало возможным появление альтернативных учредительных проектов (S. 256).

Замена в Сербии карделевского курса двумя другими в конце 1980-х годов (один из них персонифицировался со Слободаном Милошевичем, а другой – с Добрицей Чосичем) означала конец карделевской Югославии. Причем, если Милошевич предлагал фактически возвращение к титовскому проекту Югославии, то Чосич эволюционировал от позиции переустройства Югославии до идеи союза сербских земель (S. 159, 203–205).

Последнюю главу своей книги Йович посвящает сербско-словенским отношениям в 1988–1990 гг., в последние два года существования Югославии. По мнению

автора, в это время Словения являлась не менее важным фактором югославской политики, чем Сербия. Словения была самой гласной защитницей “уставохранительства” точно так же, как Сербия наиболее активно отстаивала “уставореформаторство”. Словенский национализм был таким же сильным, как сербский. Как и в Сербии, словенское руководство постепенно становилось все более терпимым к своей оппозиции и, в конце концов, в республике образовался своего рода всесловенский блок. Как и в Сербии, словенские коммунисты смогли стать одновременно и властью, и оппозицией. И там, и там это вело к изоляции по отношению к остальной Югославии (S. 423, 430, 449).

К концу 1989 г. Милан Кучан имел почти абсолютную поддержку словенцев, а Слободан Милошевич – сербов. Но их взгляды на будущее страны были диаметрально противоположными. Это привело к распаду СКЮ на его последнем XIV съезде в январе 1990 г. Когда же Югославия осталась без своей идеологии, ее существование стало невозможным (S. 485).

Итак, делает вывод автор, главная причина распада Югославии – распад идеологического консенсуса внутри югославской политической элиты в течение относительно длительного процесса, предварявшего распад государственных институтов. Упомянутый идеологический консенсус покоился на карделевской интерпретации марксизма, когда ослабление и отрицание государства воспринималось как критерий успеха. Государство настолько ослабло, что уже не смогло ответить на многочисленные вызовы, включая и все усиливавшийся экономический. Поэтому распад Югославии нельзя объяснять лишь приходом к власти таких политиков, как С. Милошевич или М. Кучан. Автор сомневается, что они сознательно разрушали Югославию. Главный побудительный мотив их деятельности, по крайней мере до определенного момента, был противоположным – спасение Югославии (S. 487–491).

Такова концепция Деяна Йовича. Конечно, по каким-то вопросам с ним можно спорить. Например, не убеждают до

конца рассуждения автора о полностью добровольном и даже заинтересованном принятии сербскими властями карделевского проекта. За скобками политиков, способствовавших распаду Югославии, остаются фактически такие деятели, как Франьо Туджман и Алия Изетбегович, хорватский и боснийско-мусульманский национализм. Ничего не говорится о внешнем факторе, который на самом последнем этапе югославской драмы привел фактически к замене процесса распада государства его развалом, способствовал развязыванию и еще более – затягиванию межэтнической гражданской войны.

Возможно, автор несколько преувеличивает и особенности югославского социализма. В целом процессы, происходившие в социалистической Югославии, начиная с 1960-х годов, совпадали в своих основных чертах с процессами в других социалистических странах. И период функционирования карделевского проекта в целом схож с тем периодом, который в других странах, прежде всего в Советском Союзе, получил название “застоя”. За фасадом самоуправленческих построений в Югославии на всех этапах проглядывала та же сущность – такое же авторитарное однопартийное государство.

Но автор прав в главном. Причину распада государства надо искать в коммунистической идеологии, в данном случае в ее специфическом югославском варианте. Для идеологического государства, каковым наряду с другими социалистическими странами была Югославия, верность идейным концепциям часто была важнее реальной жизни. Особенно это верно для государств, которые реформировались сверху. Пожалуй, только китайские коммунисты во главе с Дэн Сяопином оказались в этом вопросе последовательными прагматиками.

Подкупает и то, что Йовичу удалось до конца остаться объективным. В его работе нет никакого националистического крена, что для многих авторов с территорий бывшей Югославии до сих пор – большая редкость. С первых же страниц видно, что книга Йовича заметно отличается от массы других книг на ту же тему своей продуманностью и аналитичностью. Это уже не публицистика, а настоящая наука. Словом, в изучении причин распада Югославии сделан большой шаг вперед.

© 2007 г. *К.В. Никифоров*

ПОЛЬСКИЙ ОКТЯБРЬ 1956 ГОДА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ: МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ВАРШАВЕ

Политический кризис в октябре 1956 г. – знаковый в новейшей польской истории. Именно так в исторической памяти польского народа запечатлелись события тех дней. Их полувековая годовщина отмечена в Польше углубленным изучением кризиса, вышедшими в последнее время монографиями, документальными публикациями и статьями, библиографическими справочниками, а также защитой диссертационных работ, музейными экспозициями и т.п. В связи с этим 19 октября 2006 г. в Варшаве состоялась (одна из многих) научных конференций на тему “Польский октябрь 1956 года в международной политике”. Пожалуй, стоит подчеркнуть, что столь важное научное мероприятие было организовано в символическом месте – Бельведерском дворце, где на протяжении XIX–XX вв. происходили исторические события, в том числе известная встреча руководителей Советского Союза и Польши 19–20 октября 1956 г., в ходе которой были обсуждены и в принципе согласованы решения по преодолению трудностей в развитии советско-польских межгосударственных и межпартийных (КПСС–ПОРП) отношений, возникших после XX съезда КПСС и известного закрытого доклада на съезде, с которым выступил советский лидер.

В конференции приняли участие историки и политологи Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Китая, Польши, России и США. Было представлено

13 докладов, сгруппированных в три тематических блока: «Международные и внутренние последствия октябрьских событий в Польше в государствах “социалистического лагеря”», “Польский Октябрь глазами Запада – в политике США, Великобритании, Франции, ФРГ и в оценках НАТО” и “Польский Октябрь с перспективы 50-ти лет”. Работу конференции вступительным словом открыл заместитель министра иностранных дел Республики Польша (РП) *Р. Висьневский*.

В порядке программы были заслушаны следующие выступления: *А. Орехов* (Институт славяноведения РАН) “Польша в 1956 году: взгляд Кремля и Старой площади”; *Шен Чихуа, Ли Танхуэй* (Пекинский университет) “Кризис в Польше 1956 г. и китайско-польские отношения”; *Я. Тишлер* (Институт истории венгерской революции 1956 г.) “Польский Октябрь и Венгрия”; *И. Баев* (Центр исследований по истории “холодной войны” Софийского университета) “Отношение болгарского руководства к польскому Октябрю 1956 г.”; *И. Лукес* (Бостонский университет) “Чехословакия и Польша в 1956 г.”; *Б. Шеффер* (Немецкий исторический институт в Вашингтоне) “ГДР и польский Октябрь 1956 г.”; *Д. Селвидж* (Университет авионавтики Эмбри-Риддл, США) “Администрация президента Эйзенхауэра и польский Октябрь 1956 г.”; *А. Дайджтон* (Оксфордский университет) “Британская реакция на польские события,

июль–ноябрь 1956 г.); *Г.М. Паутор* (Варшавский университет) “Отношение Франции к Октябрю 1956 г.”; *Р. Кунецкий* (Министерство иностранных дел РП) “Отношение НАТО к октябрьским событиям 1956 г. в Польше”; *А. Фришке* (Институт политических исследований ПАН) “Польский Октябрь ’56 с перспективы пятидесятилетия”; *А. Вэрблян* (Варшава) “Октябрь 1956. Легенды и действительность”; *В. Бородзей* (Польский институт международных отношений) “1956 год как хронологическая грань в истории международной политики ПНР”.

Докладчики и участники дискуссии рассмотрели актуальные вопросы генезиса, развития и последствий политического кризиса октября 1956 г. Естественно, центральное место в докладах занял вопрос об отношении правящих кругов европейских стран, США, Канады, а также Китая, к польскому кризису. Ряд участников конференции представили в своих докладах новые документальные материалы, выявленные в архивах Китая, Польши, России и других стран. В своей совокупности этот впервые вводимый в научный оборот документальный пласт свидетельствует о том, как много источников по теме польского Октября ’56 еще недостаточно изучены и насколько перспективна дальнейшая аналитическая работа в рамках данной темы. Большой интерес вызвал доклад китайских историков, работы которых уже начали пробивать себе дорогу в международной историографии польского кризиса 1956 г. В своем совместном докладе они рассмотрели такой мало изученный аспект кризиса 1956 г. в Польше, как роль компартии Китая, и в частности Мао Дзэдуна и его ближайшего окружения, в контексте польского кризиса. О китайских коллегах

стоит сказать несколько слов отдельно. В своей стране Шен Чихуа хорошо известен как специалист по проблемам Китая в системе международных отношений, в настоящее время работает над книгой о советских специалистах в КНР. Что касается Ли Танхуэй, то она в настоящее время занята подготовкой исследования о китайско-советских отношениях в период 1949–1960-х годов. В ходе конференции китайские историки сообщили, что в последнее время в КНР ведется работа по рассекречиванию архивных документов по указанным темам.

В дискуссии неоднократно затрагивался вопрос о необходимости дальнейших поисков документов в архивах, особенно российских и китайских, без которых некоторые существенные аспекты обсуждавшейся темы не могут быть изучены с достаточной полнотой. Кроме того, новые исторические источники позволили бы посмотреть на проблему в целом, сблизить и уточнить имеющиеся в историографии спорные вопросы.

Итоги работы конференции подвел директор Польского института международных отношений *Р. Кузьняр*, подчеркнувший научную значимость представленных докладов. По общему мнению участников конференции, организационная сторона ее работы заслуживает самой высокой оценки. Например, сигнальный экземпляр сборника докладов был продемонстрирован одновременно с открытием конференции. Все его статьи были своевременно переведены на польский язык и вручены авторам для авторизации. Ожидается также издание англоязычной версии сборника.

© 2007 г. *А.М. Орехов*

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОВЕТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ 1917–1938 ГОДОВ” (ШЕФФИЛД, 9–11 СЕНТЯБРЯ 2006 г.)

Международная конференция была организована К. Брэндином и К. Чоун. Двадцать пять исследователей из Великобритании, России, США, Швейцарии, Италии, Финляндии, Швеции, Эстонии, Словении и Японии выступили с докладами на русском и английском языках и приняли участие в дискуссиях. Открыл конференцию доклад российского исследователя *В. Алпатова* “Советская лингвистика 20–30-х годов XX в. и научное наследие”. Подчеркнув тот факт, что в советской лингвистике указанного периода отразились не только исторические события 1917 г., но и становление новой научной парадигмы, В. Алпатов выделил три господствовавшие в то время точки зрения на наследие прежней (прежде всего исторической) лингвистики. С одной стороны, ученые старой школы продолжали считать принципы науки девятнадцатого века неизлечимыми. В отличие от них, Н.Я. Марр и его ученики и последователи требовали создать основанную на “новом мышлении” новую науку о языке. Наконец, Е.Д. Поливанов и лингвисты группы “Языкофронт”, признавая крупнейшие достижения “традиционной лингвистики”, говорили о необходимости строить новую науку о языке, которая включала бы в себя анализ его социальной функции.

Многие доклады, прозвучавшие на конференции, были посвящены анализу деятельности отдельных советских ученых и разбору их конкретных работ. Так, анализ книги И. Шпильрейна “Язык красноармейца” (1928) был в центре доклада одного из организаторов конференции, *К. Брэндинга*, а другой ее организатор, *К. Чоун*, рассказала о С.М. Доброгаеве и его исследованиях на стыке медицины и лингвистики. По мнению докладчицы, своим учением о социально-физиологи-

ческой природе речепроизводства Доброгаев внес важный вклад в бурно развивавшуюся в СССР в конце двадцатых годов прошлого века “социальную фонологию”. О “социальной семантике” Н.Я. Марра и М.М. Покровского рассказала *Е. Вельмезова* (Россия – Швейцария).

О. Дискаччати (Италия) посвятила свой доклад созданию Д.Н. Ушаковым “Толкового словаря русского языка” и дискуссиям, последовавшим за его выходом в свет. *К. Федорова* (Россия) выступила с сообщением о лингвистических работах Е.Д. Поливанова о социальном характере языка, а *И. Сандомирская* (Швеция) рассказала об исследованиях И.А. Соколянского в области сурдопедагогики, подробно остановившись на разработанной им системе обучения слепоглухонемых.

Два сообщения были посвящены лингвистике В.Н. Волошинова. *П. Джоунз* (Великобритания) посвятил свой доклад понятию *социального* у Волошинова, проанализировав некоторые его концепции с точки зрения современной лингвистики. О *социальности* как “понятии и реальности” в “Марксизме и философии языка” шла речь и в докладе *И. Агеевой* (Швейцария): докладчица подробно рассказала о теории знака у Волошинова в контексте научных дискуссий начала XX в. Теория знака у Волошинова была сопоставлена в докладе, в частности, с концепцией знака Г. Шпета. Шпету посвятила свой доклад и *С. Вендетти* (Италия). Исследовательница остановилась прежде всего на анализе его работы “Внутренняя форма слова” (1927) – этом своеобразном итоге философских исканий ученого. Как было отмечено в докладе, критически опираясь на основные понятия философии языка В. фон Гумбольдта, Шпет предложил свое определение внутренней формы слова, противопоставляемой им внешнему,

звуковому облику слова. Внутренняя форма определялась Шпетом как совокупность специфических правил, необходимых носителям языка для осмысления соответствующей языковой единицы. На основе предложенного им анализа внутренней формы слова Шпет по-новому определял роль как субъекта, так и его экспрессивной функции в словесной структуре. О Шпете и его школе, представленной в Государственной Академии художественных наук (ГАХНе), рассказала другая итальянская исследовательница, *М.К. Гидини*. В ее докладе были упомянуты факторы, позволившие Академии стать тем “идеологическим убежищем”, где в трудные времена смогли найти понимание ученые самых разных направлений. По мнению докладчицы, именно Шпет определил теоретическую рамку исследований, возникших в недрах ГАХНа.

П. Серю (Швейцария) в своем докладе указал на неожиданные схождения теорий некоторых советских лингвистов межвоенного периода, интересовавшихся социальной проблематикой (*В.Н. Волошинов*, *Н.Я. Марр*, *Л.П. Якубинский*), и концепций зарубежных философов-консерваторов девятнадцатого века (*Ж. де Местр*, *Л. де Бональд* и др.). О “лингвистике и политике” шла речь в докладе *М. Смита* (США), рассказавшего о проводимой Сталиным политике активного вмешательства в советскую лингвистику. Попытка переосмысления вмешательства Сталина в советскую лингвистику в 1950 г. была и в центре сообщения *Е. Добренко* (Россия).

Некоторые доклады были посвящены отдельным понятиям в ранней советской социолингвистике. *М. Горам* (США) рассказал об эволюции понятий *культура языка* и *культура речи* в советской лингвистике сталинской эпохи, а *М. Ляхтенмяки* (Финляндия) выступил с докладом о разном понимании *социологии* в работах советских лингвистов, проанализировав концепции *Р.О. Шор*, *М.Н. Петерсона*, *Е.Д. Поливанова*, *марристов* и членов группы “Языкофронт”. *М. Углик* (Словения) изложил суть различных подходов к понятию *языковой гетерогенности*, существовавших в СССР в конце 20-х – на-

чале 30-х годов XX в. При этом словенским исследователем были подробно проанализированы работы *Б.А. Ларина*, *Г.К. Данилова* и *Л.П. Якубинского*. Социолингвистическим аспектам работ *Ларина* и *Якубинского* был посвящен и доклад *В. Гулиды* (Россия).

О концепциях языка, формировавшихся в Советском Союзе на стыке лингвистики и смежных дисциплин (в частности эстетики, семиотики и искусствоведения), рассказал *В. Фещенко* (Россия). Исследователь привлек к анализу малоисследованные данные из области контактов языковедов с представителями других областей знания и творчества, в том числе контактов в поэтической и художественной среде. При этом в докладе были намечены некоторые ключевые концепты лингвистической эстетики, выходявшие на авансцену в рассматриваемый период развития русской лингвистики и словесности.

Другой российский исследователь, *И. Калинин*, сделал доклад о проблеме соотношения генетического изоморфизма и исторического материализма в советской психологии 20–30-х годов XX в. Как было подчеркнуто в докладе, драматичная коллизия, с необходимостью разрешения которой столкнулись в тот период многие лингвисты и психологи, была связана с отсутствием понимания ими перехода от естественно-исторической теории изоморфизма между онтогенезом и филогенезом к марксистской теории исторического материализма, которая утверждала диалектическую зависимость между базисом и надстройкой.

Этническим факторам и потенциальным “административным ресурсам” в становлении ранней советской социолингвистики был посвящен доклад *Н. Васильева* (Россия). В целом ряде докладов был представлен анализ дискурса о конкретных языках в советской лингвистике 1920–1930-х годов. Так, в центре доклада *Ю. Арая* (Япония) был дискурс о бурятском языке в свете социолингвистической дилеммы, считать ли его самостоятельным языком или же диалектом монгольского языка. *С. Море* (Швейцария) рассказал о попытках рационализации русского языка, предпринимаемых в

20-е годы прошлого века. Идеям создания международного искусственного языка “в дребнях ранней советской социолингвистики” был посвящен доклад *А. Дуличенко* (Эстония). Как было показано в докладе, только в период с 1918 по 1939 г. в СССР появилось около двадцати соответствующих лингвопроектов. По мнению *А. Дуличенко*, не случайно, что последовавшее за этим сворачивание движения за международный искусственный язык в советском государстве осуществлялось параллельно с прекращением активной работы над созданием письменности для бесписьменных языков народов СССР. Вопросу о всемирном

языке в лингвополитическом контексте 1920–1930-х годов был посвящен и доклад *В. Гречко* (Япония), проанализировавшего соответствующую полемику между *Н.Я. Марром* и его учениками, эсперантистами и членами группы “Языкофронт”.

В заключительной дискуссии участники конференции поблагодарили ее организаторов за прекрасно организованную встречу. К конференции был выпущен сборник тезисов. Все доклады предполагается опубликовать отдельным сборником.

© 2007 г. *Е.В. Вельмезова*

К ЮБИЛЕЮ СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА НИКОЛЬСКОГО

27 февраля 2007 г. исполнилось 85 лет профессору, заслуженному деятелю науки России Сергею Васильевичу Никольскому, одному из старейших и наиболее авторитетных ученых Института славяноведения РАН.

С.В. Никольский – высоко ценимый на родине и за рубежом литературовед-богемист, специалист по истории славянских литератур и литературных связей. Библиография его научных работ занимает 40 страниц в книге “Фантастика и сатира в литературе славянских народов” (2004). В числе его трудов – монографии “Карел Чапек – фантаст и сатирик” (1973, чешский вариант – 1978), “Две эпохи чешской литературы” (1981, чешский вариант – 1986), “Карел Чапек” (1990), “История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое” (1997), “Над страницами антиутопии К. Чапека и М. Булгакова (Поэтика скрытых мотивов)” (2001).

Сергей Васильевич начинал как русист, окончив в 1945 г. русское отделение филологического факультета МГУ, но темой его кандидатской диссертации стало творчество чешского поэта и филолога Ф.Л. Челаковского. В 1948 г. ученый приходит в недавно созданный Институт славяноведения АН СССР, где ему было поручено сформировать и возглавить сектор славянских литератур, которым он руководил до 1988 г. Всего же Сергей Васильевич работает в Институте 58 лет. За долгие годы им были подготовлены многие специалисты по этим литературам, при его участии и под его редакцией написаны фундаментальные труды по истории болгарской, чешской, словацкой, польской литератур. Сергей Васильевич как редактор и автор работал над созданием восьмитомной “Истории всемирной литературы”, девятитомной “Краткой литературной энциклопедии”, однотомного “Литературного энциклопедического словаря”, трехтомной “Истории литератур западных и южных славян”. Он внес очень существенный вклад в изучение славянского романтизма, творчества К. Чапека (которому посвящена докторская диссертация, 1971), Я. Гашека.

Достаточно сказать, что Сергей Васильевич буквально спас Чапека для литературы в начале 1950-х годов, опубликовав статью о нем в Москве (1950) и брошюру в Праге (1952). Признание Чапека в Советском Союзе сыграло решающую роль в реабилитации замечательного писателя на его родине. Творчеством Чапека С.В. Никольский продолжал заниматься всю жизнь, как и наследием другого знаменитого чеха – Гашека. Ему удалось установить прототип Йозефа Швейка и проследить его биографию, что стало, безусловно, важным литературоведческим открытием. Результатом постоянного внимания к русской литературе стала расшифровка ключевых образов М. Булгакова, аллюзий на общественно-политические события в России.

Сергей Васильевич имеет много титулов и наград. Среди недавних – медаль имени Ф.Кс. Шальды (1995), медаль имени Я. Масарика (2001), медаль имени Й. Добровского Чешской Академии наук (2002). Он почетный доктор Оломоуцкого университета, почетный член Общества братьев Чапек (Чехия), организатор и председатель Общества братьев Чапек в России.

Творческое долголетие Сергея Васильевича, интерес к различным явлениям современности, тщательность проводимых научных исследований продолжают удивлять и восхищать его коллег. Он чуткий и требовательный редактор, неизменный советчик молодых ученых. Его идеи всегда значительны и увлекательны. Сергей Васильевич держит в памяти множество историй из прошлого российской науки и рассказывает их с добродушным юмором. Шутка, доброе слово заряжают его коллег оптимизмом.

Институт славяноведения РАН, друзья и соратники Сергея Васильевича от всего сердца поздравляют его с днем рождения и желают крепкого здоровья и новых научных побед!

Коллеги и друзья

К ЮБИЛЕЮ АЛЬБИНЫ ФЕДОРОВНЫ НОСКОВОЙ

25 октября – день рождения доктора исторических наук ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН Альбины Федоровны Носковой – крупного российского историка-полониста, монографии и статьи которой широко известны научной общественности в нашей стране и за рубежом.

Научная деятельность А.Ф. Носковой многопланова и продуктивна. Она – автор и соавтор четырех монографий, глав в многочисленных коллективных трудах, десятков статей и рецензий, постоянная участница конференций, заседаний комиссий историков, симпозиумов, дискуссий. Маршруты ее поездок пролегли не только через Польшу, но и Болгарию, Венгрию, Румынию, Словакию, Германию, Швецию, Соединенные Штаты Америки...

Практически вся научная и творческая деятельность Альбины Федоровны связана с Институтом славяноведения, куда она пришла в 1961 г., поступив в аспирантуру сектора славяно-германских отношений. “Под крылом” заведующего сектором В.Д. Королюка и научного руководителя В.М. Турока-Попова молодая и упорная аспирантка делала первые шаги в науке. Она и сегодня тепло и с благодарностью вспоминает своих наставников, старается следовать их примеру в лекционной деятельности, в работе с аспирантами и соискателями.

Отличительная черта А.Ф. Носковой как исследователя – широкий диапазон научных интересов. Она не является приверженницей одной темы, ее труды посвящены политической и экономической истории Польши в межвоенный и послевоенный периоды, крестьянскому политическому движению в Польше в 30–40-е годы XX в., общественным трансформациям в Восточной Европе и формированию политических систем советского типа в регионе. Заметный резонанс имели статьи и выступления А.Ф. Носковой по проблемам политических репрессий в советской сфере влияния, становления и функционирования института советских советников. В последние годы Альбина Федоровна успешно осваивает новую для себя проблематику государственно-церковных отношений в странах Восточной Европы после Второй мировой войны, опубликовав ряд статей по истории католицизма, о взаимоотношениях церковных институтов и власти, роли “советского фактора”. Впереди работа над коллективной монографией “История Польши в XX веке”, ответственным редактором и автором глав в которой является Альбина Федоровна.

Особо следует сказать об активном участии А.Ф. Носковой в подготовке публикаций документов российских архивов по новейшей истории. Эта работа ведется в Институте славяноведения с начала 1990-х годов разными коллективами, но у истока ее стоял скромный по нынешним временам сборник “НКВД и польское подполье. 1944–1945 гг. (По “Особым папкам” И.В. Сталина)” (М., 1994), ответственным редактором которого была А.Ф. Носкова. Ей хорошо знакомы все стадии работы – от выявления документов в архиве, их отбора, археографической обработки, написания научных комментариев до вычитки корректуры. После первого сборника последовали двухтомники “Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.” (Москва; Новосибирск, 1997–1998), “Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы” (М., 1999, 2002); сборники документов “Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946 гг. Документы российских архивов” (М., 1998) (переведен на рум. яз.), “Из Варшавы. Москва. Тов. Берия... Документы НКВД о польском подполье. 1944–1945 гг.” (Москва; Новосибирск, 2001) (переведен на польск. яз.). Выявителем, составителем, автором научных комментариев выступила Альбина Федоровна. В настоящее время завершена работа над двухтомником “Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов”, в котором она курировала документы о католической конфессии.

Убедительную научную интерпретацию документов А.Ф. Носкова закрепила в монографических исследованиях, привлекающих внимание научного сообщества. Монографии “Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944–1948 гг.” (М., 1993), “Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953 гг. Очерки истории” (М., 2002) включены в обязательные программы научных студенческих семинаров в Будапештском и Тель-Авивском университетах.

В юбилейный для А.Ф. Носковой год коллектив Научного центра истории сталинизма, в котором она работает, сдал в издательство монографию “Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х гг. XX в.”. Завершена сложная и трудная работа, а впереди – новые замыслы, новые статьи, выступления и, надеемся, книги. Sto lat, дорогая Альбина Федоровна! Здоровья, бодрости и новых творческих успехов!

К ЮБИЛЕЮ ГАЛИНЫ ПАВЛОВНЫ МУРАШКО

3 января – юбилейная дата в жизни крупного историка-слависта, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН Галины Павловны Мурашко.

Г.П. Мурашко родилась в г. Тейково Ивановской области в семье интеллигентов первого поколения, которым образование и путевку в жизнь дала советская власть. Отец – Павел Иванович Резонов прошел нелегкий трудовой путь: “избач” и курсант военного училища, фронтовик, преподаватель Военно-политической академии имени Ленина, заместитель директора Института славяноведения и балканистики АН СССР. Мать – Екатерина Николаевна Косарева – учительница русского языка. Помимо профессиональной деятельности родители много времени отдавали общественной работе, и маленькая Галя с детства привыкла к самостоятельности и независимости. Эта привычка определила основные черты ее характера, ярко проявившиеся в последующей научной жизни.

В 1949 г. Галина Павловна поступила на Исторический факультет МГУ, который окончила в 1954 г., получив диплом с отличием. По распределению она уехала в Белоруссию, где в скромной железнодорожной школе на станции Полоцк приобрела свой первый педагогический опыт. Мечты о науке привели молодую учительницу в заочную аспирантуру Института славяноведения и балканистики, однако приступить к серьезным занятиям ей удалось только в 1957 г. после возвращения в Москву. С этого времени ее жизненный и творческий путь неразрывно связан с Институтом. Научным руководителем Галины Павловны стал известный специалист по истории Чехословакии А.И. Недорезов. По окончании аспирантуры Г.П. Мурашко была зачислена в штат Института. В 1964 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию “Положение рабочего класса и формирование революционного направления в профсоюзном движении Чехословакии в годы послевоенного экономического кризиса. 1921—1923 гг.”, которая подтолкнула ее к более углубленному изучению экономической истории Чехословакии. В 1972 г. опубликована написанная в соавторстве с В.В. Марьиной монография “Путь чехословацкого крестьянства к социализму”, получившая высокую оценку в Советском Союзе и Чехословакии. В расширенном варианте она была переведена на словацкий язык и долгие годы активно использовалась чехословацкими преподавателями в вузовском учебном процессе.

Сформировавшись как историк-богемист, Галина Павловна никогда не была исследователем одной темы. Научный интерес – главный двигатель в ее творчестве – определил переход в начале 1970-х годов от чисто страноведческих тем к исторической компаративистике. Важной вехой в этом процессе явилось участие Г.П. Мурашко в написании коллективной монографии “Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе”, выдержавшей два издания (1977, 1982) и награжденной медалью ВДНХ. Всестороннее исследование Галиной Павловной процесса национализации основных средств производства в регионе в 40-е годы XX в. завершилось написанием двух монографий и защитой в 1980 г. докторской диссертации.

В начале 1980-х годов складывается научный тандем Г.П. Мурашко – А.Ф. Носкова, который успешно и плодотворно действует уже более 20 лет. В соавторстве написаны десятки статей, докладов, главы и разделы в коллективных трудах.

В годы, непосредственно предшествовавшие перестройке, Галина Павловна включилась в научную дискуссию, посвященную проблемам переходного периода от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Под ее руководством большой коллектив историков подготовил этапную работу “Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории”, увидевшую свет в 1989 г. Ее авторы сосредоточились на комплексном системно-сравнительном анализе процессов, параллельно развивавшихся в общественной жизни стран региона, попытались провести их типологизацию и дать свой ответ на активно дискутировавшийся тогда в науке вопрос о месте этапа строительства основ социализма в переходном периоде и критериях завершенности последнего.

На рубеже 80–90-х годов XX в. в связи с формированием новой исследовательской парадигмы от историков потребовалось переосмыслить исторический опыт, проделанный на более ранних этапах работу, вклад предыдущих поколений ученых. В качестве первостепенной выдвинулась задача введения в научный оборот новых источников. Без преувеличения переломным моментом для Галины Павловны и ее коллег явилась работа над острейшими и дискуссионными вопросами, связанными с феноменом народной демократии в странах региона. Рассекреченные архивы МИД

СССР стали основой для разработки оригинальной научной концепции народной демократии как политически вариативного, переходного состояния общества, одного из вариантов демократии “по соглашению”, действовавшего на сравнительно широкой социально-политической основе. Постепенное расширение радикальных настроений в послевоенном обществе давало “фору” коммунистам и привело, в конечном счете, к обретению ими монополии на власть. Вышедшая в 1993 г. монография “Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг.” вызвала острые научные дискуссии, как в нашей стране, так и за ее пределами, а ее авторы обрели горячих сторонников и не менее “горячих” противников. Одно было очевидным – несомненный интерес к монографии со стороны научного сообщества. Не случайно на протяжении ряда лет книга изучалась в спецсеминарах на исторических факультетах университетов и институтов Бухареста, Берлина, Праги и Тель-Авива. И по сей день в историографии нет других работ, где этап народной демократии получил бы конкретную “качественную” характеристику.

В начале 1990-х годов Галина Павловна возглавила созданный по ее инициативе Научный центр истории сталинизма в Восточной Европе, которым руководила более 10 лет. Это были годы целенаправленной работы по формированию новой источниковой базы для исследования послевоенной истории стран региона Восточной Европы и интерпретации выявленных в архивах документов. В рамках серии “Москва и Восточная Европа” были опубликованы сборники документов “НКВД и польское подполье. 1944–1945 (По “особым папкам” И.В. Сталина)” (1994), “Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов” (1998), “Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы” (2000), “Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953”. Т. 1–2 (1997, 1998). “Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы”. Т. 1–2 (1999, 2002). В одном ряду с солидными сборниками находятся и более скромные по объему, но не по значению публикации, такие, как, например, подготовленная Г.П. Мурашко документальная коллекция «“Дело” Сланского» (“Вопросы истории”, 1997. № 3–4). Показателем востребованности исследователями документальных публикаций Центра является их перевод на английский, румынский, болгарский, польский и венгерский языки.

Важным этапом в осмыслении и научной интерпретации новых источников стала вошедшая в вышеозначенную серию “Москва и Восточная Европа” коллективная монография “Становление политических режимов советского типа. 1944–1953. Очерки истории” (2002), где Г.П. Мурашко в соавторстве с А.Ф. Носковой написаны разделы, посвященные острым и долгое время считавшимся “неудобными” проблемам политических репрессий в странах региона, возникновения и функционирования института советских советников.

Параллельно с написанием монографии сотрудники Центра приступили к выявлению документов, раскрывающих конфессиональную политику правящих режимов в первое послевоенное десятилетие. Зримым результатом напряженной работы явилась подготовка двухтомника документов и коллективной монографии из серии “Москва и Восточная Европа” “Власть и общество в период общественных трансформаций 40–50-х гг. XX в. Очерки истории” (находится в издательстве). Сосредоточившись на изучении проблем, связанных с римско-католической и греко-католической (униатской) церковью, Галина Павловна выступила как соавтор соответствующих разделов монографии, а при работе над документальным сборником прошла все этапы, начиная с выявления документов в архивах и до написания научных комментариев.

Нельзя не сказать о таких привлекательных качествах юбиляра, как исследовательский задор, открытость к научным спорам, способность воспринимать возражения и критику. Во многом благодаря Галине Павловне в коллективе прочно укоренилась практика своего рода “мозговых штурмов” – открытое обсуждение дискуссионных проблем без оглядки на научный авторитет и регалии участников, без опасения высказывать любые идеи, даже самые, на первый взгляд, парадоксальные. Сотрудники Центра не единожды убеждались в пользе подобных обсуждений, стимулирующих научную мысль и творческий поиск.

Горячий и преданный патриот Института Галина Павловна считает, что содействие сохранению лучших его традиций, как научных, так и человеческих, – главная задача ветеранов. Именно поэтому она никогда не отказывает в помощи коллегам и молодым исследователям. Среди ее научных “крестников” есть представители не только ближнего, но и дальнего Зарубежья – словаки Я. Страка и В. Щепаньский, чех А. Фабиан, болгарин А. Кожухаров и другие.

Коллеги и друзья поздравляют Г.П. Мурашко со славным юбилеем и желают ей здоровья, бодрости и творческого долголетия.

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ЦИВЬЯН

Балканист, славист, семиотик, исследователь русской (и не только!) литературы, блестящая ученица В.Н. Топорова, чьи работы публикуются во множестве мировых журналов – такова Татьяна Владимировна Цивьян (Михайлова).

Она автор восьми монографий и 470 опубликованных исследований. В Институте славяноведения работает около 50 лет, здесь же она училась в аспирантуре.

В автореферате ее кандидатской диссертации (Имя существительное в балканских языках. М., 1964) сразу обращает на себя внимание очень высокий уровень Введения, где диссертант демонстрирует прекрасное знание теоретической лингвистики и одновременно готовность к полному представлению фрагмента языковой системы (в данном случае – имени) во всех анализируемых языках. Уже в этом тексте исследовательница показывает (пока – интуитивное) представление о Балканском языковом союзе (БЯС) как о некоем целом, что и определило в дальнейшем, как я хочу показать, путь ее научных поисков. А именно, она пишет, что факты все увеличивающихся схождения на территории Балкан “могут означать то, что в их основе лежит некий развивающийся процесс, который, кстати сказать, проявляется не только на языковом уровне, а захватывает, например, фольклор, народное изобразительное искусство, верования, обычаи и обряды, некоторые стороны материальной культуры и т.д. Результаты этого процесса настолько значительны, что дают возможность говорить об общепалканской культурно-исторической общности, своего рода *mentalité balkanique*”. Будучи по университетскому образованию филологом-классиком, Т.В. Цивьян не удовлетворилась полученными знаниями, как это часто бывает с выпускниками данного отделения, а мужественно устремилась в дебри балканских языков и диалектов. Приведем только список исследованных ею языков и диалектов из того же кандидатского автореферата: “... албанский с диалектами (прежде всего гегийский), болгарский и македонский языки с диалектами (особое внимание уделено западноболгарским и центральномакедонским диалектам), новогреческий язык с диалектами (особенно цаконийский, маниотский и малоазийские), румынский язык, представленный дакорумынским, арумунским, мегленорумынским, истрорумынскими диалектами, сербскохорватский диалект (особо рассмотрены диалекты южной и восточной Сербии); в заключение излагаются некоторые наблюдения над именем в тюркских диалектах Балканского полуострова (турецких, гагаузском)”. И эти поистине поражающие и точные знания сделали ее в дальнейшем одной из первых фигур мировой балканистики.

С самого начала своей исследовательской деятельности Т.В. Цивьян ясно осознала принципиальное различие славистики и балканистики. Славистика в ее обращении к диахронии опирается на разработанные методы компаративистики, строит некую исходную, “общеславянскую”, систему, из которой шаг за шагом порождаются современные языковые состояния. Балканы – живое сообщество и построить нечто, подобное трудам классиков диахронии, здесь невозможно. Нужны иные методы и иные подходы. Именно об этом пишет Т.В. Цивьян в своей первой “балканистической” книге (Имя существительное в балканских языках. М., 1965). Новые аспекты подхода к балканистике как особой ветви гуманитарной науки уже представлены в ее следующей большой монографии, посвященной не морфологической, а синтаксической структуре БЯС (Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979). Не меняя своей прежней позиции, Т.В. Цивьян в то же время показывает в этой книге и причины метатеоретических затруднений балканистики, и самую суть БЯС как идиоматичного феномена. Прежде всего подчеркивается роль языка в этом объединении, то, что термин Балканский языковой союз неслучаен. Вместе с тем, как пишет Т.В. Цивьян в этой работе, «неопределенность, (“несформулированность”) целей и задач, отсутствие границ и правил в отборе приводит к тому, что и сейчас балканистика стоит перед вопросом: должна ли она включать в себя нечто, выходящее за пределы “специфически балканского” (в разных аспектах) или даже *ничто*, кроме сопоставления конкретных результатов?». *Славистика обращена в прошлое, а балканистика – в будущее*. Таким образом, эти системы знания не симметричны. Балканистика, по мысли Т.В. Цивьян, занимается процессами, непрерывно происходящими, но не имеющими конечной точки схождения.

Задолго до общемирового обращения к “дискурсивным словам” и нереферентным языковым выражениям, Т.В. Цивьян формулирует категориальное различие двух слоев синтаксической структуры: элементов класса С и элементов класса Z. Класс Z – это “неполнозначные” слова: ча-

стицы, союзы, местоименные клитики, плавающие аффиксы и т.д. В “Синтаксической структуре балканского языкового союза” она подчеркивает: “Элементы Z играют формообразующую роль в тексте и на уровне минимальных единиц (ЭСК), и на уровне протяженных отрезков. Оказывается далее, что, переходя в виде конstituента (ср. ранее морфологический уровень – конstituент синтаксического и т.д.) в коммуникативную модель, эта оппозиция в общем плане соответствует аграмматизму (С) и способам установления и проверки контакта (Z) ... Этот класс Z в балканских языках весьма разработан, набор соответствующих элементов широк и разнообразен и, что особенно существенно, выделяет основное лексическое ядро, проходящее по всем балканским языкам”. Разрабатывая синтаксические модели, исследовательница приходит к тем идеям и тем увлечениям, которые и поныне сопровождают ее творческий путь. А именно – это интерес к фундаментальным антропоцентрическим оппозициям, рассмотренным в их антитезе и синтетичности. Эти оппозиции будут ею описываться и изучаться не только на материале языков Балкан. В явном виде сложившиеся идеи Цивьян-балканиста, в сущности посвятившей десятки лет ответу на простой, но обычно оказывающийся не разрешенным, вопрос: “БЯС – это что такое?”, были впервые изложены в монографии “Лингвистические основы балканской модели мира” (М., 1990), а несколько позднее в ее научном докладе, представленном на соискание ученой степени доктора филологических наук “Концепт языкового союза и современная балканистика” (М., 1992).

Путь ученого, идущего от первоначального юношеского собирания фактов к построению собственной теории, обычно представляется поступательным. Подъем на верхние ступени познания, как правило, заставляет забывать о нижних. Случай Т.В. Цивьян – особый. Все интересующие ее с ранних пор проблемы остаются с ней, только переходя на более высокий уровень интерпретации. Кроме того, нельзя все-таки замолчать тот факт, что Т.В. Цивьян – не только балканист. Можно отметить, например, такие направления в ее исследованиях: Т.В. Цивьян – семиотик; Т.В. Цивьян – исследователь русской литературы; Т.В. Цивьян и поэзия Серебряного века; Т.В. Цивьян как знаток русского авангарда и т.д. Унаследовав от своего учителя Владимира Николаевича Топорова широту интересов и одновременно тягу к сбору конкретного и редкого материала, Т.В. Цивьян в течение многих лет применяла методы, апробированные на балканском материале, к небалканским фактам и, напротив, сделав определенные выводы после изучения новых (небалканских!) данных, расширяла уже предложенную ранее интерпретацию сути БЯС, с большей или меньшей очевидностью.

Среди работ Т.В. Цивьян можно выделить шесть основных направлений, по которым велись ею балканистические исследования. (Еще раз повторяю, что каждое из них имеет в ее трудах выходы и за пределы собственно балканистики.) Что же это за шесть направлений? Это: 1) отдельные подходы к решению того же общего вопроса – *Что же такое БЯС?* и – тем самым – что же тогда такое “балканистика”? 2) исследования грамматики балканских языков, собственно языковые проблемы; 3) работы по фольклору БЯС, ритуалам, обрядам, мифопоэтическому субстрату народных верований и т.д.; 4) работы по так называемой “античной балканистике”, тесно связываемой ею с современным состоянием БЯС; 5) обращение к литературным формам языков БЯС, анализ языка поэтов, стихотворных форм и литературных жанров; 6) уточнение и развитие описанной выше Балканской модели мира (БММ).

Все эти направления ею детально разрабатываются с неослабевающей активностью.

Кроме того, мы не имеем возможности описать здесь ее поистине гигантскую, можно сказать титаническую, научно-организационную работу: подготовку множества сборников и коллективных трудов по балканистике, изданных в России и демонстрирующих многие балканистические проблемы российским филологам, выступления на Балканистических конгрессах, организацию Балканских чтений под эгидой Института славяноведения РАН и многое другое.

Итак, Институт славяноведения может по праву гордиться таким ученым. А его сотрудники могут пожелать ей долгих лет успешной работы.

ПАМЯТИ МИХАИЛА ВЛАДИМИРОВИЧА ФРИДМАНА (1922–2006)

1 мая 2007 г. исполнилось бы 85 лет доктору филологических наук М.В. Фридману – литературоведу, историку культуры и общественной мысли, переводчику, прозаику, поэту, педагогу, а 15 августа 2006 г. Михаила Владимировича не стало. Его многогранная творческая деятельность, продолжавшаяся более полувека, стала одним из важных связующих звеньев между русской и румынской культурами в новейшее время.

Михаил Владимирович Фридман родился в мае 1922 г. в находившейся под румынской властью Бессарабии (в с. Ново-Драгошены), близ Кишинева, в семье мастера железнодорожных мастерских. Детство и юность провел в разноязычной среде, гимназию в силу стечения жизненных обстоятельств окончил в Бухаресте. Его безупречное, абсолютное владение румынским языком всегда отмечали румынские друзья и коллеги М.В. Фридмана – люди литературного труда и высокой культуры слова (филологи, писатели, историки, журналисты). Столь же безупречно и профессионально, как литератор, Фридман владел вторым своим родным – русским языком, выполнив совершенные переводы произведений классиков румынской литературы М. Садовяну, Ч. Петреску, других писателей, а на склоне лет обратившись к написанию мемуарно-философской художественной прозы, а также к стихотворному жанру (в 1993–2005 гг. были изданы его романы и сборники стихов).

Литературная деятельность Фридмана началась в 1940 г., когда в румынских периодических изданиях (причем отнюдь не маргинальных) были опубликованы его юношеские стихи. А годом раньше его благословил известный румынский писатель Ливиу Ребряну, которому начинающий автор принес свои первые литературные опыты. В том же 1940 г. 18-летний Фридман стал непосредственным свидетелем значительных исторических событий, ознаменовавших собой закат одного из наиболее грандиозных и проблематичных проектов Версальской системы – Великой Румынии (присоединение Бессарабии к СССР в июне 1940 г.; второй венский арбитраж 30 августа, в соответствии с которым соседней Венгрии была отдана Северная Трансильвания; приход к власти в сентябре маршала Антонеску и последующие попытки установления тоталитарного режима по гитлеровским образцам; зверства легионеров, жертвами которых стали видные политики и деятели культуры, включая крупнейшего историка Н. Йоргу). Будучи в августе–сентябре 1940 г. продавцом в газетном киоске в центре Бухареста, юный М. Фридман не упустил возможности изучить по прессе всю динамику происходивших драматических событий, изучить позиции отдельных политиков, деятелей культуры, программы основных политических партий по ключевым вопросам национальной жизни. Его доскональное знание основных тенденций общественной мысли межвоенной Румынии помогло ему позже, на рубеже 1960–1970-х годов, когда по инициативе ответственного редактора В.Н. Виноградова М.В. Фридман был приглашен для написания глав по истории румынской культуры (в новое и новейшее время) для двухтомной “Истории Румынии”, опубликованной в начале 1970-х годов.

Нападение Германии и Румынии на СССР в июне 1941 г. застало М. Фридмана студентом Кишиневского пединститута. Летом 1941 г. вся большая семья (родители, младшие братья и сестры Михаила Владимировича) погибла вследствие геноцида евреев. Избежавший расправы М. Фридман, оказавшийся в расположении Красной Армии, долгие месяцы находился на строительстве оборонительных сооружений (в том числе под Сталинградом), а позже был востребован в качестве переводчика. Продолжив после войны образование, он окончил в 1948 г. Московский педин-

ститут имени В.П. Потемкина и стал школьным учителем. Богатейший жизненный опыт, в 1990-е годы преломившийся в его самобытной художественной прозе, сформировал в Михаиле Владимировиче острую нетерпимость к любым проявлениям национальной ограниченности, а тем более шовинизма. Даже в годы застоя, когда ложно понятые интересы социалистического сотрудничества заставляли кремлевских идеологов закрывать глаза на вопиющие националистические извращения диктатуры Чаушеску, М.В. Фридман, не опасаясь нажать себе недругов в Румынии, смело рассказывал советской публике правду о происходившем в соседней стране.

С начала 1950-х годов М.В. Фридман много занимается преподавательской деятельностью. На кафедре иностранных языков АН СССР он обучает аспирантов, избравших Румынию одной из своих специализаций либо решивших приобщиться к румынскому языку и культуре (среди его учеников были известные историки В.Н. Виноградов, Л.Е. Семенова, высоко отзывающиеся о преподавательских качествах М.В. Фридмана). На протяжении двух десятилетий М.В. Фридман преподавал также в Академии общественных наук, обучая, в частности, румынских аспирантов русскому языку. Сочетая преподавательскую деятельность с научной, переводческой и литературно-критической, он был в числе составителей румынско-русских и русско-румынских словарей, выступал со статьями и рецензиями в "Иностранной литературе", "Вопросах литературы", других журналах. С середины 1960-х годов М.В. Фридман принимал участие в коллективных проектах Института славяноведения, а с 1973 г. начал работать в штате Института славяноведения и балканистики АН СССР (позже, до самой своей кончины, в Институте славяноведения РАН), опубликовав несколько десятков работ по истории румынской литературы и культуры в XIX–XX вв. Его монография "Идейно-эстетические течения в румынской литературе XIX–XX веков. К проблеме преемственности" (М., 1989) была защищена в качестве докторской диссертации. Михаил Владимирович был одним из авторов двухтомного коллективного труда "История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны". На литературном материале двух столетий М.В. Фридман в своих работах пытался показать противоборство двух магистральных тенденций – открытости к диалогу с другими культурами, к прогрессивным влияниям западных и российской культур, а с другой стороны – установки на самоизоляцию и проповедь своей национальной исключительности, что нашло крайнее и по сути дела карикатурное выражение в эпоху Чаушеску, когда официальные идеологи, пытаясь компенсировать ущемление элементарных человеческих прав национальным самовозвеличением, призывали ученых-гуманитариев выискивать в Румынии истоки и корни многих великих изобретений человечества, прообразы наиболее выдающихся достижений творческой, и в первую очередь художественной мысли.

Последние годы жизни Михаила Владимировича были омрачены утратой одной из дочерей – талантливой художницы Лидии Шульгиной. Невзгоды не сломили его духа – он до последних дней много работал: выступал с новыми статьями и переводами, продолжал внимательно следить за литературной и культурной жизнью Румынии и по мере сил в ней участвовал. Его выступления с докладами на научных конференциях неизменно привлекали внимание румынских коллег, вызывали дискуссии. Михаил Владимирович всегда охотно консультировал молодых российских, румынских и молдавских специалистов – филологов и историков. В течение целого ряда лет он был членом двусторонней комиссии историков России и Румынии и активно участвовал в ее работе. На заседании комиссии в г. Крайове в октябре 2006 г. ее сопредседатель виднейший румынский историк акад. Ф. Константиу, порой полемизировавший с М.В. Фридманом, предложил почтить его память, назвав М. Фридмана "румынским и русским писателем, много сделавшим для сближения культур двух народов".

Светлая память о Михаиле Владимировиче Фридмане, талантливом, высокоинтеллигентном человеке и большом профессионале, навсегда останется в сердцах людей, его знавших.

© 2007 г. *Коллеги, друзья*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Shevchenko K.V.</i> (Prague). An Attempt of Sorbians to secede from Germany in 1945–1946	3
<i>Ulunyan A.A.</i> (Moscow). The XXth Congress of the CPSU: “The Greek dimension”	25
<i>Mayorova O.N.</i> (Moscow). The course of negotiations between the authorities and opposition at the 1989 “round table” in Poland	39
<i>Kuznetsov D.V.</i> (Blagoveschensk). Public opinion in Western countries and the Kosovan crisis ...	55
<i>Zaprudsky S.N.</i> (Minsk). Scientific and political aspects of the Belarus 1933 language reform	73

PUBLICATIONS

<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). About V. Gomulka’s reaction to N.S. Hrushchev’s removal (October, 1964).....	89
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Lapteva L.P.</i> К.В. Шевченко. Лужицкий вопрос и Чехословакия (1945–1948)	105
<i>Nikiforov K.V.</i> D. Jović. Jugoslavija. Država koja je odumrla. Uspori, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974–1990).....	111

SCHOLARLY LIFE

<i>Orekhov A.M.</i> The Polish “October 1956 in world policy”: the International scientific conference in Warsaw	115
<i>Velmezova E.V.</i> International conference “The Sociological trend in Soviet linguistics in 1917–1938” (Sheffield, September, 9–11, 2006).....	117

ANNIVERSARIES

Towards the Anniversary of Serguey Vassilyevich Nikolsky	120
Towards the Anniversary of Albina Fedorovna Noskova	121
<i>Volokitina T.V.</i> Towards the Anniversary of Galina Pavlovna Murashko	122
<i>Nikolaeva T.M.</i> Towards the Anniversary of Tatyana Vladimirovna Tsyvyan.....	124

OBITUARIES

Mikhail Vladimirovich Fridman (1922–2006): in memoriam	126
--	-----

Сдано в набор 02.02.2007 Подписано в печать 28.03.2007 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 5,1 тыс. Уч.изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 484 экз. Зак. 106

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

